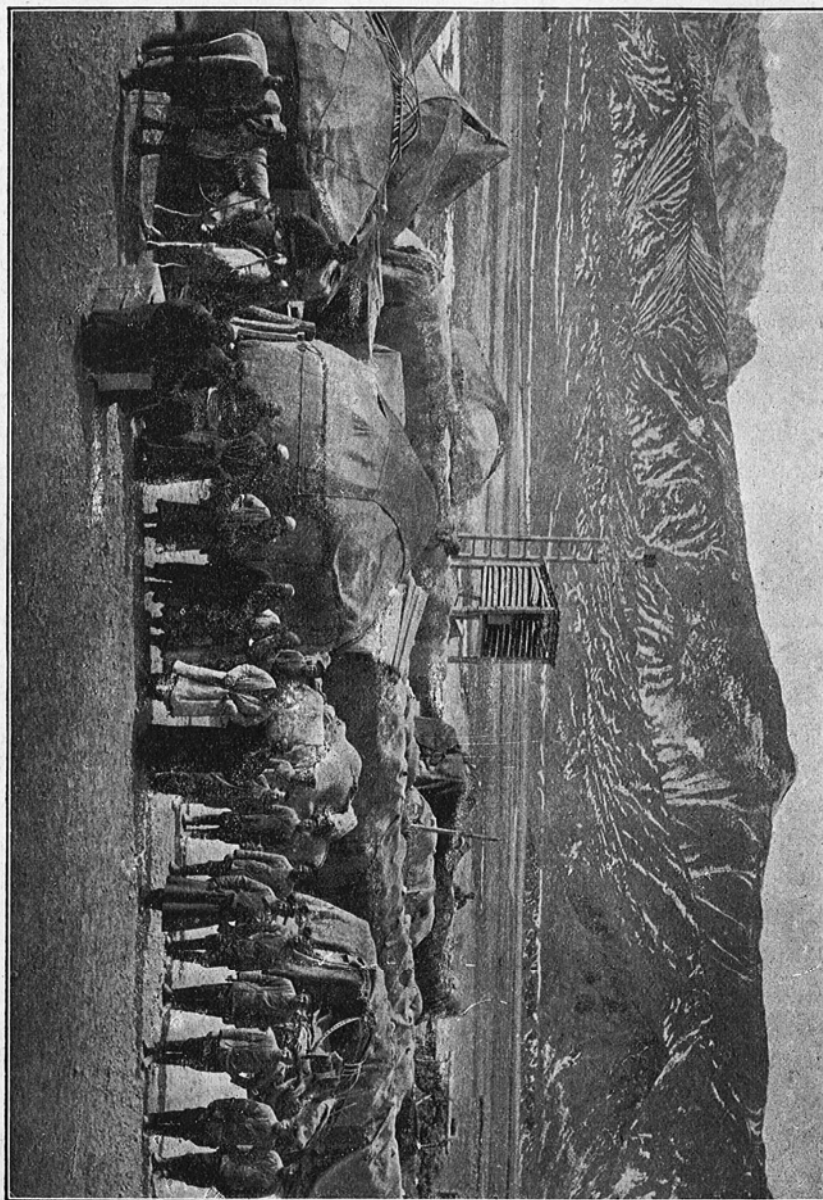

Памиръ, столь горячо обсуждавшагося въ послѣдніе годы. Лѣтомъ 1895 г., когда была созвана для опредѣленія границъ

Курьпостной дворъ Памирскаго поста; вѣщи, на югѣ у подошвы хребта Вазаръ-дере, видна рѣка Мургабъ.
(Съ фотографіи автора).

англо-русская коммисія, вопросъ этотъ и получилъ свое окончательное разрѣшеніе. Ко времени-же посѣщенія мною Памира, дѣло подвинулось настолько, что на „крышѣ міра,„

воздвиглось русское укрѣпленіе съ постояннымъ гарнизономъ.

Укрѣпленіе это, политическое значеніе и цѣль котораго ясны, какъ день, было возведено лѣтомъ и осенью (съ 22 іюня до 30 окт.) 1893 года второй ротой четвертаго туркестанскаго линейнаго батальона. Прямоугольныя стѣны укрѣпленія сложены изъ дерна и мѣшковъ, наполненныхъ пескомъ, и окружаютъ просторный дворъ, гдѣ находятся офицерскій флигель, и землянки съ бревенчатыми крышами, вмѣщающія казармы, кухню, лазаретъ, баню, мастерскія и пр. Въ нѣсколькихъ войлочныхъ кибиткахъ сохраняются продовольственные запасы и аммуниція; на небольшой метеорологической станціи три раза въ день производятся наблюденія.

Въ углу обращенной къ сѣверу продольной стѣны находятся барбетъ, съ митральезами системы Максима Норденфельдта. Обращенная къ югу продольная стѣна идетъ по краю высокой конгломератовой террасы, съ вершины которой укрѣпленіе и господствуетъ надъ долиной Мургаба. Терраса была въ свое время образована теченіемъ рѣки, которая теперь отошла отъ нея на довольно значительное разстояніе. Между террасой и рѣкой остались болота и трясина, изъ которой пробиваются многочисленныя прозрачныя ключи.

Памирскій постъ наглядное доказательство энергіи офицеровъ, руководившихъ работою и прекрасный памятникъ ихъ трудовъ: возведеніе укрѣпленія на такой значительной высотѣ и такъ далеко отъ всякой цивилизаціи не могло не быть сопряжено съ величайшими трудностями. Весь древесный и прочій матеріалъ приходилось доставлять на вьючныхъ лошадяхъ изъ Опа. Осенью тутъ часто разражались свирѣпыя бураны, обдававшіе облаками снѣжной и песочной пыли, а офицеры и команда въ это время должны были ютиться въ киргизскихъ кибиткахъ, которыя вѣтеръ нерѣдко и опрокидывалъ.

Съ Кашгаромъ установились новыя торговыя сношенія, и кашгарскіе купцы пріѣзжаютъ сюда со своими товарами, вымѣниваютъ здѣсь киргизскихъ овецъ, гонятъ ихъ въ Фергану, гдѣ онѣ въ большой цѣнѣ, и съ хорошими барышами возвращаются въ Кашгаръ, черезъ перевалъ Терекъ-даванъ или Талдыкъ.

Комендантъ Памирскаго поста, капитанъ В. Н. Зайцевъ, старый туркестанскій служака, бывшій одно время ординарцемъ Скобелева и участвовавшій въ походахъ на Хиву (1873 г.) и на Коканъ (1875—76 г.). Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и начальникъ надъ всѣмъ киргизскимъ населеніемъ Памира.

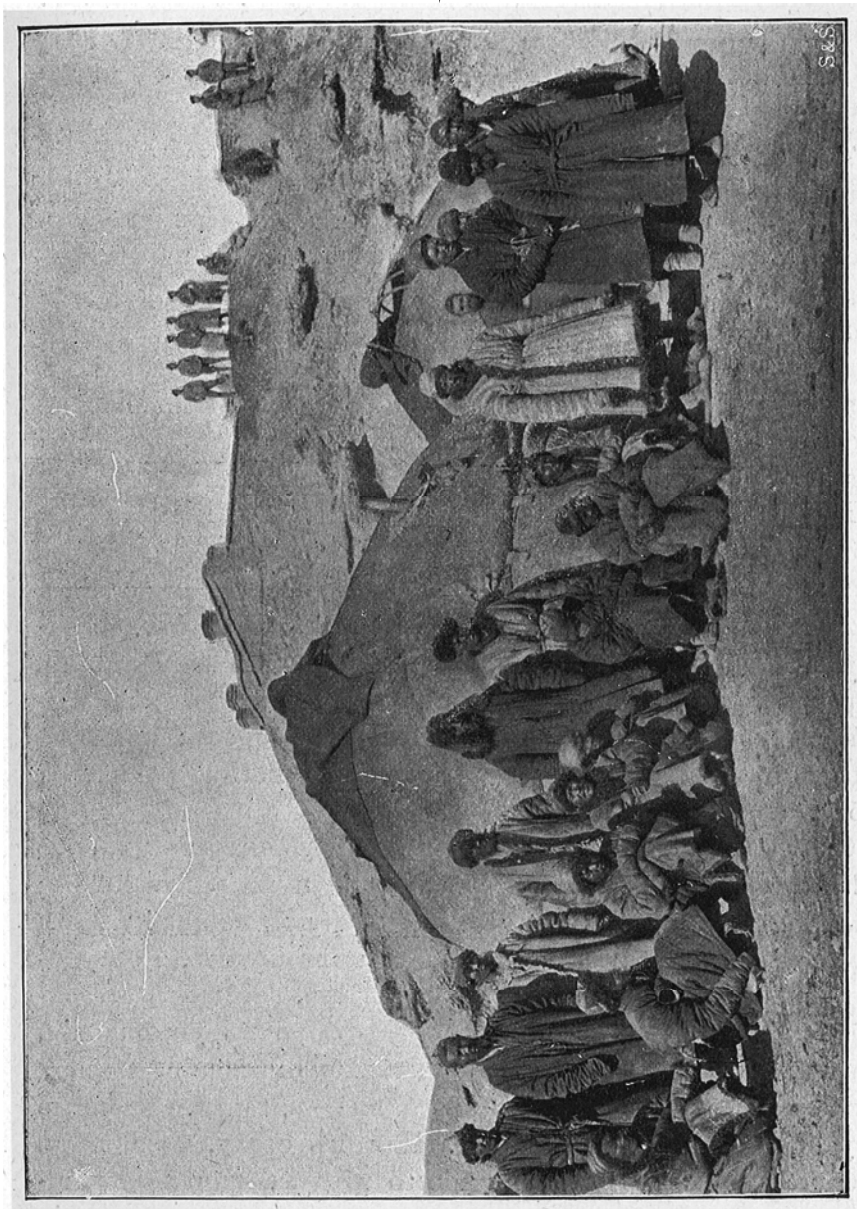
На путешественника-чужестранца Памирскій постъ производитъ самое отрадное впечатлѣніе. Послѣ долгаго, утомительнаго пути по необитаемымъ, дикимъ горнымъ областямъ, попадаешь вдругъ на этотъ маленькій клочокъ великой Россіи, гдѣ кружокъ милѣйшихъ и гостепріимнѣйшихъ офицеровъ принимаетъ васъ почти какъ земляка, какъ стараго знакомаго. И то сказать, мое прибытіе внесло неожиданную переменъ въ однообразную, уединенную жизнь въ укрѣпленіи, гдѣ съ сентября мѣсяца кромѣ киргизовъ ни видѣли чужого человѣческаго существа. Узнавъ отъ конныхъ курьеровъ о моемъ приближеніи, офицеры весь день высматривали меня въ бинокли со стѣны укрѣпленія, когда-же я вѣхалъ въ ворота, весь гарнизонъ встрѣтилъ меня самымъ сердечнымъ образомъ.

Въ общемъ Памирскій постъ живо напоминаетъ военное судно. Стѣны — это борта, необозримая открытая Мургабская долина — море, крѣпостной дворъ — палуба, по которой мы часто гуляли и съ которой въ сильные бинокли обозрѣвали отдаленнѣйшія границы нашего кругозора, тихаго безжизненнаго кругозора, на которомъ лишь по вторникамъ появлялся одинокій всадникъ. Это джигитъ-курьеръ, привозящій желанную почту изъ Россіи.

Прибытіе его составляетъ настоящую эпоху. Когда онъ вѣзжаетъ во дворъ, всѣ на ногахъ. Адъютантъ коменданта открываетъ почтовые сумки, и всѣ окружающіе съ напряженіемъ ожидаютъ полученія адресованныхъ имъ писемъ, газетъ и посылокъ отъ родныхъ и друзей. Настоящій сочельникъ, и горько тому, кто остается безъ гостинца, когда всѣ другіе удовлетворены. Такъ было со мной; три раза почта не приносила мнѣ ничего, вслѣдствіе измѣненія мною маршрута. Вся корреспонденція на мое имя шла въ Кашгаръ, и я цѣлыхъ четыре мѣсяца не получалъ съ родины ни строчки.

По полученіи почты весь день проходитъ въ чтеніи; новости съ родины поглощаются съ жадностью, и за обѣденнымъ столомъ офицеры обмѣниваются другъ съ другомъ

полученными свѣдѣніями и впечатлѣніями, произведенными на нихъ важными событіями, произошедшими въ послѣд-

Юрта джунгитовъ около Памирскаго поста.
(Съ фотографіи автора).

нее время тамъ далеко, въ водоворотѣ мірового океана жизни.

Порядокъ дня вообще таковъ: утромъ мы пьемъ чай

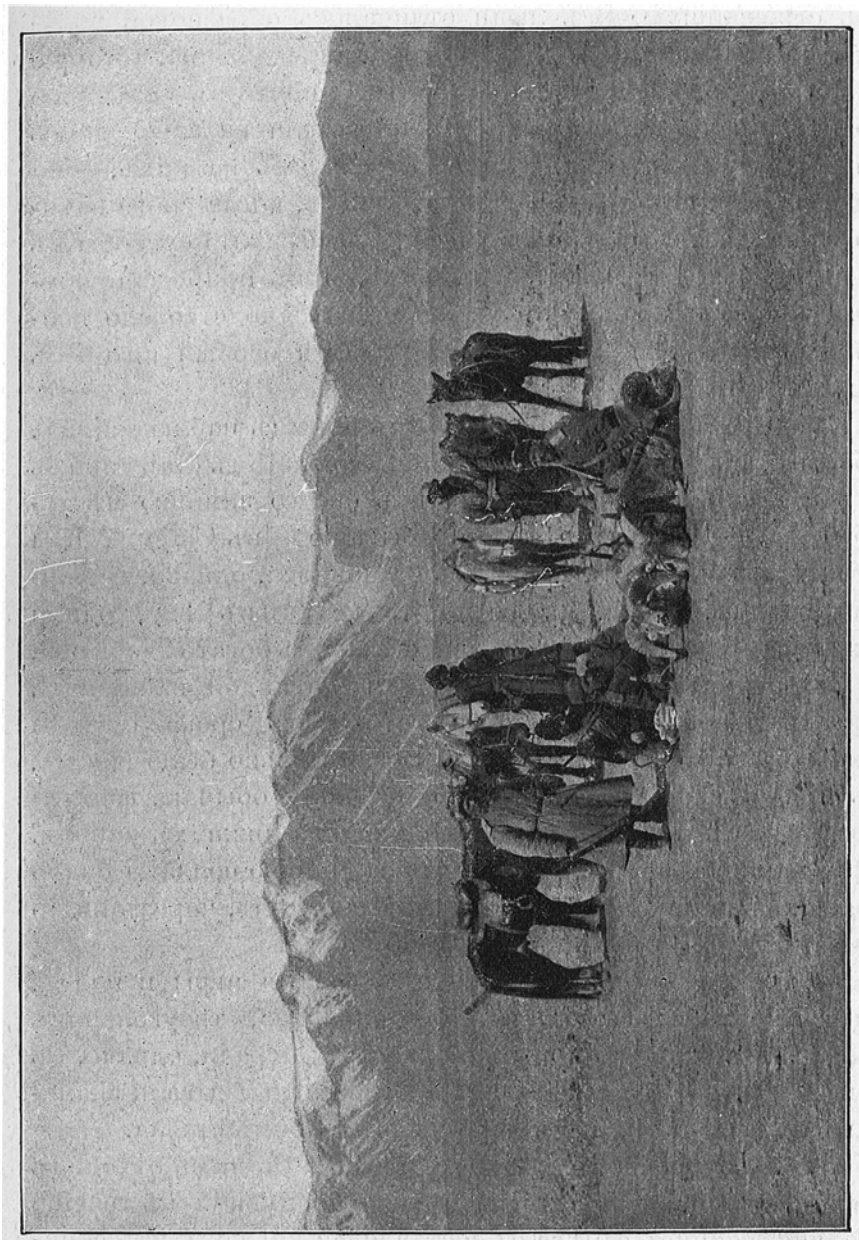
каждый у себя; въ 12 час. громкая барабанная дробь сзываетъ всѣхъ въ столовую къ общему завтраку; затѣмъ опять чай у себя въ помѣщеніяхъ, а въ 6 ч. барабанъ зоветъ обѣдать. Кофе пьютъ, какъ придется, кто одинъ, кто въ компаніи, разбившись на кружки. Спать мы не ложились долго, а около полуночи мы съ комендантомъ еще закусывали.

Ученье производится утромъ; днемъ-же бываютъ учебные классы для солдатъ и казаковъ, обучающихся разнымъ пригоднымъ на военной службѣ предметамъ. Большая же часть времени уходитъ на болѣе мирныя занятія. Съ моимъ прибытіемъ въ укрѣпленіи развилась настоящая манія фотографирования, и, когда я по вечерамъ занимался проявленіемъ снимковъ, меня всегда окружало съ полдюжины зрителей, съ напряженнымъ интересомъ слѣдившихъ за тѣмъ, какъ, словно по волшебству, оживали на снимкахъ горныя виды и типы полудикихъ племенъ.

Мы измѣрили притокъ воды въ Мургабѣ и поставили на рѣкѣ около берега измѣрительный столбъ, на которомъ одинъ изъ офицеровъ взялся отмѣчать уровень повышенія и пониженія воды во время наступающей весны и лѣта. Измѣряли мы также глубину промерзанія почвы и дѣлили другъ съ другомъ своими наблюденіями. Результаты моихъ наблюденій на Кара-кулѣ возбудили большой интересъ; никто не ожидалъ, чтобы максимальная глубина могла равняться 230.5 м.

Одинъ изъ моихъ друзей въ Маргеланѣ сказалъ мнѣ, что на Памирскомъ посту чисто рай земной и на мой вопросъ: почему? отвѣтилъ: „потому-что тамъ нѣтъ женщинъ!“ Хотя я далеко не раздѣляю такого взгляда на женщинъ, я съ удовольствіемъ отмѣчаю, что такихъ мирныхъ, веселыхъ и товарищескихъ отношеній, какія господствуютъ въ укрѣпленіи, поискать, да поискать. Здѣсь никакихъ стѣсненій, полная свобода и простота; куда ни взгляни — потертые военные сюртуки и нечищенные сапоги. Идя къ столу, тоже нѣтъ надобности прихорашиваться; никто не думаетъ о воротничкахъ и манжетахъ, или объ изысканныхъ учтивостяхъ, какія лежатъ на обязанности настоящаго кавалера по отношенію къ дамамъ; словомъ, полная непринужденность. Казаки готовятъ кушанья, служатъ за столомъ, прислуживаютъ въ банѣ, уби-

раютъ комнаты, стираютъ бѣлье, — женской прислуги ни слѣда. Единственными существами женскаго пола, усмотрѣнными

Возвращеніе офицеровъ Памирскаго поста съ охоты на архаровъ.
Съ фотографіи ангора).

мною въ стѣнахъ укрѣпленія, были кошка, пара собакъ, да нѣсколько курицъ. Но называть Памирскій постъ раемъ только потому, что тамъ нѣтъ ни одной женщины, черезчуръ.

Капитанъ Зайцевъ является предметомъ всеобщей симпатіи и уваженія; дисциплину между людьми онъ поддерживаетъ строжайшую. Всѣ люди отличались образцовой молодецкой выправкой; долгая, холодная памирская зима, которую гарнизонъ проводитъ въ этой пустынѣ, почти въ такихъ-же условіяхъ, какъ и полярные мореплаватели на замерзшихъ во льдахъ судахъ, нисколько не отражалась на нихъ, — ни слѣда вялости, апатіи, равнодушія. Теперь, когда снова началось пригрѣвать солнышко, растопляя снѣжные сугробы въ горахъ и ледъ на рѣкахъ и озерахъ, и въ природѣ пробуждалась новая жизнь — въ укрѣпленіи господствовало особенное оживленіе и веселье, пробуждался особый интересъ къ жизни и природѣ.

Каждый день давалъ поводъ къ новымъ наблюденіямъ. На берегахъ Мургаба останавливались пролетомъ стаи дикихъ утокъ и гусей, возвращавшихся изъ своего зимняго мѣсто-пребыванія — Индіи на лѣтнее пребываніе — въ Сибирь. Для многихъ изъ нихъ отдыхъ здѣсь становился, однако, неожиданно долгимъ. Казаки закидывали также сѣти въ рѣку, ходили на охоту за архарами и часто возвращались съ богатой добычей.

Отношенія между офицерами и командой наилучшія. Тридцать человѣкъ солдатъ за отбытіемъ срока службы должны были вернуться въ Опшъ, и трогательно было видѣть, какъ при прощаніи офицеры, по русскому обычаю, трижды цѣловались съ каждымъ изъ уходившихъ нижнихъ чиновъ. Съ ружьями на плечѣ, съ ранцами за спиною солдаты бодро отправились пѣшкомъ въ 45-ти мильный путь, черезъ плато Памира, въ теплую желанную Фергану.

По воскресеньямъ устраивались разныя игры и плясъ. Музыка хромала; гармоника, два барабана, треугольникъ да пара тарелокъ — вотъ и весь оркестръ; играли, однако, съ огнемъ, и подъ эту музыку лихіе казаки отплясывали знаменитаго трепака такъ, что только пыль столбомъ стояла.

Когда воскресное солнце садилось, а съ нимъ уходилъ на покой и западный вѣтеръ, правильно дувшій въ теченіе всего дня, вокругъ запѣвалы составлялся кружокъ изъ семи-десяти пѣсенниковъ, и изъ ихъ здоровыхъ глотокъ вылетали, звонко отдаваясь въ разрѣженномъ, не шелохнувшемся воздухѣ, русскія мелодіи — заунывныя народныя и бойкія сол-

датскія пѣсни. Такой вечеръ состоялся въ послѣднее воскресенье моего пребыванія въ укрѣпленіи. Въ воздухѣ стояла полная тишина, но было холодно, и солдаты укутались въ башлыки. Звѣзды горѣли удивительно ярко; издали, во время паузъ, доносился шумъ Мургаба. Солдаты пѣли съ увлеченіемъ, точно подъ впечатлѣніемъ нахлынувшихъ на нихъ воспоминаній о далекой родинѣ. Мы съ удовольствіемъ прислушивались къ ихъ свѣжимъ голосамъ, раздававшимся подъ безконечнымъ сводомъ небеснымъ!

VIII.

На Мустагъ-ату и въ Кашгаръ.

Я оставилъ Памирскій постъ 7 апрѣля, послѣ солиднаго завтрака въ офицерскомъ собраніи. Комендантъ и всѣ офицеры провожали меня порядочный конецъ. Около рѣчки Акъ-байталъ насъ ждали казаки съ чаемъ. Тутъ я поблагодарилъ за оказанное мнѣ въ эти незабвенные дни широкое гостепримство, пожалъ въ послѣдній разъ всѣмъ руки и, напутствуемый прощальнымъ маханьемъ фуражками, двинулся къ сѣверу въ сопровожденіи крѣпостного толмача Куль Маметыева, котораго приставилъ ко мнѣ въ видѣ адъютанта комендантъ.

Въ сумерки добрались мы до двухъ озеръ близнецовъ Шоръ-куль — Рангъ-куль, соединенныхъ узкимъ проливомъ, и здѣсь расположились на ночлегъ въ „юламейкѣ“ — маленькой дорожной островерхой палаткѣ безъ дымовой трубы. Рехимъ-бай захворалъ и не могъ нести службы во весь нашъ путь вплоть до Кашгара. Пришлось взвалить его, какъ мѣшокъ, на верблюда и везти всю дорогу. Его замѣнилъ Исламъ-бай; въ это-то путешествіе я и имѣлъ возможность узнать и оцѣнить превосходныя качества этого человѣка.

Снѣгъ попадался теперь очень рѣдко, но ледъ на озерахъ былъ толстъ; только проливъ, къ нашему удивленію, былъ чистъ, и на немъ крикали и гоготали массы гусей и утокъ. По почвѣ видно было, что озера эти мелководны, — кругомъ

разстилались поросшія травою равнины съ пологимъ подъемомъ.

На слѣдующій день я послалъ караванъ прямо къ маленькому русскому форту на Рангъ-куль, а самъ съ четырьмя людьми предпринялъ экскурсію по льду Рангъ-куля съ цѣлью измѣреній. Мы прорубили только двѣ проруби и нашли, что озеро дѣйствительно чрезвычайно мелководно, а именно 1.50 м. и 1.99 м. глубины. Ледяной покровъ имѣлъ 0.92 м. и 1.02 м. и былъ покрытъ тонкой пеленой снѣга; только около самаго берега шла небольшая полоса открытой воды. Въ прорубяхъ температура воды равнялась—0.2°; на днѣ, покрытомъ иломъ и тиной, смѣшанными съ перегнившими остатками растений, — 2.8°. На вкусъ вода была почти прѣсная и содержала водоросли и сухія былинки.

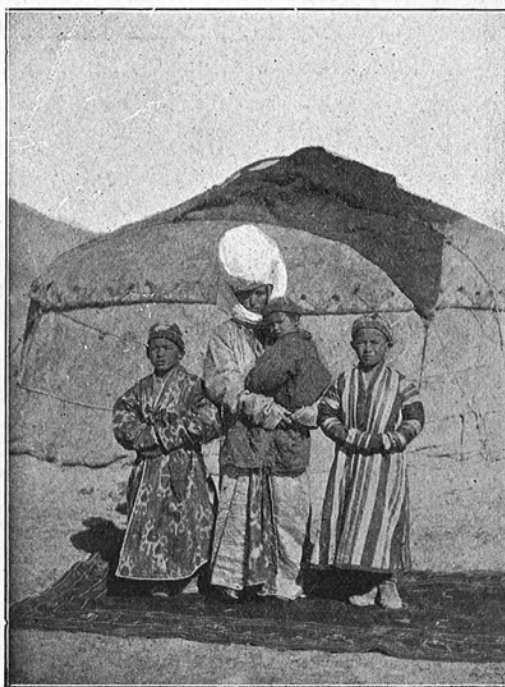
Слово „ранга“ соотвѣтствуетъ *Carex physoides*, но, вѣроятно, что озеро получило свое названіе отъ дикихъ козъ, водящихся въ этой области въ изобиліи, и извѣстныхъ подъ именами „рангъ“ и „кикъ“. Шоръ-куль означаетъ соленое озеро; въ немъ вода горько-соленая. Ясно, что вода изъ рѣчекъ и ключей, стекающихъ въ Рангъ-куль, идетъ оттуда черезъ проливъ въ Шоръ-куль, гдѣ и происходятъ процессы испаренія и отложенія солей. Въ восточной части Рангъ-куля находится островъ, расположенный по продольному направленію озера; возвышается онъ всего на 4 м.; отвѣсные и сильно изрытые водой берега его состоятъ изъ голубоватой мягкой глины, годной для лѣпки. Говорятъ, что весной, когда ледъ пройдетъ, тутъ высиживаютъ яйца безчисленныя стаи гусей.

Затѣмъ мы продолжали путь къ форту, гарнизонъ котораго состоитъ изъ коменданта и 36 казаковъ. Здѣсь мы простояли два дня. Выѣхали 11 апрѣля и направились почти прямо на востокъ къ небольшому караванъ-сараяу Сары-гай, находящемуся на отрогѣ лежащихъ на сѣверѣ горъ. Къ западу отъ перевала западные вѣтры нанесли громадныя массы песку, образовавшія гигантскія дюны съ мелкой рябью на поверхности.

Къ востоку отъ Сары-гай мы спустились въ широкую, ровную, открытую долину Найза-ташъ, гдѣ раскинулись два киргизскихъ аула; мы сдѣлали привалъ въ лежащемъ больше къ востоку. Ауль состоялъ изъ 5 кибитокъ, занимаемыхъ

19 джигитъ-киргизами, изъ нихъ было 10 мужчинъ. Зимуютъ они около Рангъ-куля, весну проводятъ въ долинѣ Найза-ташъ, а лѣтомъ снова возвращаются къ озеру. Скота у нихъ насчитывается: 400 головъ овецъ, 40 яковъ, 7 верблюдовъ и 3 лошади.

На слѣдующій день, 12 апрѣля, намъ предстояло перейти временную границу между русскимъ и китайскимъ Памиромъ, т. е. пересѣчь мощный хребетъ Сары-коль, сіяющій снѣжный гребень котораго былъ виденъ съ Рангъ-куля. Изъ множества ведущихъ въ китайскій Памиръ переваловъ я выбралъ Джагатай, 4,730 м. выс. И такъ, мы направились на NO. Долина всеподымалась, и подъемъ на самый перевалъ оказался очень крутъ и тяжелъ. Почва была крайне неудобна для ѣзды, — ѣхать приходилось все между большими сланцевыми и гнейсовыми глыбами, по большей части занесенными снѣгомъ. Гребень самого перевала очень остеръ. Пока мы отдыхали тутъ, поднялся юго-западный

Киргизка (изъ Мургабскаго аула) съ тремя сыновьями.

(Съ фотографіи автора).

вѣтеръ, и разразился сильный градъ; температура была — 2.8°.

По другую сторону перевала мѣстность круто понижается къ сѣверу, и послѣ утомительнаго перехода мы достигли перваго Джагатайскаго аула изъ 4 кибитокъ съ 24 жителями. Другой аулъ, лежащій немного ниже, состоялъ изъ 6 кибитокъ. Здѣсь-то мы и сдѣлали первый привалъ на китайской почвѣ.

Моему появленію уже предшествовали самые несообразные слухи. Рассказывали, что я русскій, готовящійся во главѣ

60 вооруженныхъ казаковъ произвести нападеніе на китайскія владѣнія, и нашего прибытія поэтому ожидали съ большимъ напряженіемъ. Но когда киргизы увидѣли меня одного, въ сопровожденіи маленькой кучки ихъ-же соплеменниковъ, они скоро успокоились, приняли меня очень дружелюбно и тотчасъ-же послали гонца въ китайскую крѣпостцу Булюнь-куль, гдѣ комендантомъ былъ Джанъ-дарынъ.

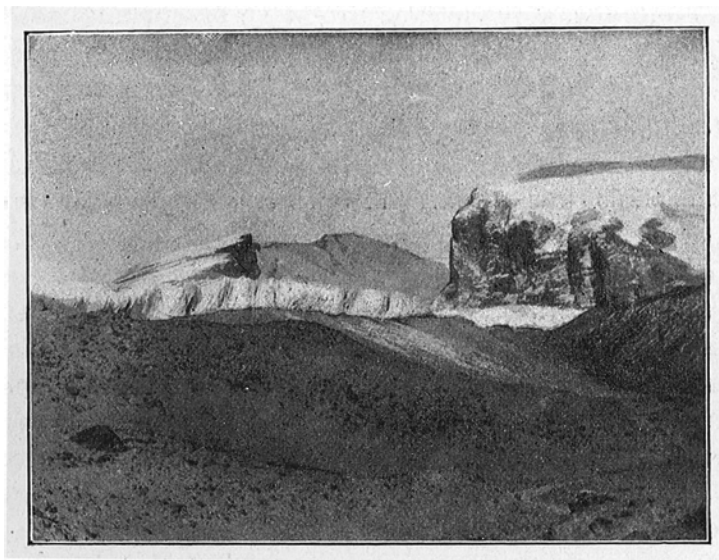
На слѣдующее утро явились трое посланцевъ съ привѣтомъ и порученіемъ собрать свѣдѣнія о насъ и о цѣляхъ нашего путешествія. Главный посолъ былъ Османъ-бекъ изъ Тагдумбаша, высокій, красивый, интеллигентнаго вида киргизъ въ бѣломъ тюрбанѣ, старшина „ланзы“ *) около Булюнь-куля. Другой, Яръ-Мухаммедъ-бекъ, былъ начальникомъ пограничной стражи около Кіякъ-баша. Третій былъ мулла. Всѣ трое были въ бѣлыхъ тюрбанахъ и пестрыхъ халатахъ. Исполнивъ данное имъ порученіе, они вернулись въ Булюнь-куль, чтобы рассказать обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ.

Ауль былъ расположенъ близко отъ мѣста соединенія Джагатайской долины съ долиной Акъ-берды. Ручьи во время половодья размыли мощныя отложенія конгломератовъ, такъ что обточенные глыбы во многихъ мѣстахъ грозятъ рухнуть съ отвѣсныхъ скалъ. Долина Акъ-берды такъ-же сильно размыта, изрыта и загромождена конгломератовыми глыбами. Какъ я уже говорилъ выше, хребетъ Сары-коль составляетъ пограничную линію между двумя различными по характеру областями; по сію сторону его идетъ центральная, не имѣющая стока область съ широкими сглаженными долинами, а по ту сторону, т. е. на востокъ отъ хребта, периферическая область съ рѣзко очерченными, узкими долинами, гдѣ процессъ разложенія горныхъ породъ въ полномъ ходу.

13 апрѣля мы сдѣлали небольшой переходъ до впаденія долины Акъ-берды въ долину Сары-коль. На берегу рѣчки была приготовлена для меня небольшая жалкая кибитка, покрытая продранными кошмами. Она была предусмотрительно разбита въ разстояніи всего 3 „кичкеримовъ“ (кичкеримъ — разстояніе, на которомъ слышенъ человѣческій голосъ) отъ

*) Китайскій крѣпостной гарнизонъ въ 100 чел.

крѣпостцы. Едва мы успѣли расположиться, какъ „юзъ-баши“ (сотникъ) возвѣстилъ о прибытіи съ визитомъ помощника коменданта Булюнъ-куля, киргиза Тюря-Келды-Савгана и его собрата, китайца Тзяо-дарына, изъ Тарбаши, крѣпостцы при входѣ въ долину Гезъ. Мы едва успѣли выйти изъ палатки, чтобы встрѣтить ихъ. Ихъ сопровождало десять верховыхъ китайцевъ, въ сѣрыхъ шароварахъ, башмакахъ и красныхъ мундирахъ, украшенныхъ большими черными китайскими знаками; всѣ были съ ружьями и сидѣли на прекрасныхъ бѣлыхъ коняхъ съ красными сѣдлами и длинными брянчащими стременами.

Видъ на Мустагъ-ату съ запада.

На заднемъ планѣ сѣверная вершина группы; на переднемъ ледникъ Ямбулакъ-баши и его морены.

(Съ фотографіи автора).

Я пригласилъ ихъ въ кибитку, гдѣ имъ былъ предложенъ изысканный „дастарханъ“ изъ сардинъ, шоколада, сахаренныхъ плодовъ, кэкса и ликера, нарочно для китайцевъ захваченнаго мною изъ Маргелана. Тзяо-дарыну особенно понравился ликеръ, и онъ спросилъ, сколько онъ можетъ его выпить, не хмѣлѣя. Сигареты также живо пошли по рукамъ, но Тзяо-дарынъ отдалъ всетаки предпочтеніе своему собственному серебряному кальяну.

Поддерживать разговоръ съ этимъ мандариномъ было довольно затруднительно, тѣмъ болѣе, что я въ то время не

былъ особенно силенъ въ киргизскомъ языкѣ. Я говорилъ по-этому по русски Куль Маметыеву, а онъ переводилъ по тюркски толмачу мандарина, сарту изъ Турфана, который, наконецъ, и передавалъ мои слова по китайски своему господину.

Тюря-Келды-Савганъ былъ очень живой и обходительный человѣкъ, къ тому-же тонкій и осторожный дипломатъ. Сначала они не хотѣли позволить Куль Маметыеву, русскому подданному, участвовать въ экспедиціи на Мустагъ-ату, но когда я показалъ имъ свой паспортъ и письмо китайскаго посланника въ Петербургѣ къ дао-таю въ Кашгарѣ, они сдались, но поставили условіемъ, чтобы по окончаніи своей миссіи онъ кратчайшимъ путемъ вернулся въ русскій Памиръ. Бывшій-же съ ними киргизскій эликъ-баши (начальникъ 50 чел.) долженъ былъ немедленно вернуться, такъ какъ у него не было съ собой паспорта. Рехимъ-бая я хотѣлъ отправить на верблюдѣ въ Кашгаръ, такъ какъ положеніе его было весьма серьезно, и ему нуженъ былъ отдыхъ и уходъ, но на это Тюря-Келды-Савганъ не согласился потому что, еслибы киргизъ умеръ въ дорогѣ, китайскимъ властямъ было-бы много неприятностей.

Въ концѣ концовъ я долженъ былъ дать обязательство вернуться, послѣ экспедиціи на Мустагъ-ату, обратно въ Булюнь-куль и никакимъ другимъ путемъ въ Кашгаръ не направляться. Въ залогъ-же въ рукахъ китайцевъ долженъ былъ остаться одинъ изъ моихъ людей и половина моего багажа. Покончивъ съ этимъ, я изъявилъ намѣреніе отдать визитъ моимъ гостямъ, но они стали извиняться, что не могутъ принять въ укрѣпленіи чужеземца-европейца въ отсутствіи Джанъ-дарына; онъ, впрочемъ, скоро долженъ былъ вернуться изъ Кашгара.

Переговоры эти продолжались битыхъ 5 часовъ, и когда, наконецъ, гости мои собрались уходить, я подарилъ имъ, чтобы расположить ихъ въ свою пользу, тульскій кинжалъ и серебряный кубокъ. Сначала они отказывались, говоря, что это ни съ чѣмъ несообразно, чтобы я, почтивъ ихъ такимъ изысканнымъ дастарханомъ, еще дарилъ ихъ, и что скорѣе слѣдовало-бы наоборотъ, такъ какъ я ихъ гость. Но подъ конецъ они стали сговорчивѣе и выразили надежду отдарить меня, когда я вернусь. Затѣмъ они распростились со мной и

умчались въ облакъ пыли, въ которой долго еще мелькали ихъ бѣлыя лошади, красные мундиры и блестящее оружіе. Съ тѣхъ поръ о нихъ не было ни слуху, ни духу, если не считать, что они давали мнѣ знать о себѣ весь путь, запретивъ киргизамъ въ этой области снабжать меня бараниной, топливомъ и другими необходимыми предметами.

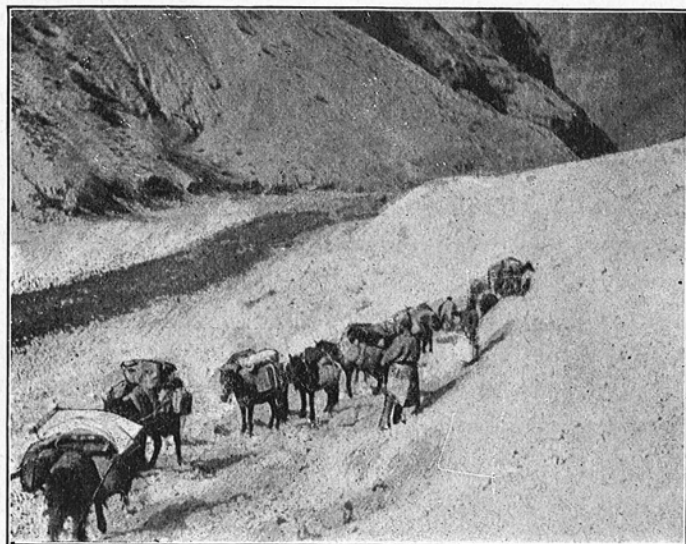
Остатокъ дня пошелъ на приготовленія къ предстоящей экспедиціи. Сопровождать меня должны были только Куль-Маметьевъ, Исламъ-бай и киргизы Омаръ и Хода-Верды при четырехъ выючныхъ лошадяхъ, нагруженныхъ продовольствіемъ, постельными принадлежностями, тулупами, подарками, аптекой, фотографическими аппаратами, приборами и проч. Все остальное оставалось здѣсь подъ присмотромъ сарта Ходжи, которому было поручено ходить и за больнымъ Рехимъ-баемъ. Послѣдній все не поправлялся, не смотря на весь нашъ уходъ, такъ сильно отозвался на немъ зимній переходъ на Памиръ. Въ лицѣ онъ измѣнился до неузнаваемости, — блѣдный, изнуренный, съ большими стеклянными, равнодушными глазами. Онъ принесъ Аллаху въ жертву барана и сталъ увѣрять, что съ тѣхъ поръ ему стало чуть получше.

Вечеромъ явилось нѣсколько китайскихъ солдатъ съ просьбой позволить имъ осмотрѣть нѣсколько изъ моихъ чемодановъ и ящиковъ съ багажомъ. Какъ оказалось потомъ, въ крѣпости боялись, что мои ящики набиты русскими солдатами, которые, такимъ образомъ, тайкомъ перебравшись черезъ границу. То обстоятельство, что вышина ящиковъ не превышала половины человѣческаго роста, не умаляло подозрѣній. Мы открыли китайцамъ нѣсколько ящиковъ, и они успокоились. Тѣмъ не менѣе ночью вокругъ моей кибитки разгуливалъ китайскій патруль, хотя и на довольно значительномъ разстояніи, такъ что его даже не видно было. Ясно, что солдатамъ приказано было наблюдать за нами.

Вокругъ насъ разстилался чудный видъ. Прямо на востокъ, по другую сторону маленькаго озера Булюнъ-куля, виднѣлась мощная гора, окутанная вѣчнымъ снѣгомъ. Это Акъ-тау — „бѣлая гора“, сѣверное продолженіе Мустагъ-аты. На лѣво отъ нея открывалась долина Гезъ, на право широкая долина Сары-колъ. Невдалекѣ отъ нашей стоянки виднѣлся аулъ въ 6 кибитокъ, а въ горахъ кругомъ паслись длинношерстые,

хрюкающіе яки. На югѣ открывалась небольшая долина Кумъ-джилга — „песчаный оврагъ“.

14 апрѣля мы выступили въ путь къ Мустагъ-атѣ. Сильный восточный вѣтеръ гналъ намъ въ лицо тучи мелкаго песку. Мы перешли черезъ два маленькихъ озера около Булюнъ-куля, видѣли вблизи крѣпость и свернули къ SSO по широкой долинѣ Сары-колъ. Большой черный якъ неотступно слѣдовалъ за нами, въ теченіе часа. Мы ужъ спрашивали себя, не дрессированный-ли это шпіонъ, но онъ усталъ и отсталъ отъ насъ на одномъ холмѣ.

Мой караванъ въ долинѣ Гезъ.

(Съ фотографіи автора).

Долина Сары-колъ представляетъ мощную выемку въ „крышѣ міра“, то совсѣмъ узкую, то расширяющуюся, усѣянную гальками и глыбами гнейса и окруженную гигантскими горами съ вывѣтрѣлыми склонами. Долина очень бѣдна пастбищами и почти необитаема. Только кое-гдѣ мелькнетъ одинокая кибитка. Къ подошвѣ Мустагъ-аты долина идетъ медленнымъ ровнымъ подъемомъ. Въ одномъ мѣстѣ возвышается колоссальная эрратическая гнейсовая глыба, представляющая, благодаря процессу вывѣтриванья, какъ-бы арку, подъ которой можно проѣхать.

Теперь было ясно замѣтно, что мы на китайской территории. Впереди насъ не ждали больше киргизы съ готовой кибиткой, какъ то было въ русскомъ Памирѣ. Пришелъ конецъ нашимъ краснымъ денькамъ, и сколько разъ намъ предстояло ночевать подъ открытымъ небомъ! Такъ, между прочимъ, довелось и въ эту первую ночь пути, и мы старались только найти укромное въ защитѣ отъ вѣтра мѣстечко. Наконецъ, мы нашли такое въ той части долины Сары-коль, которая носитъ названіе Каинды-дэле (березовая площадка), совершенно неподходящее, такъ какъ никакія березки не качаютъ своихъ зеленыхъ верхушекъ въ этой каменистой, бесплодной пустынѣ. Возможно, впрочемъ, что гдѣ нибудь въ окрестностяхъ и росли эти деревья.

Нѣсколько дальше къ югу нависла надъ долиной колоссальная глыба гнейса, и тутъ-же возвышалась низкая, закругленная каменная стѣна, дававшая нѣкоторую защиту отъ вѣтра. Мы расположили наши пожитки, войлоки и весь бивуакъ, какъ могли, удобнѣе въ этомъ подобіи пещеры, и когда супъ, наконецъ, забурлилъ надъ огнемъ, то почувствовали себя и совсѣмъ хорошо. Но вѣтеръ вылъ между камнями, пыль и песокъ такъ и крутились вокругъ насъ, и, когда мы стали ѣсть, на зубахъ у насъ такъ и хрустѣло. Вечеромъ пошелъ было снѣгъ, но часовъ въ 10 погода сразу утихла, и мѣсяцъ освѣтилъ безмолвную, мирную, но дико пустынную мѣстность.

15 апрѣля. Чѣмъ дальше подвигаемся къ сѣверу, тѣмъ болѣе пересѣченной становится мѣстность. Мы достигли небольшого горнаго озера Басыкъ-куля съ глубоко и причудливо изрѣзанными линіями береговъ. Середина озера была покрыта мягкимъ, пористымъ льдомъ, но ближе къ берегамъ стояла открытая вода, чистая, прозрачная и прѣсная. Недалеко отъ озера видѣлась на одномъ уровнѣ съ почвой окруженная каменной стѣной гнейсовая плита съ древней китайской надписью. По близости-же возвышались еще двѣ отдѣльныя глыбы гнейса, со стертymi ледниковымъ льдомъ боками. На одной изъ нихъ были замѣтны слѣды подобной-же надписи, которая была почти стерта вѣтромъ и пескомъ. Мѣсто это называется „Тамга-ташъ“, или „камень-печать“.

Съ холма открылся видъ на Малый Кара-куль, красивое

горное озеро, окруженное доходящими до облаковъ горами и отливающее голубыми и зелеными тонами. Только около южнаго берега была полоса тонкаго льда. По озеру ходили волны съ бѣлыми гребешками, и на берегу насъ встрѣтилъ настоящій „бризъ“, чистый, свѣжій, морской вѣтеръ; волны звонко и мѣрно ударялись о берегъ.

Тропинка шла совсѣмъ близко отъ озера, отдѣляясь отъ него мѣстами только низкими округленными холмами, остатками старыхъ моренъ, какъ я констатировалъ въ слѣдующее посѣщеніе. Тогда, впрочемъ, я и не подозрѣвалъ, что опять вернусь къ этому озеру, и что берега эти такъ мнѣ полюбятся. Сколько одинокихъ вечеровъ предстояло мнѣ прислушиваться къ мудренымъ сказкамъ, которыя нашептывали каждый вечеръ эти волны, сколько разъ предстояло любоваться горами, глядящимися своими снѣжными вершинами въ Малый Каракуль! Далѣе я буду имѣть случай посвятить этой мѣстности нѣсколько воспоминаній, а теперь спѣшу далѣе.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скалы вдаются въ озеро, и мы иной разъ порядочные концы ѣхали то по водѣ, то по косоугору, образовавшемуся изъ осыпавшагося щебня и камней. Къ югу отъ озера открывалась широкая долина рѣки Су-баши, гдѣ паслись большія стада косматыхъ яковъ. Вѣтеръ перешелъ въ настоящій ураганъ, густыя облака пыли и песку и даже самаго мелкаго щебня летѣли намъ прямо въ лицо, такъ что время отъ времени приходилось останавливаться и повертывать вѣтру спину. Во дворѣ крѣпости Су-баши какъ разъ происходилъ осмотръ только что доставленнаго продовольствія. Насъ встрѣтилъ внушительнаго вида всадникъ, начальникъ киргизовъ Су-баши, бекъ Тогдасынъ. Онъ принялъ насъ привѣтливо и проводилъ меня въ свою большую и прекрасно убранную юрту. Со временемъ онъ сдѣлался однимъ изъ лучшихъ моихъ азіатскихъ друзей.

Какъ только мы разобрались въ кибиткѣ, явились съ визитомъ всѣ мѣстные киргизы, а съ ними и крѣпостные солдаты (между ними много дунганъ), и пріемъ гостей продолжался безъ перерыва весь вечеръ. Кромѣ того ко мнѣ явились больные изъ окрестностей съ просьбой о лѣкарствахъ. Одна древняя старуха страдала коканскою болѣзнию, другой пациентъ жаловался на зубную боль, у третьяго болѣлъ носъ,

а одинъ солдатъ дунганъ жаловался, что у него всякій разъ, какъ подуетъ вѣтеръ, болитъ животъ, и т. п. Всѣ получили по небольшой дозѣ хинина, такъ какъ чѣмъ горче лѣкарство, тѣмъ болѣе оно внушаетъ къ себѣ довѣрія въ азіатѣ; вообще тутъ главную роль играетъ воображеніе.

На слѣдующій день мы пригласили „на чай“ знатнѣйшихъ киргизовъ аула и нѣсколькихъ китайскихъ солдатъ. Вечеромъ-же я угощаль ликеромъ и игрой на небольшой шарманкѣ самого бека Тогдасына, и этотъ почтенный человекъ пришелъ въ неописанный восторгъ и сталъ клятвенно утверждать, что чувствуетъ себя помолодѣвшимъ на двадцать лѣтъ и что не веселился такъ со временъ владычества надъ Кашгаромъ великаго Якубъ-бека. Онъ припомнилъ, что турецкій султанъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ прислалъ послѣднему большую шарманку.

Занятый мыслью о предстоящей экспедиціи на Мустагъ-ату я еще съ самой долины Алая все выпрашивалъ на этотъ счетъ киргизовъ. Всѣ въ одинъ голосъ говорили, что подъемъ туда невозможенъ: отвѣсные скаты и обрывы загромождаютъ дорогу повсюду, бока горъ одѣты твердымъ, какъ сталь, льдомъ, и бури, которыя однѣ только и хозяйничаютъ въ этой области, сметутъ насъ, какъ песчинку, если мы осмѣлимся пойти на „великана“.

Мустагъ-ата считается священной горой. Киргизы становятся на колѣни и творятъ молитву, когда проѣзжаютъ мимо или еще только завидятъ ее издали. Тамъ покоятся 72 святыхъ; увѣряютъ даже, что гора эга громадный „мазаръ“ или святая могила, въ которой между другими лежатъ и Моисей и Али. Послѣдній, почувствовавъ приближеніе смерти, предсказалъ окружающимъ, что когда жизнь покинетъ его, съ неба явится бѣлый верблюдъ и унесетъ его тѣло. Дѣйствительно, по смерти святого мужа явился бѣлый верблюдъ, взялъ его на спину и поспѣшилъ на Мустагъ-ату. Въ то, что тамъ почиваетъ и Моисей, киргизы также вѣрятъ незыблемо и нерѣдко даже называютъ гору Хазретъ-и-Муза, т. е. „святой Моисей“.

Въ Су-баши киргизы рассказывали, что одному старому „ишану“ удалось много вѣковъ тому назадъ взойти на гору. Онъ нашелъ тамъ озеро и рѣчку, на берегу которой пасся

бѣлый верблюдъ. Былъ тамъ и садъ, въ которомъ росли въ изобиліи сливы и расхаживали старые люди въ бѣлыхъ одеждахъ. Ишанъ вкусилъ плодовъ отъ одного сливогого дерева, и тогда одинъ изъ старцевъ подошелъ къ нему и сказалъ, что счастливъ онъ, не пренебрегши плодами, — иначе и онъ, какъ другіе, былъ-бы обреченъ вѣчно оставаться на горѣ. Затѣмъ его взялъ къ себѣ на сѣдло всадникъ на бѣлой лошади и спустился съ нимъ по обрывамъ. Когда ишанъ вернулся къ себѣ, у него осталось только смутное воспоминаніе о томъ, что было съ нимъ.

Съ этою областью связана и другая легенда изъ временъ знаменитаго хана Ходжи, владычествовавшаго надъ всей страной отъ Кашгара до Манаса. Китайцы отправили къ нему двухъ пословъ, чтобы заключить съ нимъ миръ, но онъ не согласился; одного посла умертвилъ, другому обрубилъ носъ и уши и въ такомъ видѣ отправилъ его обратно къ китайскому императору. Императоръ страшно разгнѣвался и велѣлъ наполнить иглами три котла, обѣщая послать противъ Ходжи столько-же воиновъ, сколько вмѣстилось въ котлахъ иголокъ.

Ханъ Ходжа во главѣ войска въ 70,000 челов. отбивался подъ Манасомъ отъ безчисленныхъ китайскихъ полчищъ цѣлый мѣсяцъ. Подъ конецъ онъ побѣдилъ и съ 32,000 войска вернулся въ Кашгаръ, а оттуда въ Булюнь-куль, гдѣ произошло новое сраженіе. Съ остатками войска направился онъ къ Малому Кара-кулю, гдѣ китайцы и стали сильно тѣснить его. Въ самую рѣшительную минуту съ Мустагъ-аты спустилось 40 всадниковъ на вороныхъ коняхъ и рѣшили битву въ пользу хана Ходжи.

Въ войскѣ его находился одинъ батырь Чумъ-каркашка, который получилъ отъ своего господина наказъ — никогда не оглядываться въ битвѣ, иначе онъ никогда не побѣдитъ. Въ трехъ битвахъ соблюдалъ онъ наказъ и побѣждалъ, но въ четвертой обернулся и былъ мгновенно пораженъ стрѣлою. Могила его находится на большой высотѣ, около западнаго склона Мустагъ-аты, и одна изъ вершинъ горы носить имя батыря.

Китайцы, однако, опять собрали необозримое войско и напали на хана Ходжу около Малаго Кара-куля; тогда 40 всадниковъ сочли за лучшее убратъся во свояси на Мустагъ-

ату, — трусость довольно неожиданная, разъ дѣло идетъ о сказочныхъ герояхъ! Ходжа бѣжалъ къ Рангъ-кулю и Корней-тарты; китайцы преслѣдовали его, принудили къ битвѣ и разбили. Войско его было все разсѣяно, и въ концѣ концовъ онъ остался въ темнотѣ съ однимъ только трубачомъ. Ханъ приказалъ трубачу трубить, и остатки его войска мгновенно собрались вокругъ него. Но ихъ было уже слишкомъ мало, чтобы противостоятъ китайцамъ, тѣ погнали ихъ черезъ горы и долины и мало по малу перебили почти всѣхъ.

Всего съ пятидесятью вѣрными воинами достигъ Ходжа Яшилъ-куля — „зеленаго озера“ и тамъ одинъ успѣлъ взойти на высокую гору въ то время, какъ воины его были окружены китайцами. Тогда ханъ далъ знакъ своимъ броситься въ озеро, что тѣ и сдѣлали, и тутъ произошло новое чудо: они никакъ не могли потонуть, а китайцы никакъ не могли попасть въ нихъ, сколько ни стрѣляли. Но ханъ Ходжа умѣлъ выпутаться: взялъ горсть пыли, сотворилъ надъ ней молитву и бросилъ въ озеро, — герои тотчасъ исчезли въ волнахъ! Самъ-же ханъ бѣжалъ въ Бадахшанъ, но шахъ отрубилъ ему голову и отослалъ ее китайцамъ. Тѣло-же его было отправлено друзьями въ Кашгаръ, гдѣ и погребено около Хазретъ-Апака.

Дальше киргизы рассказывали, что на вершинѣ Мустагъ-аты находится древній городъ Джанайдаръ, воздвигнутый въ такія времена, когда всѣ люди на землѣ были блаженны, и такъ какъ потомъ всякія сношенія между городомъ и прочею землею были прекращены, то обитатели его и до сихъ поръ блаженствуютъ. Тамъ находятся сады, въ которыхъ круглый годъ растутъ чудеснѣйшіе плоды и неувядающіе цвѣты; женщины тамъ не старятся и вѣчно остаются прекрасными. Всѣ блага жизни предлагаются тамъ въ изобиліи ежедневно; смерть, холодъ и мракъ изгнаны оттуда навсегда.

Словомъ, Мустагъ-ата, какъ и Демавендъ и другія горы-великаны, окружена таинственнымъ облакомъ преданій и фантастическихъ легендъ. Да и немудрено, что полудикіе киргизы взираютъ на эту гору съ благоговѣйнымъ трепетомъ, если даже европеецъ безсиленъ передъ ея чарами.

Какъ мощный аванпостъ, преграждающій дорогу въ Центральную Азію, возвышается Мустагъ-ата, одна изъ высочайшихъ горъ Памира и всего земного шара, имѣющая

7,800 м. высоты и являющаяся въ то же время достойнымъ продолженіемъ мощныхъ хребтовъ: Гималайскаго, Кунь-луня, Кара-корума, Гинду-ку, собранныхъ на „крышѣ міра“. Гора эта представляетъ кульминаціонную точку идущаго по меридіану хребта, охватывающаго Памиръ съ востока и носящаго названіе „Мусъ-тагъ“ или „ледяныя горы“; имя Мустагъ-ата, т. е. „отецъ ледяныхъ горъ“ показываетъ ея превосходство передъ хребтомъ.

Это дѣйствительно знаменательное имя: какъ настоящій отецъ, вздымаетъ гора свою сѣдовласую макушку надъ головами дѣтей, хотя и они, какъ онъ, всѣ рослые великаны, одѣтые въ бѣло-снѣжные плащи и ледяныя брони. Словно гигантскій маякъ льетъ Мустагъ-ата свое серебряное сіяніе далеко на необозримое пространство песчанаго моря пустыни. Я много разъ видѣлъ ее издалека, мѣсяцами бродилъ по ея склонамъ, притягиваемый ея чарами.

Что-же касается киргизовъ въ Су-баши, то они менѣе пессимистически относились къ подъему на Мустагъ-ату, нежели ихъ соплеменники на Памирѣ. Всѣ соглашались сопровождать меня и стараться до послѣдняго, но думали всетаки, что экспедиція не удастся. У охотниковъ, которымъ случалось заблудиться на большихъ высотахъ, начинала кружиться голова отъ „тяжелаго“ воздуха, и даже ловкіе и быстроногіе архары, когда ихъ загоняютъ къ отвѣснымъ ледянымъ стѣнамъ, отступаютъ назадъ. Даже у королевскихъ орловъ слабѣютъ крылья на такихъ высотахъ.

Поэтому мы снарядились, какъ въ настоящій походъ, рѣшившись во что-бы то ни стало одолѣть великана. Мы положили подстергать минутой, т. е. благопріятной погоды, въ какомъ нибудь укромномъ мѣстечкѣ и тогда сразу взять его приступомъ. Рѣшено было разбить третій лагерь на возможно большей высотѣ, а отсюда уже производить рекогносцировки и наступленіе.

Въ продолжительныхъ, богатыхъ приключеніями путешествіяхъ часто, однако, бываетъ, что разныя препятствія и превратности идутъ наперекоръ планамъ путешественника, сбиваютъ его на другіе пути, нежели по какимъ онъ рѣшилъ слѣдовать. Подобное пораженіе ожидало и меня на Мустагъ-атѣ. Моимъ намѣреніемъ было, если возможно, добраться до самой

вершины горы и изслѣдовать ея геологическое строеніе, ея ледяной покровъ и гигантскіе ледники, ползущіе по склонамъ съ быстротой маленькой часовой стрѣлки.

Вмѣсто того, чтобы осуществить этотъ планъ и насладиться сознаниемъ, что находишься превыше всѣхъ земныхъ царствъ и народовъ и попираешь ногами пять частей свѣта, имѣя надъ собой только нѣсколько вершинъ азіатскихъ горъ, я принужденъ былъ, ослабѣвшій и полуслѣпой вернуться въ болѣе теплыя области.

Утромъ 17 апрѣля около моей кибитки выстроился готовый выступить живописный горный караванъ. Состоялъ онъ изъ шести киргизовъ въ теплыхъ бараньихъ тулупахъ, съ посохами въ рукахъ, девяти большихъ черныхъ добродушныхъ яковъ и двухъ барановъ. Яки были навьючены необходимымъ провіантомъ, кирками, заступами, топорами, канатами, тулупами, кошмами и коврами, фотографическими аппаратами и проч. Хрупкіе приборы и бинокли везли въ сакъ-воляжахъ киргизы.

Остальные яки были подъ сѣдломъ. Мы усѣлись на нихъ, простились съ бекомъ Тогдасынъ и пустились въ дальній путь въ гору по направленію SSO. Управляютъ яками посредствомъ бичевки, продѣтой въ носовой хрящъ. Впрочемъ, якомъ немного накомандуешь; онъ большей частью изволитъ идти, какъ ему самому вздумается, уткнувъ носъ въ землю, и его хрюканье раздается точно шумъ отдаленной лѣсопильни.

Мы прошли первый ледникъ, отливавшій на склонѣ свѣтло-зеленымъ цвѣтомъ. У подножья его конечной морены лежала гигантская разбившаяся пополамъ гнейсовая глыба. Мѣсто это называется Кемпиръ-кышлакъ, или „бабій поселокъ“. Преданіе гласитъ, что когда ханъ Шугнанскій воевалъ съ киргизами, всѣ разбѣжались отсюда, кромѣ одной старухи, спрятавшейся здѣсь между двумя обломками глыбы.

Подъемъ очень крутъ; нигдѣ не видно твердыхъ, нетронутыхъ разложеніемъ скалъ; мѣстность вся усѣяна гнейсовыми обломками всѣхъ сортовъ и величинъ. Гора состоитъ почти исключительно изъ гнейса и кристаллическаго сланца. Выше въ продуктахъ разложенія горныхъ породъ я находилъ обломки чернаго порфира и сильно спрессованнаго блестящаго сланца; послѣдній находился также въ скалахъ, сложенныхъ

изъ твердыхъ, нетронутыхъ еще процессомъ вывѣтриванья горныхъ породъ, на высотѣ 5,000 м.

Къ вечеру мы достигли свободнаго отъ снѣга мѣстечка, въ защитѣ отъ вѣтра, на высотѣ 4,439 м. Такимъ образомъ мы поднялись отъ Су-балши, расположеннаго на высотѣ 3,756 м., почти на 700 м. Здѣсь мы сдѣлали привалъ и разбили свой простой бивуакъ. Изъ кошмъ и ковровъ, альпійскихъ палокъ и веревокъ киргизы соорудили родъ ширмы, защитившей насъ отъ южнаго вѣтра. Зарѣзавъ одного изъ барановъ, киргизы произнесли молитву: „Аллаху экберъ, бисмиллахъ эр-рахманъ эррахманъ!“ и мясо еще не успѣло остыть, какъ уже было брошено въ котелъ со снѣговой водой, кипѣвшей надъ костромъ изъ сухого помета.

Вечеромъ подошелъ киргизъ съ еще двумя яками, нагруженными терескеномъ. Развели чудесный огонь, вокругъ котораго мы и усѣлись трапезовать. Живое пламя прыгало и металось туда и сюда, словно легкомысленная танцовщица, цѣлуя окружающихъ и обжигая бороду какого нибудь зазѣвавшагося замерзшаго киргиза, подавая тѣмъ поводъ къ общему веселью. Изъ-за Мустагъ-аты выплылъ мѣсяцъ, окруженный сияющимъ вѣнчикомъ; огонь мало по малу потухъ, и мы спокойно заснули подъ открытымъ небомъ на горѣ Хаазретъ-и-Муза.

На слѣдующій день 18 апрѣля погода была неблагоприятная, холодная, вѣтряная, небо все въ тучахъ, но мы все-таки рѣшили сдѣлать попытку. Взято было лишь тряпка, такъ какъ киргизы захотѣли лучше идти пѣшкомъ. По крутымъ извилистымъ тропинкамъ стали мы взбираться по склонамъ, становившимся все круче. Яки подвигаются съ удивительной увѣренностью, но зато часто отдыхаютъ. Когда тучи временами рѣдѣли, глазамъ открывались чудныя картины. Долина Сары-коль развѣртывалась внизу, какъ на ладони; на сѣверѣ виднѣлись Малый Кара-куль и Булюнъ-куль, на югозападѣ горные хребты Мургаба, и глубоко внизу подъ нами на западѣ могила батыря Чумъ-кара-кашки; изъ долины она кажется лежащею на большой горѣ; отсюда-же послѣдняя смотрѣла ничтожнымъ холмомъ.

Дойдя до ущелья ледника Ямбулакъ, мы остановились. Находились мы на высотѣ 4,850 м., т. е. выше всѣхъ евро-

пейскихъ горъ. Съ королевскимъ величіемъ выступаетъ ледникъ изъ воротъ своего дворца—глубокаго и широкаго ущелья. Выйдя изъ горъ на открытое мѣсто, онъ становится втрое, вчетверо шире, зато во столько-же разъ тоньше. Старыя и новыя конечныя морены, боковыя и береговыя, ледниковыя дожа — всѣ видны отсюда съ высоты птичьяго полета.

На высотѣ 5,336 м. насъ застигъ буранъ, да такой жестокой, что нѣсколько часовъ пришлось не двигаться съ мѣста, пока, наконецъ, мы рѣшились съ величайшей осторожностью повернуть назадъ по свѣжимъ сугробамъ, скрывавшимъ предательскія ямы и каменные глыбы. Въ два часа термометръ показывалъ — 4.5°.

Когда мы послѣ многихъ мытарствъ и приключеній вернулись въ нашъ лагерь, мы нашли тамъ кибитку, любезно доставленную мнѣ бекомъ Тогдасыномъ вмѣстѣ съ провіантомъ и топливомъ.

19 апрѣля буранъ разразился и на высотѣ, гдѣ былъ разбитъ лагерь. Ясно было, что хорошей погоды придется ждать долго, и я послалъ Куль Маметыева въ долину запасть продовольствіемъ на нѣсколько дней. Самъ-же я предпринялъ экскурсію съ Исламъ-баемъ и двумя киргизами. Остальные, у которыхъ сдѣлалась наканунѣ сильная головная боль и тошнота — остались.

Экскурсія вышла въ высшей степени интересной и поучительной; дошли мы до мыса ледника Ямбулака; была снята точная топографическая карта, сдѣланы разрѣзы и измѣренія, а также снято съ десятокъ фотографій. Вооружившись веревками, топорами и шестами мы двинулись по леднику и прошли отъ края 320 м.; тутъ насъ остановила трещина въ 18 м. глубины. Если судить по выпуклостямъ льда по близости, доходившимъ до 30 м. высоты, ледникъ долженъ былъ имѣть въ этомъ мѣстѣ по крайней мѣрѣ 50 м. толщины. Во время этого опаснаго странствія по льдамъ, намъ часто приходилось перепрыгивать черезъ зіяющія трещины, причемъ принимались разумѣется, всевозможныя мѣры предосторожности.

Вечеромъ былъ составленъ планъ подняться на другой день съ кибиткой на южный склонъ горы и оттуда сдѣлать новую попытку. Тутъ, словно по мановенію злого духа у меня

началось воспаленіе глазъ, которымъ я страдалъ прежде, сопровождающееся сильной болью. Всѣ аптечныя средства были испробованы тщетно, и на слѣдующій день боль такъ усилилась, что мнѣ пришлось оставить своихъ и вернуться въ Су-баши. Грандіозный планъ разрушился, съ такимъ трудомъ организованная экспедиція не удалась. Я рассчитался съ киргизами, и Мустагъ-ата, вся залитая теперь солнечнымъ блескомъ и представлявшая чудное зрѣлище — для тѣхъ, кто не страдалъ глазами, — была оставлена на этотъ разъ въ покоѣ.

Такъ какъ болѣзнь глазъ, не смотря на отдыхъ и тепло, все продолжала ухудшаться, то я дня черезъ два счелъ за лучшее отправиться въ Булюнь-куль, гдѣ осталась половина моихъ вещей, двое людей и шесть лошадей. При отъѣздѣ жители аула и даже нѣкоторые изъ китайскихъ солдатъ простились со мной истинно сердечнымъ образомъ. Все населеніе аула собралось на проводы и держало себя, точно на похоронахъ, тихо и молчаливо. Черезъ часъ насъ нагнала по дорогѣ кучка солдатъ; служба помѣшала имъ проститься съ нами, и они теперь явились пожелать намъ счастливаго пути. Они провожали насъ добрыхъ полчаса, распѣвая въ нашу честь заунывныя пѣсни; въ общемъ похоже было, какъ будто караванъ нашъ — погребальное шествіе, пѣсенники эти — плакальщицы, а я самъ — покойникъ.

Да, печально было наше шествіе въ это утро 25 апрѣля. Я напринимался салицила и морфина и чувствовалъ себя и глухимъ и взбѣшеннымъ. На лѣвомъ глазу была плотная повязка, а на правомъ, еще здоровомъ, но страшно чувствительномъ къ свѣту, двойное темное стекло очковъ. Весь путь до Булюнь-куля мы сдѣлали все-таки въ одинъ пріемъ, проѣхавъ безостановочно десять часовъ. Около Кара-куля опять захватилъ насъ буранъ, который въ вечеру усилился, и, когда мы въ темнотѣ прибыли въ Булюнь-куль, вся мѣстность кругомъ опять была въ зимнемъ нарядѣ.

Джанъ-дарынъ теперь вернулся изъ Кашгара, и я тотчасъ послалъ къ нему гонца съ просьбой доставить мнѣ приличную кибитку, но гонецъ вернулся съ отвѣтомъ, что Джанъ-дарынъ пьянъ, и его нельзя тревожить. Пришлось довольствоваться тѣмъ, что было, жалкой кибиткой, въ которую сквозь щели

проникалъ снѣгъ. Я рѣшилъ, впрочемъ, оставаться здѣсь еще нѣсколько дней, такъ какъ мнѣ становилось все хуже.

Но не тутъ-то было. 26-го около полудня явился посланный отъ Джанъ-дарына съ приказаніемъ удалиться изъ Булонъ-куля рано утромъ на другой-же день, — иначе мнѣ помогутъ убратъся его солдаты. Выбора не было, приходилось повиноваться. Спѣшу, впрочемъ, оговориться въ пользу китайцевъ, что неприятный этотъ случай былъ единственнымъ за все время моего путешествія по китайской территоріи. Тутъ мнѣ пришлось имѣть дѣло съ грубымъ неотесаннымъ мандариномъ, впоследствии же я узналъ китайцевъ съ совершенно другой стороны.

27 апрѣля я простился съ Куль Маметыевымъ, который вернулся на Памирскій постъ и позже былъ награжденъ медалью отъ короля Оскара.

Кромѣ того, за оказанные мнѣ услуги получили знаки отличія и многіе изъ офицеровъ укрѣпленія, такъ что неудивительно, если русскіе считали меня переодѣтымъ принцемъ.

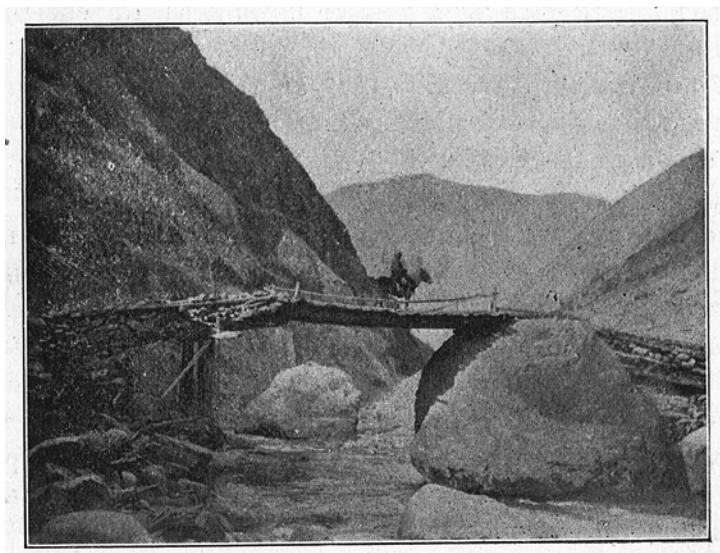
Около Тарбаши (начало узкаго прохода) мы свернули къ востоку по глубоко врѣзавшейся въ хребетъ Мусъ-тагъ долину Гезъ. Я потороплюсь провести по ней читателя, такъ какъ самъ не много-то видѣлъ кругомъ, — я почти все время ѣхалъ съ завязанными глазами. По крутымъ головоломнымъ тропинкамъ достигли мы во мракѣ и туманѣ Учъ-каппа („Три каменные хижины“), гдѣ провели ночь.

На слѣдующее утро предстоялъ трудный переходъ черезъ рѣку Гезъ. Она здѣсь очень быстра и глубока и протекаетъ вдоль стѣны скалъ по правой сторонѣ долины. Здѣсь тропинка круто подымается вверхъ и вьется по почти отвѣсной стѣнѣ скалы. По краю вбиты колья. Люди мои сначала предпочитали было переправу вбродъ черезъ рѣку, но послѣ того, какъ первыя лошади чуть не потеряли подъ ногами почву въ пѣнящихся, глубокихъ водахъ рѣки, рѣшили попытаться ѣхать по тропинкѣ. Медленно взбирались мы на крутой гребень скалы, пока двѣ лошади не устали и не отказались идти дальше.

Опять пришлось обратиться къ рѣкѣ, которую, наконецъ, съ большимъ трудомъ и перешли, принявъ всѣ мѣры предосторожности. Ящики мои перевозили только на лучшихъ лошадяхъ, что очень и задержало насъ, такъ какъ много времени ушло на

перегрузку. Каждую лошадь сопровождали двое верховыхъ, чтобы помочь ей въ случаѣ, если ее опрокинетъ теченіемъ. Крайне жутко вѣзжать съ лошадыю въ пѣнящуюся бурлящую рѣку, въ которой не видно дна, такъ что не знаешь, чѣмъ оно покрыто, щебнемъ или гальками, не знаешь мелка рѣка, или глубока. И надо строго держаться брода, если не хочешь выкупаться, что далеко не безопасно, если сидишь съ ногами въ стременахъ, а рѣка неподалеку оттуда круто низвергается, образуя водопадъ въ тѣснинахъ скалъ.

Послѣ того мы не разъ переправлялись черезъ рѣку, то

Мостъ черезъ рѣку Гезъ.

(Съ фотографіи автора).

вбродъ, то по болѣе или менѣе шаткимъ мостикамъ. Особенно живописенъ былъ одинъ. Передней частью онъ опирался на лежащую въ руслѣ громадную округленную глыбу. Долина спускается очень круто, и рѣка образуетъ непрерывные водопады. Узкій проходъ между стѣнами скалъ, гдѣ звуки будятъ громко эхо, былъ наполненъ туманомъ, закрывавшимъ горизонтъ. Дорога, до крайности каменистая и бугристая, все время идетъ между высоко вздымающимися стѣнами конгломерата. Круглыя гнейсовыя глыбы иногда такъ далеко высовываются изъ стѣнъ, что того и гляди оторвутся и сокрушатъ тебя. Куда легче дышется, когда проѣдешь такое мѣсто.

Температура совсѣмъ измѣнилась, и мы только теперь замѣтили, что уже весна. Минимальная температура ночью равнялась -0.1° ; по мѣрѣ же нашего углубленія въ долину становилось все теплѣе: около полудня было $+8^{\circ}$; въ два часа дня $+11.6^{\circ}$; въ 3 ч. $+13^{\circ}$; въ 4 ч. $+14.5^{\circ}$ и въ 8 час. $+15^{\circ}$. Мы остановились около Купрукъ-караула, гдѣ минимальный термометръ показалъ въ ночь на 29 апрѣля $+4^{\circ}$.

Мѣстность эта пользуется дурной славой, какъ пристанище китайскихъ и кашгарскихъ разбойничьихъ шаекъ. Поэтому ночному караулу приказано было глядѣть въ оба за вещами и лошадьми. Люди посовѣтовали мнѣ держать оружіе на готовѣ. Но о разбойникахъ не было ни слуху, ни духу, и ночь прошла такъ-же спокойно, какъ и всѣ предыдущія.

На слѣдующій день опять предстояла тяжелая переправа черезъ рѣку. Одна изъ вьючныхъ лошадей, на которой кромѣ того ѣхалъ сартъ Ходжа, чуть не захлебнулась. Всѣ бросились въ воду, кто раздѣтый, кто въ одеждѣ, и съ большимъ трудомъ спасли животное и вещи. Ходжа принялъ невольную ванну, съ головой уйдя подъ воду.

Это была не послѣдняя переправа; много разъ еще переходили мы рѣку то вбродъ, то по довольно таки опаснымъ мостамъ; долина понемногу расширилась, и показался лѣсокъ. Около полудня температура равнялась $+19^{\circ}$. Мы приближались къ болѣе низменнымъ областямъ съ болѣе мягкимъ климатомъ. Желтоватый густой туманъ стоялъ между стѣнами горъ, и такъ какъ вдобавокъ глаза у меня все болѣли, то я и не много видѣлъ изъ живописныхъ мѣстностей кругомъ.

30 апрѣля сдѣланъ былъ послѣдній переходъ по горамъ, которыя еще съ утра пошли ниже, потомъ смѣнились холмами, стали развѣтвляться и, наконецъ, исчезли въ туманѣ. Мѣстность становилась все ровнѣе, показались поросшія травой поля, и лошади забыли всякую дисциплину. Бѣдные животныя, прошедшія на Памирѣ черезъ настоящее леченіе голодомъ, не могли удержаться, чтобы не щипать мимоходомъ аппетитную траву.

Перейдя черезъ три небольшіе моста, мы оставили долину Гезъ далеко влѣво. Послѣдній мостъ былъ очень опасенъ, и мы чуть не лишились тамъ одной лошади, которая застряла ногами между перекладинами. Лошадь развьючили и соединен-

ными силами высвободили. Затѣмъ люди исправили мостъ, заткнувъ дыры комками земли.

Около Ташъ-мелька (собственно Ташъ-балыка, т. е. „каменной рыбы“) находится небольшая китайская крѣпостца, комендантъ которой задержалъ насъ просмотромъ паспортовъ. Последнюю ночь мы провели въ городкѣ Тарымъ (земледѣліе) и вечеромъ 1 мая прибыли въ Кашгаръ, гдѣ я нашель сердечный пріемъ у моего стараго друга консула Петровскаго и его секретаря Лючша.

ІХ.

Воспоминанія о Кашгарѣ.

Въ Кашгарѣ я пробылъ 50 дней, дожидаясь, пока поправятся мои глаза, и работая: приводя въ порядокъ мои наблюденія и разрабатывая набросанныя мною карты. Пребываніе въ гостепріимномъ домѣ консула являлось для меня пріятнымъ и необходимымъ отдыхомъ, — всѣ услуги цивилизаціи были тутъ въ моемъ распоряженіи.

Консулъ Петровскій — одинъ изъ милѣйшихъ и любезнѣйшихъ людей въ свѣтѣ; бесѣда съ нимъ доставляла мнѣ столько-же пользы, сколько удовольствія, такъ какъ онъ чловѣкъ науки въ полномъ смыслѣ слова, и сдѣланныя имъ въ окрестностяхъ Кашгара открытія, которыя онъ собирается опубликовать, имѣютъ большое значеніе для археологіи и исторіи. Въ библіотекѣ его собраны всѣ лучшіе труды по описанію Центральной Азіи; рабочая комната его похожа на физическій кабинетъ, обладающій самыми дорогими приборами. Лучшей, нежели этотъ домъ, точки опоры для путешественника по внутренней Азіи, нельзя было-бы и представить себѣ.

Такъ какъ я въ своей первой книгѣ „По Хоррасану и Туркестану“ подробно описалъ и Кашгаръ и его ближайшія окрестности, то не буду тратить здѣсь времени и мѣста на описаніе этого западнѣйшаго изъ китайскихъ городовъ, расположеннаго на западномъ берегу Кызыль-су и представляющаго все такой-же сѣрый и пустынный видъ. Скажу только нѣсколько словъ объ европейцахъ и китайцахъ, съ которыми мнѣ пришлось здѣсь столкнуться.

Начну съ персонала русскаго консульства, состоявшаго изъ самого консула Петровскаго, его супруги, секретаря, двухъ офицеровъ, таможеннаго чиновника и 50 казаковъ.

Кромѣ того, за столомъ консула ежедневно появлялось еще одно лицо, Адамъ Игнатьевичъ, полякъ, прибывшій въ Кашгаръ десять лѣтъ тому назадъ въ качествѣ католическаго миссіонера. Это былъ видный старикъ, съ чисто выбритымъ лицомъ и бѣлоснѣжными волосами, носившій бѣлое одѣяніе, а на шеѣ четки съ крестомъ; въ общемъ онъ напоминалъ кардинала на покоѣ. Мы часто подшучивали надъ нимъ за сто-

Базаръ въ среднеазиатскомъ городѣ.

(Съ фотографіи автора).

ломъ; но онъ на самые щекотливые вопросы отвѣчалъ добродушно-веселымъ смѣхомъ и гнался только за хорошимъ глоткомъ водочки.

Никто кромѣ него самого и не вѣрилъ въ его миссіонерство, — за всѣ десять лѣтъ онъ не обратилъ никого, да и не пытался обратить. Самъ онъ, впрочемъ, хвалился что обратилъ на смертномъ одрѣ одну сартскую старуху, но злые языки увѣряли, что старуха была уже мертва, когда онъ обращалъ ее. Въ эту зиму Адамъ Игнатьевичъ частенько захаживалъ ко мнѣ, и мы коротали въ бесѣдѣ цѣлые вечера; иной

разъ, увлекаясь рассказами изъ его полной удивительныхъ приключеній жизни, мы засиживались далеко за полночь.

Между прочимъ, онъ рассказывалъ, что во время польскаго возстанія помогалъ повѣсить одного русскаго священника, и за то былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ пробылъ около тридцати лѣтъ. По рожденію онъ принадлежалъ къ польскому дворянскому роду Догвилло, но теперь доживалъ свой вѣкъ почти безъ средствъ, одинокимъ, всѣми забытымъ, заброшеннымъ, безъ друзей, безъ привязанностей, не имѣя никого, кто-бы поплакалъ на его могилѣ, когда онъ умретъ. Тѣмъ не менѣе онъ былъ всегда веселъ, привѣтливъ и жизнерадостенъ. Мы сидѣли съ нимъ, болтая у камелька, словно двое отшельниковъ.

Точно такъ-же, какъ и Адамъ Игнатьевичъ, застрялъ въ Кашгарѣ мой старый другъ патеръ Гендриксъ, во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ замѣчательный. По рожденію голландецъ, онъ прожилъ въ Азіи двадцать пять лѣтъ, говорилъ на двадцати языкахъ, неукоснительно слѣдилъ за всѣми событіями міра и былъ вообще богато одареннымъ отъ природы и все-сторонне образованнымъ человѣкомъ, составляя въ этомъ отношеніи прямой контрастъ съ Адамомъ Игнатьевичемъ; проживалъ онъ въ индусскомъ караванъ-сараѣ, въ какой-то тѣсной конурѣ безъ оконъ, въ крайней бѣдности, и, повидимому, давно забытый своими европейскими друзьями, такъ какъ почти не получалъ никакихъ писемъ.

Бесѣда-же съ нимъ доставляла большое удовольствіе; онъ бывалъ остроуменъ и веселъ, пѣлъ французскія пѣсни такъ-же хорошо, какъ латинскую обѣдню, и вообще являлся рѣдкимъ оригиналомъ; быстро шагая по мусульманскимъ базарамъ въ своемъ длиннополомъ одѣяніи, въ шляпѣ съ широкими полями, съ посохомъ въ рукахъ, съ длинной бородой и круглыми очками на носу, онъ напоминалъ монаха ордена Сѣрыхъ братьевъ. Одиночество было лозунгомъ и его жизни. Въ одиночествѣ аккуратно служилъ онъ обѣдню, на которой не присутствовало живой души, кромѣ него самого, одиноко сидѣлъ по вечерамъ съ книжкой у дверей своей конуры, не замѣчая шума и гама входящихъ и уходящихъ каравановъ, одинъ готовилъ себѣ необходимую пищу, на какую хватало его ничтожныхъ средствъ, одиноко бродилъ по улицамъ вечерами — вѣчно былъ одинокъ. Встрѣчи съ нимъ радовали меня,

и мы часто сиживали и философствовали съ нимъ вдвоемъ, — я тоже былъ одинокъ, какъ и онъ.

Третій миссіонеръ былъ крещеный магометанинъ, по имени Іоганъ. Онъ изучалъ Коранъ въ Эрзерумѣ и взывалъ съ его минаретовъ: „Ла иллаха иль Алла, Мухаммедъ расуль Улла!“ (Нѣтъ Бога кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ его). Потомъ онъ принялъ христіанство, два года посѣщалъ миссіонерскую школу въ Швеціи, а теперь переводилъ на кашгарско-тюркское нарѣчіе біблію и разыгрывалъ по вечерамъ на скрипкѣ шведскіе псалмы.

Таковы были здѣшніе представители религіи, символомъ которой является крестъ. Я жалѣлъ ихъ: всѣ старанія ихъ были тщетны, труды безплодны, жизнь пуста, тяжела и безцѣльна.

Въ первое мое посѣщеніе Кашгара около Рождества 1890 г. я имѣлъ удовольствіе встрѣтиться здѣсь съ тремя любезными и симпатичными англичанами: капитаномъ Юнгусбэндомъ и г. Мэкэртнеемъ. Первый уже возвратился въ Индію, но второй оставался еще въ Кашгарѣ и проживалъ въ расположенномъ около общественнаго сада, прекрасномъ комфортабельномъ домѣ, гдѣ онъ не разъ угощалъ насъ съ патеромъ Гендриксомъ чудесными, веселыми обѣдами. Мэкэртней, агентъ индійскаго правительства въ Китаѣ, человекъ прекрасно воспитанный и основательно образованный, бѣгло говорящій на всѣхъ главныхъ европейскихъ и восточныхъ языкахъ, особенно на китайскомъ. Занимаемое имъ положеніе далеко не соотвѣтствуетъ его способностямъ и знаніямъ; онъ могъ-бы быть полезнымъ своей странѣ и на болѣе выдающемся посту.

Теперь остается упомянуть о наиболѣе выдающихся китайцахъ, съ которыми я имѣлъ сношенія.

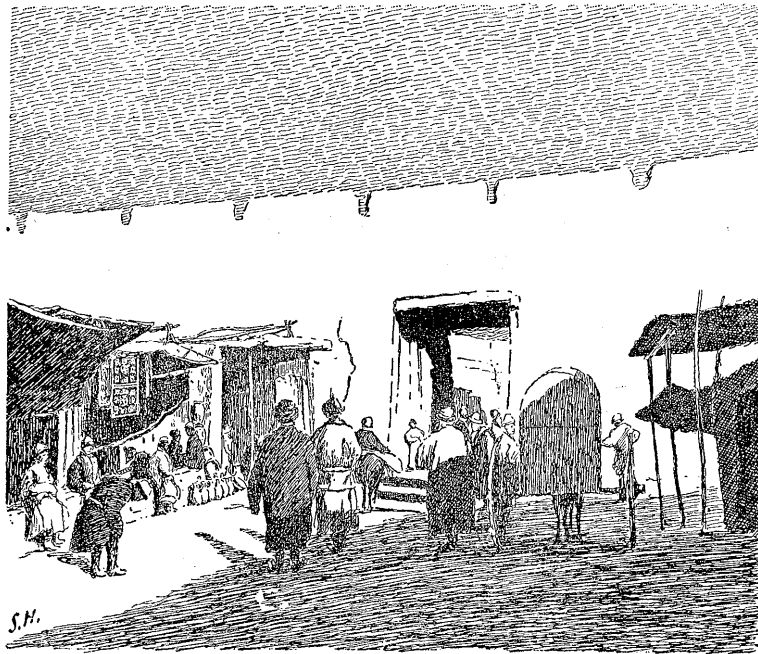
Во главѣ каждой изъ 19 провинцій Китая стоитъ губернаторъ, ближайшіе помощники котораго: вице-губернаторы, управляющій финансовою частью, начальникъ судебнаго вѣдомства и „дао-тай“ *). Власть первыхъ четверыхъ простирается на всю провинцію, послѣдній-же имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи лишь извѣстную область. Такъ, на примѣръ, въ новой

*) „Столбъ закона“.

Примѣч. перев.

провинціи Синь-цзянь, которая охватываетъ весь Восточный Туркестанъ, Или, часть Джунгаріи и часть Гоби, есть много „дао-таевъ“ или „людей, показывающихъ правые пути“. Въ Урумчи, главномъ городѣ провинціи, свой дао-тай, въ Акъ-су—свой, въ Кашгарѣ свой и т. д.

Если такимъ образомъ районъ власти дао-тая и меньше, зато самая власть его во многихъ отношеніяхъ значительнѣе власти первыхъ названныхъ чиновниковъ: онъ какъ-бы контролируетъ ихъ и можетъ обжаловать ихъ дѣйствія. Поло-

Городскія ворота въ Кашгарѣ.

(Съ рисунка автора).

женіе, занимаемое имъ, живо напоминаетъ положеніе русскихъ провинціальныхъ прокуроровъ при Екатеринѣ II, которые, однако, имѣли право лишь протестовать противъ дѣйствій высшихъ чиновъ, тогда какъ китайскіе дао-таи иногда могутъ и распоряжаться.

Мой другъ Шань, дао-тай кашгарскій, управляетъ обширною областью, которая на сѣверовостокѣ граничитъ съ Акъ-су и, кромѣ самаго Кашгара, обнимаетъ еще Маралъ-баши, Яркендъ, Хотанъ, Кэрю и Черченъ. Должность его

почти исключительно гражданскаго характера, но власть его простирается и на военную область: онъ платитъ жалованье солдатамъ и наблюдаетъ за интендантскимъ вѣдомствомъ. Сары-коль, или восточный Памиръ, чисто военная область съ временнымъ управленіемъ, организованнымъ приблизительно по образцу русскаго и афганскаго управленій на Памирѣ, носящихъ чисто военный характеръ. Дао-тай, однако, и въ Сары-колѣ пользуется извѣстнымъ вліяніемъ. Онъ даетъ совѣты и разныя свѣдѣнія, но не имѣетъ права распоряжаться.

Дао-тай Шань въ молодости былъ просто писцомъ у одного мандарина, но отличился въ первое возстаніе дунганъ и мало-по-малу, повышаясь въ чинахъ, достигъ нынѣшняго своего высокаго положенія. Онъ былъ поистинѣ человѣкомъ честнымъ и благороднымъ. По наружности онъ, конечно, не былъ Адонисомъ, зато его шафранно-желтая тѣлесная оболочка была обыкновенно облечена въ роскошное одѣяніе изъ голубого шелка, въ складкахъ котораго играли въ жмурки золотые драконы и карабкались по причудливо извивающимся гирляндамъ золотые львы. На его шелковой шапочкѣ торчалъ шарикъ, означавшій, что онъ былъ „дарынъ“ второго класса, а на шеѣ онъ носилъ длинную цѣпь изъ твердыхъ рѣзныхъ плодовыхъ косточекъ.

Одной изъ первыхъ моихъ обязанностей былъ, разумѣется, визитъ къ этому важному господину, который принялъ меня съ откровенной любезностью. Обиталъ онъ въ обширномъ „яменѣ“, гдѣ можно было запутаться въ лабиринтѣ четырехъ угольныхъ дворовъ, съ кучами тутовыхъ деревъ посреди и деревянными верандами вокругъ; столбы, поддерживающіе веранды были украшены китайскими письменами, а стѣны живописью, изображавшею по большей части драконовъ и другихъ фантастическихъ звѣрей.

Дао-тай встрѣтилъ меня у первыхъ воротъ и, улыбаясь, повелъ въ пріемную залу, гдѣ мы усѣлись другъ противъ друга за маленькій четырехугольный деревянный столъ и принялись пить чай и курить изъ серебряныхъ трубокъ. У воротъ стояли на стражѣ солдаты съ длинными аллебардами. Важные чиновники съ тщательно заплетенными косами и желтыми фізіономіями, тоже съ шариками на черныхъ шелковыхъ

шапочкахъ, стояли, точно статуи, по стѣнамъ залы и все время рта не раскрывали. Чтобы не отстать отъ дао-тая, разряженнаго согласно своему достоинству, я облекся въ черную пару и явился въ сопровожденіи казаковъ на бѣломъ, какъ снѣгъ, конѣ.

Битыхъ два часа длился разговоръ, являвшійся, собственно говоря, состязаніемъ въ искусствѣ говорить другъ другу любезности. Когда я на вопросъ хозяина, какъ понравился мнѣ его чай, отвѣтилъ единственнымъ китайскимъ словомъ, которое зналъ: „Хао“ (хорошо), онъ всплеснулъ руками и сказалъ: „Что за ученый человѣкъ нашъ гость!“ Зато когда онъ затѣмъ сообщилъ мнѣ, что воды Тарима, впадающаго въ Лобъ-норъ, черезъ нѣсколько тысячъ „ли“ снова выходятъ на свѣтъ Божій, чтобы образовать Хуанъ-хэ, я отплатилъ ему восклицаніемъ: „Какъ ваше превосходительство учены; все знаете!“

Но пришлось ему выслушать и немножко правды. Я напрямикъ высказалъ ему свое удивленіе, что, несмотря на имѣющійся у меня китайскій паспортъ и рекомендательное письмо, я былъ такъ дурно принятъ въ первомъ-же китайскомъ пунктѣ, куда прибылъ, въ Булюнъ-кулѣ, и прибавилъ, что буду жаловаться вышнимъ властямъ; фیزیономія важнаго китайца сразу омрачилась, и онъ сталъ упрашивать меня не подымать исторіи, обѣщаясь лично пробратъ Джанъ-дарына. Я обѣщалъ на этотъ разъ не жаловаться, чего, конечно, въ сущности, и не намѣревался дѣлать, а сказалъ это ради того лишь, чтобы поддержать свой престижъ: въ обхожденіи съ китайцами вообще надо быть твердымъ и неуступчивымъ, иначе они-же надъ вами посмѣются.

Въ заключеніе онъ напомнилъ мнѣ, что въ Кашгарѣ два начальника: одинъ онъ, а другой русскій генеральный консулъ (о которомъ мусульмане говорятъ, что онъ истинный преемникъ хана Джагатая). Такъ какъ я по прибытіи поселился у второго, то теперь справедливость требовала, чтобы я оказалъ ту-же честь и ему, дао-таю. Но я только поблагодарилъ за такую честь.

На другой день дао-тай явился отдать мнѣ визитъ съ чисто азіатской пышностью и блескомъ. Сначала ѣхалъ герольдъ, и черезъ каждые пять минутъ билъ въ огромный

гонгонгъ, за нимъ ѣхали всадники, вооруженные копьями и кинжалами, которыми они и угощали каждого, кто не сторонился немедленно передъ такимъ важнымъ господиномъ. Самъ послѣдній ѣхалъ въ небольшомъ, крытомъ, на двухъ высокихъ колесахъ, экипажѣ съ тремя окнами; надъ впряженнымъ въ экипажъ муломъ возвышался, для защиты отъ солнца, укрѣпленный на оглобляхъ балдахинъ. Экипажъ окружали люди, несшіе огромные зонтики и желтые флаги съ черными письменами. Поѣздъ замыкали солдаты въ самыхъ фантастическихъ мундирахъ, ѣхавшіе на прекрасныхъ бѣлыхъ лошадяхъ.

Шань дао-тай Кашгарскій.

(Съ фотографіи автора)

Не могу покончить съ моими желтолицыми друзьями въ Кашгарѣ, не упомянувъ о китайскомъ обѣдѣ, котораго никогда не забуду. Я едва успѣлъ опомниться отъ такого обѣда у цзянь-далоя (нѣчто вродѣ бургомистра), какъ былъ со всѣмъ консульствомъ приглашенъ на парадный обѣдъ къ дао-таю.

Существуютъ разказы о богѣ классической древности, пожравшемъ собственнаго сына, о троллѣ Зохакѣ, который съѣдалъ въ день по парѣ человѣчьихъ мозговъ, объ африканскихъ дикаряхъ, приглашающихъ миссіонеровъ на обѣдъ, на которомъ гости сами попадаютъ въ котель, и о разныхъ обжорахъ, глотающихъ однимъ духомъ разбитыя бутылки,

раскрытые перочинные ножи и старые сапоги. Но что все это въ сравненіи съ китайскимъ обѣдомъ, за которымъ подаютъ до 46 блюдъ изъ самыхъ удивительныхъ продуктовъ растительнаго и животнаго царства, какіе только можно представить себѣ! Копченая ветчина въ сахарѣ не можетъ быть особенно вкусной, не говоря уже о многомъ другомъ.

Приглашеніе на обѣдъ — маленькая карточка, посылаемая китайцами гостямъ за день, за два, въ огромномъ конвертѣ; если гость принимаетъ приглашеніе, онъ оставляетъ карточку у себя, если нѣтъ, отсылаетъ ее обратно. Если къ обѣду звали въ 12 часовъ, то нельзя являться раньше 2-хъ, иначе застанешь весь домъ спящимъ и не найдешь ни гостей, ни поваровъ, ни обѣденнаго стола. Когда у хозяевъ все готово, другой слуга обходитъ гостей съ визитной карточкой хозяина, являющейся въ данномъ случаѣ сигналомъ, означающимъ: „Ну, теперъ можете потихоньку одѣваться“.

Наше шествіе вышло поистинѣ блестящимъ. Во главѣ ѣхалъ аксакалъ изъ проживающихъ въ Капшгарѣ русскихъ купцовъ - сартовъ изъ Западнаго Туркестана, сартъ, какъ и они, одѣтый въ красный бархатный халатъ; вся грудь была увѣшана русскими золотыми медалями. Затѣмъ ѣхалъ казакъ съ шелковымъ флагомъ консульства изъ красныхъ и бѣлыхъ полосъ съ маленькимъ косымъ крестомъ въ углу. За нимъ слѣдовали въ коляскѣ консулъ Петровскій и я въ сопровожденіи двухъ офицеровъ и Адама Игнатьевича, въ его длинномъ бѣломъ балахонѣ, съ четками и крестомъ на шеѣ. Замыкали поѣздъ двѣнадцать казаковъ, одѣтыхъ въ бѣлые парадные мундиры и ѣхавшихъ на горячихъ коняхъ.

Такимъ торжественнымъ образомъ, разодѣтые въ парадныя одѣянія ѣхали мы потихоньку по солнцепеку по узкимъ и пыльнымъ улицамъ Капшгара, черезъ Регистанскій рынокъ, гдѣ скупчились сотни лавченокъ съ соломенными кровлями, подпертыми жердями, поставленными наискось, мимо мечетей, медресе, караванъ - сараевъ, и „толкучки“, гдѣ продавалось поношенное платье. Время отъ времени мы сталкивались съ караваномъ верблюдовъ или съ вереницей ословъ, несущихъ воду въ маленькихъ боченкахъ, и, наконецъ, очутились въ китайскомъ кварталѣ съ его оригинальными лавками, изогнутыми крышами, намалеванными драконами и красными афи-

пами. Мы въѣхали въ широкія ворота „ямена“ дао-тая, гдѣ стояли на вытяжку морщинистые, безбородые солдаты, и гдѣ встрѣтилъ насъ самъ хозяинъ.

Благодаря присутствію Адама Игнатьевича, разговоръ уже за закусочнымъ столомъ перешелъ на дѣятельность миссіонеровъ въ Китаѣ. Дао-тай сказалъ, что христіанскіе миссіонеры, простившіеся со всеми удобствами цивилизаціи и ведущіе полную трудовъ и лишеній, далеко не завидную жизнь въ чужой странѣ, достойны всякаго уваженія. Но, — прибавилъ онъ съ особеннымъ удареніемъ, — они только сѣютъ здѣсь рознь. Въ одномъ городѣ, напримѣръ, часть населенія перешла въ христіанство и во время китайскихъ религіозныхъ праздниковъ держится особнякомъ; остальная часть населенія смотритъ на нихъ, какъ на измѣнниковъ, и такимъ образомъ они становятся во враждебныя отношенія другъ къ другу. Въ одной семьѣ сынъ принялъ христіанство и возстаетъ противъ родителей, въ другой жена - христіанка вѣчно воюетъ съ мужемъ и т. п. Когда-же я напомнилъ дао-таю о недавнемъ убійствѣ двухъ шведскихъ миссіонеровъ въ Сангпо, то онъ сдѣлалъ видъ, какъ будто и не зналъ объ этомъ.

Потомъ хозяинъ провелъ насъ и своихъ китайскихъ гостей въ маленькій павильонъ въ саду, гдѣ долженъ былъ состояться обѣдъ. Этикетъ требуетъ, чтобы хозяинъ прежде, чѣмъ предложить гостямъ кубки, приложилъ ихъ ко лбу; съ такою-же церемоніею предлагаются и деревянные палочки, служащія для ѣды за столомъ. Кромѣ того хозяинъ беретъ за каждый стулъ и трясетъ его, чтобы убѣдить гостей въ его прочности, а также проводитъ рукой по сидѣньямъ стульевъ, какъ-бы для того, чтобы смахнуть пыль. Когда все это было продѣлано, мы усѣлись вокругъ большого краснаго лакированнаго стола. Вошла вереница слугъ, каждый несъ фарфоровую мисочку съ какимъ нибудь блюдомъ. Мисочки дюжинами были разставлены на столѣ и по мѣрѣ опустошенія замѣнялись новыми. Передъ каждымъ гостемъ стояли кромѣ того маленькія чашечки съ пряностями и соусами.

Если гости не угощаются сами, хозяинъ собственноручно накладываетъ имъ своихъ любимыхъ блюдъ. Въ числѣ кушаній фигурировали чешуя, хрящи и плавники разныхъ морскихъ и рѣчныхъ китайскихъ рыбъ, грибы, соленые ломтики ба-

раньяго сала, саламандры, ветчина въ различныхъ видахъ и множество диковинныхъ блюдъ, истинной сущности которыхъ я такъ и не узналъ и которыхъ не рѣшился отвѣдать по причинѣ ихъ подозрительнаго вида и сквернаго запаха. Финаломъ обѣда были китайскія конфекты, которыя запивались чаемъ и китайской водкой, крѣпкой и страшно горячей.

Большинство подававшихся блюдъ были приготовлены изъ продуктовъ Собственнаго Китая и потому страшно дорогихъ здѣсь въ пустыняхъ далекаго запада. Дао-тай, обыкновенный столъ котораго очень простъ, хотѣлъ, вѣроятно, принять насъ самымъ отмѣннымъ образомъ. Но мы не оказали чести китайской кухнѣ.

Единственнымъ человѣкомъ, поддерживавшимъ престижъ европейца, оказался Адамъ Игнатьевичъ, возбудившій всеобщее удивленіе. Онъ добросовѣстно отвѣдалъ всѣхъ 46 блюдъ и выпилъ 17 чашекъ водки, этого питья, которое обжигало глотку—по крайней мѣрѣ мою, словно раскаленные желѣзныя опилки въ сѣрной кислотѣ. Тѣмъ не менѣе къ концу трехчасоваго обѣда онъ смотрѣлъ, какъ ни въ чемъ не бывало, точно сейчасъ только сѣлъ за столъ.

Я же вынесъ по отношенію къ китайскимъ обѣдамъ такое убѣжденіе, что нужно извѣстное время для того, чтобы привыкнуть къ этимъ необычайнымъ блюдамъ. Въ концѣ концовъ я сталъ находить нѣкоторыя блюда вкусными и съ удовольствіемъ принималъ приглашенія. Самое тонкое блюдо—супъ изъ ласточкиныхъ гнѣздъ, которое, однако, въ этой отдаленной мѣстности появлялось очень рѣдко по своей дороговизнѣ.

На одной изъ стѣнъ павильона красовались какія-то черныя каракули, означавшія: „Пей и рассказывай пикантные анекдоты!“ Но и безъ этого напоминанія настроеніе за обѣдомъ было самое веселое, и мы, навѣрно, то и дѣло самымъ неприличнымъ образомъ нарушали строгія постановленія китайскаго этикета, и дао-тай съ его туземными гостями должны были-бы блѣднѣть отъ негодованія, не будь они отъ рожденья желтыми, какъ вяленые лещи.

Во время обѣда, не переставая, игралъ оркестръ музыкантовъ-сартовъ; гремѣли барабаны, свистѣли флейты, пѣли пѣвцы, и подъ монотонную музыку плясало двое мальчиковъ, точно у насъ и безъ того не шумѣло въ головѣ.

Когда послѣднее блюдо съѣдено, гости, по требованіямъ этикета, должны немедленно выйти изъ-за стола, чему мы были по истинѣ очень рады, такъ какъ жаждали выкурить по сигарѣ и запить ледяной водой съ хересомъ этотъ диковинный обѣдъ.

Когда мы возвращались домой, на улицахъ и на рынкѣ было уже пустынно и тихо; кое гдѣ только попадались одинокіе пѣшеходы — какой нибудь дервишъ или прокаженный нищій. Солнце сѣло за западнымъ краемъ Терекъ-давана, минутныя сумерки предупредили о наступленіи ночи, и востокъ снова заснулъ на своей собственной могилѣ.

Я съ большимъ удовольствіемъ вспоминаю часы, проведенные мною въ обществѣ консула Петровскаго; какъ я уже говорилъ выше, онъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ незаурядный, и я обязанъ ему большой благодарностью не только за его безграничное гостепріимство, но и за многіе поданные имъ мнѣ добрые совѣты, обусловленные его богатою опытностью. Петровскій живетъ въ Кашгарѣ двѣнадцать лѣтъ и никто лучше его не знаетъ этой области. Можно было-бы думать, что пребываніе въ такой глуши равняется для такого образованнаго человѣка ссылке; ничуть не бывало! Онъ любилъ этотъ городъ за его неисчерпаемыя археологическія и историческія сокровища.

Еще одна черта дѣлала общество консула особенно пріятнымъ, — его неизмѣнно хорошее, веселое расположеніе духа; ничто такъ не оживляетъ и не подбодряетъ, какъ встрѣча съ такими жизнерадостными людьми, видящими все въ свѣтлыхъ краскахъ, и вполне довольными своей судьбой. вмѣстѣ съ тѣмъ консулъ былъ философъ и критикъ и бичевалъ маленькія слабости свѣта съ ѣдкимъ остроуміемъ и ироніей, особенно, если дѣло касалось низкопоклонства и угодничанья. Ни одинъ человѣкъ изъ встрѣченныхъ мною во время моихъ странствій по свѣту не производилъ на меня такого незыблемо-глубокаго впечатлѣнія, какъ именно онъ, и ни съ кѣмъ также я не встрѣчался бы почаще такъ охотно, какъ съ нимъ.

Вообще пребываніе въ Кашгарѣ было для меня въ высшей степени пріятнымъ. Я занималъ уютный павильонъ въ саду консула и послѣ завтрака бродилъ въ тѣни тутовыхъ деревъ и платановъ по терасѣ, съ которой виднѣлись пустынные

области, по которымъ я долженъ былъ скоро направиться на крайній востокъ. Нѣсколько ласточекъ, свившихъ гнѣзда подъ крышей, составляли мнѣ компанію и чувствовали себя здѣсь настолько дома, что то и дѣло влетали и улетали въ постоянно открытыя въ такое тепло окна и двери павильона.

Въ Троицынъ день меня разбудилъ въ моемъ павильонѣ серебряный звонъ церковнаго колокола, который наканунѣ былъ привезенъ изъ Нарынска для строящейся русской часовни. Въ этомъ павильонѣ я работалъ съ утра до вечера и написалъ нѣсколько статей. Словомъ, лучше мнѣ не могло житья нигдѣ. Вѣтеръ что-то шепталъ въ листьяхъ платановъ; я не понималъ, что онъ говоритъ, но иногда воображалъ себѣ, что онъ мнѣ приноситъ поклоны съ родины. Тогда я не подозрѣвалъ, что мнѣ оставалось еще три года тяжелаго странствованія по внутренней Азіи.

Одиночества здѣсь мнѣ не приходилось испытывать, такъ какъ консульство, кромѣ постояннаго персонала, кишмя кишѣло проходящими по дѣламъ сартами, китайцами и слугами магометанами. Кромѣ того къ живому населенію консульства принадлежали триста куръ, множество утокъ, гусей, индѣекъ, мартышка, четыре попугая и четырнадцать собакъ. Я былъ въ ладу со всѣми, исключая мартышки, благосклонности которой мнѣ не удавалось пріобрѣсти даже яблоками и грушами.

За эти семь недѣль, проведенныхъ въ Кашгарѣ, я не разъ имѣлъ съ консуломъ разговоръ о моихъ планахъ, о томъ, какъ-бы такъ устроиться, чтобы, сообразуясь съ временами года, сдѣлать мои путешествія наиболѣе успѣшными и плодотворными. Въ концѣ концовъ мы пришли къ выводу, что надо устроиться совершенно иначе, нежели я намѣтилъ первоначально. Вмѣсто одной большой экспедиціи, мнѣ слѣдовало предпринять нѣсколько отдѣльныхъ, избравъ исходнымъ пунктомъ Кашгаръ и возвращаясь туда всякій разъ для приведенія въ порядокъ собранныхъ матеріаловъ, проявленія фотографическихъ снимковъ, отправки на родину коллекцій и приготовленій къ новому „походу“.

Цѣлью первой экспедиціи должно было явиться озеро Лобъ-норъ, куда меня особенно влекло, но въ началѣ іюня произошла быстрая переменна погоды, азіатское лѣто приблизилось быстрыми шагами, солнце палило, словно гигантскій

горнѣ, температура доходила до 38° въ тѣни (инсоляціонный термометръ показывалъ 66°), даже ночь не приносила прохлады, и каждый вечеръ прежняя столица Якубъ-бека завлакивалась удушливымъ туманомъ отъ палящей жары и насыщенныхъ песчаной пылью степныхъ вѣтровъ. Чѣмъ дальше къ востоку, въ глубь Азіи, и чѣмъ ближе къ серединѣ лѣта, тѣмъ сильнѣе должны были становиться жары.

Я съ ужасомъ думалъ о насыщенномъ пылью и пескомъ раскаленномъ воздухѣ, о смерчахъ на берегахъ Тарима и о 150 миляхъ тяжелаго долгаго пути черезъ безконечныя, безводныя пустыни. Мы только что испытали 40° мороза на Памирѣ и тѣмъ чувствительнѣе должна была отозваться на насъ жара. Поэтому въ самую послѣднюю минуту я принялъ рѣшеніе держаться лѣтомъ нагорныхъ областей и продолжать прерванныя работы въ Восточномъ Памирѣ, а зимою или весною пробраться къ Лобъ-нору.

Я оставилъ Кашгарь 21 іюня вечеромъ. Караванъ состоялъ изъ 6 вьючныхъ лошадей, нагруженныхъ продовольствіемъ, приборами, рабочими инструментами, халатами, матеріями, разноцвѣтными платками и остроконечными шапками для подарковъ киргизамъ, между которыми такія вещи служатъ ходячей монетой; затѣмъ — постельными принадлежностями, зимними одѣянiями, войлоками, оружіемъ и боевыми припасами. Для чтенiя были взяты только нѣсколько научныхъ сочиненiй, да номера за полугодіе одной шведской газеты, старой, какъ смертный грѣхъ, но тѣмъ не менѣе способной оживить и подбодрить читающаго, такъ какъ каждая строка навѣвала воспоминанiя о Швеціи.

Сопровождали меня: евангелическій миссіонеръ Іоганнъ, Исламъ-бай изъ Опа, замѣстившій уволеннаго Рехимъ-бая, таранча Даодъ изъ Кульджи, исполнявшій обязанности китайскаго толмача, и Экбаръ-ходжа, караванъ-баши изъ Ферганы, давшій намъ въ наемъ лошадей. Кромѣ того, каждый дневной переходъ насъ должны были сопровождать двое знающихъ дорогу киргизовъ; дао-тай въ любезности превзошелъ самого себя: кромѣ двухъ большихъ пестрыхъ рекомендательныхъ писемъ, которые онъ вручилъ мнѣ, онъ послалъ еще коменданту Сары-кола и Тагармы увѣдомленіе, что я равенъ по чину мандарину 2-го класса и поэтому со мной должно обходиться,

какъ съ таковымъ. Въ противоположность тому, что было въ первое мое посѣщеніе, китайцы вообще проявили на этотъ разъ сравнительно большую предупредительность.

Медленно двинулся нашъ маленькій караванъ подъ жгучими еще лучами заходящаго солнца между рядами ивъ и тополей по широкому шоссе, проложенному Якубъ-бекомъ. По случаю базарнаго дня на шоссе было большое движеніе; ѣхали въ своихъ маленькихъ голубыхъ повозкахъ, запряженныхъ мулами, увѣшанными бубенчиками и погремушками, мандарины разныхъ классовъ, гарцовали на коняхъ китайскіе офицеры и солдаты въ пестрыхъ мундирахъ, двигались въ большихъ, съ выпуклыми соломенными верхами, арбахъ, запряженныхъ четырьмя увѣшанными бубенчиками и колокольчиками лошадьми (изъ которыхъ одна была впряжена въ оглобли, а другія припряжены грубыми веревками впереди) цѣлыя компаніи сартовъ и китайцевъ, отправлявшихся въ Янги-гиссаръ или Яркендъ. Эти практическіе экипажи замѣняютъ въ Восточномъ Туркестанѣ дилижансы; за ничтожную плату 10 тенегъ (приблиз. 1 рубль) можно такимъ образомъ доѣхать до Яркенда, т. е. сдѣлать четырехдневный путь.

Караванъ слѣдовалъ за караваномъ; около придорожныхъ канавъ расположились калѣки нищіе всѣхъ сортовъ, водоносы со своими большими глиняными кувшинами, пекари и торговцы плодами, а въ мутной водѣ канавъ купались загорѣлые мальчишки. Мы проѣхали мимо ряда могилъ святыхъ, памятника Адольфу Шлагинтвейту, разрушеннаго наводненіемъ, развалинъ дворца (Даулетъ-багъ) Якубъ-бека, мимо Кызылъ-су, текущей, словно красная глиняная каша, подъ двойнымъ мостомъ.

Китайскій городъ Янги-шаръ остался влѣво, и мы вступили въ пустынную и тихую мѣстность, которая простирается къ югу и востоку ровной полосой насколько хватаетъ глазъ. Стало темно, хотъ глазъ выколи, и мы въ 9 ч. вечера остановились въ мѣстечкѣ Джигды-арыкъ, чтобы поужинать и дожидаться людей. Только въ 2 часа утра достигли мы Япчана, ближайшей цѣли нашего путешествія.

X.

Возвращеніе въ Китайскій Памиръ.

22 іюня температура была такъ высока (33.1° въ 1 ч. пополудни), что мы предпочли держаться въ тѣни; только къ вечеру стало чуть прохладнѣе, такъ что мы могли снова выступить въ путь. Вскорѣ насъ встрѣтилъ бекъ съ двумя спутниками, высланный янги-гиссарскимъ амбанемъ (правитель области), чтобы привѣтствовать меня въ его области, снабдить меня продовольствіемъ, а также сдѣлать всѣ нужныя распоряженія ради облегченія моего путешествія.

Они сопровождали насъ нѣкоторую часть пути, а затѣмъ поѣхали впередъ, чтобы на полдорогѣ устроить для насъ удобную вечернюю стоянку и ужинъ.

Древесныя аллеи и воздѣланныя поля смѣнялись теперь все чаще песками, а часахъ въ двухъ пути за Япчаномъ попадались уже дюны высотой въ 5 м., вытянутыя въ направленіи NW — SO или N — S; онѣ уже настолько закрѣплены растительностью, что не особенно затрудняютъ сообщеніе. Послѣ краткаго отдыха въ Согулюкѣ, гдѣ проѣзжіе китайцы подняли ужасный гвалтъ, мы въ темнотѣ продолжали путь въ Янги-гиссаръ, куда и прибыли рано утромъ. Для насъ было приготовлено помѣщеніе въ индусскомъ караванъ-сарай. Наше прибытіе произвело большой переполохъ, такъ какъ всѣ постояльцы „караванъ-сарая“ спали прямо на дворѣ подъ открытымъ небомъ.

23 іюня меня разбудилъ одинъ изъ мандариновъ низшаго класса, доставившій мнѣ барана, двухъ куръ, мѣшокъ пшеницы, мѣшокъ кукурузы, охапку сѣна и топлива — все отъ амбана, съ прибавленіемъ привѣтствій и увѣреній въ безграничной дружбѣ. Весь день всѣ три бека сидѣли у моихъ дверей, готовые къ моимъ услугамъ по первому знаку.

Въ эти двое сутокъ, проведенныхъ мною въ Янги-гиссарѣ, мѣстный амбанъ продолжалъ осыпая насъ любезностями. Когда-же я въ благодарность послалъ ему револьверъ и перочинный ножъ, онъ прислалъ мнѣ цѣлый обѣдъ изъ удивитель-

нѣйшихъ китайскихъ деликатессовъ, разложенныхъ по блюдамъ и чашечкамъ, которыя окружали жаренаго поросенка, красовавшагося посреди огромнаго подноса; послѣдній былъ подвѣшенъ къ большой толстой палкѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ амбанъ поручилъ передать мнѣ свое сожалѣніе, что, по случаю нездоровья, не можетъ самъ принять участія въ обѣдѣ. Это подало мнѣ законный поводъ отвѣтить, что такъ какъ одинъ я не въ силахъ справиться съ такимъ обиліемъ блюдъ, то и принужденъ вернуть ихъ все обратно.

Я заподозрилъ, что все это вниманіе было хитростью, рассчитанною на то, чтобы связать меня долгомъ признательности, который-бы принудилъ меня сдѣлаться покорнымъ слугою желаній господина амбана. А желанія эти клонились къ тому, чтобы я отказался отъ своего намѣренія отправиться черезъ Кинколь и Тарбаши, т. е. по тракту, находившемуся въ его области. Онъ очевидно боялся, что я нанесу на карту эту область, которую до сихъ поръ европейцы оставляли въ покоѣ. Онъ и совѣтовалъ мнѣ лучше отправиться черезъ Яркендъ, ссылаясь на различіе горныхъ ручьевъ, что угрожаетъ моему каравану опасностями, а вѣдь, ему, амбаню, въ случаѣ, если мой багажъ будетъ попорченъ водой, придется отвѣчать передъ дао-таемъ.

Стороною-же мы узнали, что даже караваны ословъ переходятъ черезъ ручьи. Кромѣ того самое время года мало располагало къ долгому путешествію черезъ чумной Яркендъ.

Узнавъ о моемъ рѣшеніи, амбанъ отвѣтилъ, что позаботится о проводникахъ для меня, и такъ какъ ему собственно не о чемъ было больше спрашивать меня, то онъ послалъ ко мнѣ бека узнать, какъ заставить „воду течь кверху“. Я сдѣлалъ модель вѣтряной мельницы изъ бумаги и приложилъ къ ней болѣе или менѣе легко понятныя объясненія.

Около Янги-гиссара близость горъ уже даетъ себя почувствовать нѣкоторою волнистостью мѣстности. Такъ отъ города тянется на востокъ длинный узкій холмъ, длиною почти въ километръ и шириною въ 20 — 25 метр. Въ общемъ онъ такъ ровень и правиленъ, что его можно было-бы принять за старій крѣпостной валъ, если-бъ онъ не состоялъ изъ песку и конгломерата. Къ сѣверу отъ него расположена главная часть города, дома и базары котораго исчезаютъ въ густой листвѣ

садовъ; къ югу-же лежитъ только рядъ глиняныхъ мазанокъ съ плоскими кровлями. У подошвы холма мы видѣли кладбище; надъ нѣкоторыми могилами возвышались небольшіе куполы; отъ кладбища струился въ эту жару непріятный трупный запахъ.

Видъ-же отсюда открывается широкій и чудесный. На SW виднѣется голубовато-стальная стѣна Мустагъ-аты, сѣдая макушка которой такъ и манитъ въ болѣе прохладныя области. На W и S идутъ низкіе холмы, а въ противоположной сторонѣ разстилается ровный, безконечный, какъ даль морская, горизонтъ.

Янги-гиссаръ не представляетъ какихъ либо достопримѣчательностей; немногочисленные мечети и медресе не отличаются архитектурой. Одно изъ послѣднихъ основано, говорятъ, 60 лѣтъ

назадъ ахуномъ Хэлимомъ. Оно обращено фасадомъ изъ голубого и зеленого каолина, украшеннымъ двумя башенками, на открытую площадь съ мутнымъ бассейномъ посреди.

Кара-чинакъ—мазаръ (т. е. могила святого) представляетъ небольшую типичную азіатскую мечеть, окруженную верандой со столбами; стѣны украшены простыми орнаментами, изреченіями и флагами. На дворѣ возвышаются старые тополя съ

Киргизъ изъ восточнаго Памира (Кара-джилга).

(Съ рисунка автора).

могучими стволами. Одинъ изъ нихъ остроумно приспособленъ къ роли минарета. Наконецъ, видѣли мы мазаръ Супурга Хэкима съ зеленымъ куполомъ и четырьмя башенками.

Городъ вообще грязенъ и похожъ на деревню; улицы узки и пыльны; базары защищены отъ солнца и дождя деревянными навѣсами и соломенными циновками. Мужчины ходятъ голыми или полуголыми; мальчишки совсѣмъ голешенькими, а дѣвочки въ красныхъ рубашонкахъ; головы же и ноги голы. Взрослыя женщины, которыя здѣсь рѣдко носятъ чадры, часто сидятъ передъ своими лавками на базарахъ или съ корзинками плодовъ прямо на открытыхъ площадяхъ. Типъ ихъ красотой не отличается; густые черные волосы онѣ, какъ и женщины другихъ областей Восточнаго Туркестана, носятъ заплетенными въ двѣ косы.

Китайскій городъ, который называется также Янгишаромъ (новый городъ) расположенъ рядомъ съ магометанскимъ и защищенъ высокой зубчатой стѣной съ башнями и рвами. Здѣсь находится „ямень“ амбаня; антуражемъ служатъ длиннокосые китайцы въ длинныхъ бѣлыхъ кофтахъ и широкихъ голубыхъ шароварахъ.

Индусскій караванъ-сарай, гдѣ мы остановились, окаймленъ галлереей со столбами, внутри-же находится небольшой четырехугольный дворъ; здѣсь проживаютъ десять индусовъ изъ Шикарпура, которые занимаются ввозомъ матерій изъ Индіи черезъ Ле, Каракорумъ, Шахъ-и-дулахъ и Яркендъ. Главное-же занятіе ихъ ростовщичество, и они такъ ловко обдѣлываютъ свои незаконныя дѣла, что забрали все населеніе въ свои руки, и большая часть доходовъ съ полей остается въ ихъ карманахъ.

Медлить въ Янги-гиссарѣ намъ было некогда; вѣтеръ съ горъ тянулъ насъ въ путь, и много предстояло намъ еще сдѣлать, прежде чѣмъ опять расположиться на отдыхъ. Хозяинъ нашъ, Оди изъ Шикарпура, ни за что не хотѣлъ брать платы за свое гостепрѣимство, но я выпутался изъ затрудненія, подаривъ ему присланные амбанемъ барана и топливо, да перочинный ножъ въ придачу. До канала Манчинъ-устэнъ (8 куб. м. мутной воды въ секунду) насъ сопровождалъ бекъ Касимъ; тутъ онъ соскочилъ съ коня и простился съ нами, а другой бекъ Ніязъ сопровождалъ насъ весь путь.

Около 6 часовъ вечера насъ захватилъ сильный ураганъ съ NW., поднявшій густыя облака пыли и песку и заволокнувшій ими всю окрестность. Въ какія нибудь пять минутъ набѣжала туча и обдала насъ ливнемъ. Мы промокли порядкомъ, пока нашли защиту въ лачужкѣ около дороги. Зато песокъ и пыль были примяты этимъ ливнемъ, и воздухъ очистился.

Отъ города Кара-баша (черная голова) мы направились прямо на югъ, оставивъ дорогу на Яркендъ влѣво. Отсюда и далеко на востокъ тянутся песчаные, глинистые и конгломератовые холмы; но наша дорога, отличная для ѣзды, вела черезъ покрытую рѣдкими кочками равнину. Послѣ двухчасового отдыха въ Сугетѣ (ива) мы отправились дальше ночью; было такъ темно, что мы и не выбрались-бы изъ лабиринта городскихъ улицъ безъ проводника съ фонаремъ. Около двухъ часовъ ночи добрались до кышлака Игизъ-яръ (высокая терраса), гдѣ и расположились во дворѣ, красиво лежащемъ на высотѣ 1,736 м. надъ уровнемъ моря.

25 іюня бекъ Эминъ, посланный въ горы на развѣдки амбанемъ, вернулся съ извѣстіемъ, что горныя рѣчки и ручьи дѣйствительно сильно разлились въ послѣднее время, но каравану всетаки пройти можно. Въ награду за хорошія вѣсти его пригласили на чашку чая и, къ его большому удовольствію, угостили аріей на шарманкѣ. Одинъ изъ мѣстныхъ жителей сыгралъ на цитрѣ, а мулла, окруженный правовѣрной толпою, прочелъ вслухъ изъ корана.

На одинъ „ташъ“ (8 килом.) къ югу отъ города находится рудникъ Кокъ-буйнакъ, гдѣ добывается желѣзная руда, которая затѣмъ отвозится въ Игизъ-яръ для разработки по весьма примитивному способу. Въ сараѣ, изъ высушенной на солнцѣ глины и досокъ, сложена печь, имѣющая въ вышину два метра, а въ діаметрѣ едва одинъ метръ. Печь до половины наполняется углемъ. Для тяги въ нижней части ея продѣланы шесть отверстій, передъ которыми день деньскою сидятъ шесть человѣкъ, дѣйствуя мѣхами изъ козихъ шкуръ. Поверхъ угля кладется слой руды въ двѣ ладони шириною, и къ вечеру желѣзо, расплавляясь, начинаетъ стекать внизъ подъ угли. Просовывая въ небольшое боковое отверстіе желѣзный пруть, удостовѣряются въ томъ, какъ идетъ плавленіе. Послѣ каждой топки печь должна быть очищена отъ шлака и золы.

Добытое такимъ способомъ желѣзо, разумѣется, плохого качества, не годится дляковки и идетъ только на выдѣлки самыхъ простыхъ земледѣльческихъ орудій, для подковъ-же, напримѣръ, не годно. Нужно очень много руды, чтобы получить 5 чэрекъ (1 чэрекъ = 12 гинь; 1 гинь = 1½ русск. фунта), стоящихъ въ Янги-гиссарѣ 30 тенегъ. Владѣлецъ печи, игизъ-ярскій юзъ-баши (сотникъ, городской голова), самъ ведетъ дѣло, слѣдитъ за рабочими и платитъ каждому изъ своихъ семерыхъ рабочихъ всего по 6 „да-цянь“ (китайская монета изъ сплава мѣди, цинка и олова), стоимостью меньше эре*).

Славно было выступать изъ Игизъ-яра раннимъ утромъ 26 июня; передъ нами открывался трубообразный входъ въ долину Тазгунъ. У подошвы горъ, неясно рисовавшихся въ насыщенномъ пылью воздухѣ, виднѣлись еще нѣсколько кышлаковъ съ зеленѣющими рошицами. Мало по малу горы вырисовывались яснѣе и сгучивались все тѣснѣе; около входа въ самую долину скалы образуютъ такой узкій проходъ, что для защиты его достаточно маленькой крѣпостцы Игизъ-яръ-караулъ съ гарнизономъ въ 24 человекъ. За этимъ пунктомъ проживаютъ одни только киргизы кочевники, и небольшія боковыя долины, открывающіяся въ Тазгунъ, ведутъ къ ихъ лѣтнимъ кочевьямъ. Въ глубинѣ одной такой долины Махмудъ-терекъ-джилга (долина тополя Махмуда) виднѣлись горы съ блестящими горными вершинами. Впивая чистый мягкій вечерній воздухъ, отдохнули мы въ небольшой пещеркѣ около сѣнитовыхъ скалъ урочища Тукай-баши.

Здѣсь соединяются двѣ долины Кэптиколь и Кинколь; обѣ онѣ почти одинаково глубоки, и мы поэтому, вступивъ въ долину Кинколь, избавились отъ половины водъ долины Тазгунъ и безъ труда перешли рѣку Кинколь. Долина сильно суживается, но тамъ и сямъ попадаются всетаки небольшія луговины и пастбища, гдѣ разбиваютъ лѣтомъ свои кибитки кипчакъ-киргизы; зимою-же они уходятъ дальше къ устью долины. Попадаются еще тополя, и вообще растительность здѣсь не бѣдна. Скалы, состоящія изъ сѣнита, порфира и черного сланца сильно изъѣдены; дно долины во многихъ мѣ-

*) Эре — шведская, датская и норвежская монетная единица = ½ коп.

Примѣч. перев.

стахъ совсѣмъ засыпано продуктами вывѣтриванья; вообще же грунтъ здѣсь мягкій.

Абдуль Магометъ, аксакаль (сѣдая борода, т. е. старшина) аула Кинколь (широкая долина) пріютилъ насъ въ своей большой юртѣ, гдѣ мы, спасаясь отъ упорнаго ливня, и провели весь день 29 іюня. Въ аулѣ было около 20 жителей, проводящихъ здѣсь ежегодно три лѣтнихъ мѣсяца. Каждый вечеръ овецъ и козъ пригоняютъ въ аулъ доить, а на ночь загоняютъ въ обширные загоны, гдѣ ихъ охраняютъ отъ водящихся въ этой мѣстности въ изобиліи волковъ злыя длинношерстыя собаки. Какъ только ночью подымется лай, кто-нибудь изъ людей бѣжитъ къ опасному мѣсту и дикимъ крикомъ обращаетъ волковъ въ бѣгство. Лежалъ аулъ на высотѣ 3,369 м.

Около полудня въ аулъ явилась цѣлая толпа разряженныхъ мужчинъ и женщинъ, отправлявшихся въ ниже лежащій аулъ, гдѣ должно было состояться погребеніе около ближняго мазара одного мальчика. Нѣкоторымъ показалось, что веселѣе будетъ остаться съ нами, что они и сдѣлали, а остальные отправились дальше. Въ нашу большую юрту набралось гостей — двѣнадцать мужчинъ, восемь женщинъ, и шестеро ребятъ, и всетаки не стало особенно тѣсно.

Зрѣлище было самое пріятное. Одинъ изъ мужчинъ игралъ на „дугарѣ“ (двухструнный инструментъ), другіе болтали, разбившись на кучки; нѣкоторыя женщины въ колоссальныхъ бѣлыхъ головныхъ уборахъ ѣли хлѣбъ съ молокомъ изъ большихъ деревянныхъ мисокъ, дѣти прыгали и рѣзвились кругомъ, а наша хозяйка, наклонясь надъ колыбелью, гдѣ лежалъ ея мѣсячный ребенокъ, кормила его грудью. Самъ хозяинъ, старый Абдуль Магометъ, повидимому, одинъ исполнялъ постановленія религіи, точно соблюдая часы молитвы въ то время, какъ другіе продолжали болтать. Посреди юрты горѣлъ обычный костеръ.

Около аула Кинколь наблюдаются значительные покровы растительной земли, одѣтой сочной травой. Кибитки расположены по правому берегу рѣки, а на другомъ берегу, какъ разъ противъ аула, скалистые выступы сланца, перемежающагося твердыми кристаллическими горными породами. Рѣчка была теперь совсѣмъ ничтожнымъ ручейкомъ; вода въ ней

текла чистая, холодная и вкусная. Послѣ послѣдняго дождя ожидалась значительная прибыль воды. Собственно время дождей приходится здѣсь на май и іюнь; снѣгъ-же въ этой мѣстности выпадаетъ только въ теченіе четырехъ зимнихъ мѣсяцевъ.

По мѣрѣ продолженія пути, ландшафты становились все

Дѣвушка - киргизка.

(Съ рисунка автора).

разнообразнѣе, а горная природа все болѣе дикой. Намъ предстояло оставить долину Кинкола и направиться по долинѣ Чаарлина одного изъ притоковъ Яркендъ-дарьи. Раздѣляющій рѣки Кинколь и Чаарлинъ переваль называется, какъ и оба вытекающіе оттуда ручья, Кашка-су (пестрый ручей).

Маленькая долина, ведущая къ перевалу, очень узка, и

подъемъ, чѣмъ дальше, становится круче. По причинѣ измѣнчивости почвы мнѣ время отъ времени приходилось измѣрять базисъ, чтобы получить единицу времени для опредѣленія скорости нашего передвиженія и пройденнаго разстоянія. Въ долинѣ Кашка-су вьючныя лошади проходили въ $4\frac{1}{2}$ минуты 400 метр.; обыкновенная-же наша скорость была 20—30 килом. въ день.

По обѣимъ сторонамъ перевала выступаетъ наружу черный сланецъ, но на самомъ гребнѣ нѣтъ и слѣдовъ рѣзкихъ его выступовъ. Гребень, напротивъ, округленъ, покрытъ землей и частью поросъ сочной травой, на которой паслись принадлежавшіе сартскимъ купцамъ въ Яркендѣ большіе табуны лошадей. Видъ открывается отсюда великолѣпный: глубоко врѣзавшіяся долины по обѣимъ сторонамъ, а вдали снѣжные гребни горъ. Борьба изъ-за водораздѣла идетъ здѣсь энергичная, — обѣ рѣки равны силами. Ручьи, слияніемъ которыхъ образуются эти рѣки, глубоко врѣзались въ стѣны горъ; послѣднія, поэтому, изобилуютъ вѣрообразными выемками. Абсолютная высота водораздѣла равняется здѣсь 3,972 м.

По ту сторону перевала идетъ крутой спускъ прямо на югъ, къ состоящему изъ 6 юртъ аулу Кой-джолы (овечья дорога) и дальше къ Чегиль-гумбезу (караулъ сорока куполовъ), гдѣ раскинулись нѣсколько каменныхъ и глиняныхъ хижинъ, сараевъ и юртъ, да кладбище съ маленькими украшенными куполами башенками. Жителей всего 13 ч., принадлежащихъ, какъ и въ Кинколѣ и Чаарлинѣ къ роду кипчакъ-киргизовъ. Такъ какъ здѣсь узелъ трехъ путей: изъ Яркенда, Кинкола и Тагармы, то мимо Чегиль-гумбеза часто проходятъ купеческіе караваны. Говорятъ, что обыкновенно около караула останавливается за день на отдыхъ человѣкъ десять путниковъ.

1-го іюля намъ предстояло еще перейти черезъ перевалъ Теръ-артъ (кожаный перевалъ); формой онъ напоминаетъ Кашка-су, но имѣетъ болѣе крутые скаты и достигаетъ 4,040 м. высоты. По сторонамъ гребня сланецъ торчитъ почти отвѣсными, острыми, причудливыми зубцами, плитами и глыбами; пространство между ними часто заполнено кучами щебня. Спускъ по ту сторону перевала идетъ по крайне дикой и причудливой горной долинѣ, гдѣ журчала вода. Долина тянется

между голыми стѣнами изъ сланца, а дно состоитъ изъ размытыхъ ручьями глыбъ конгломерата, сланца и бѣлаго, крупнозернистаго сіэнита, связанныхъ цементомъ желтой глины и песку.

Отъ боковой долины Борумзаль ручей принимаетъ притокъ, который значительно увеличиваетъ его. Между глыбами сіэнита растутъ кусты и трава. Долина опять расширяется, но мѣстами суживается среди мощныхъ конгломератовыхъ террасъ. Около трехъ часовъ дня юго-западный вѣтеръ нагналъ легкій туманъ, который постепенно сгущался и къ вечеру перешелъ въ мелкій, частый дождикъ. Мы были поэтому очень рады, что попали подъ крышу въ аулѣ Пасъ-рабатъ (низкій постоянный дворъ), въ которомъ насчитывается всего три юрты съ 13 жителями изъ рода kessek (кисякъ?) - киргизовъ. Здѣсь мы опять спустились до 2,884 м. высоты.

Пасъ-рабатъ имѣетъ значеніе только потому, что черезъ него проходитъ путь, связующій Капгаръ, Янги-гиссаръ и Яркендъ съ главнѣйшею китайскою крѣпостью въ восточномъ Памирѣ Ташъ-курганомъ. Поэтому и здѣсь воздвигнута крѣпостца. Ручей около Пасъ-рабата впадаетъ въ Тагдумбашъ-су, притокъ Яркендъ-дарьи.

Ночью насъ нѣсколько разъ будилъ сильный дождь, весело хлеставшій по крышѣ юрты, а иногда и пробиравшійся къ намъ въ видѣ мелкихъ брызгъ. На слѣдующее утро окрестность опять укуталась въ густой туманъ.

Произошло оживленное совѣщаніе съ киргизами — ждать или выступать. Они совѣтовали идти, такъ какъ боялись, что дождь разойдется на цѣлый день, и тогда рѣку нельзя будетъ перейти. Нашъ караванъ-баши находилъ, однако, что уже поздно выступать сегодня, если хотимъ за день добраться до слѣдующей стоянки, да и къ броду подойдемъ только, когда уже совсѣмъ стемнѣетъ.

Мы рѣшились переждать, и я воспользовался временемъ, чтобы произвести измѣренія въ рѣкѣ. Вода въ ней, по случаю дождя, сильно прибыла и изъ хрустально-прозрачной стала мутно-сѣрой, дико несущейся между камнями. Ширина рѣки доходила до 16 м., максимальная глубина до 55 метр.; притокъ воды до 7 куб. м. въ секунду, а температура ея равнялась около полудня 10.5° С.

Чтобы показать въ какой зависимости находятся эти горныя рѣки отъ атмосферныхъ осадковъ и температуры воздуха, я отмѣчу рядъ измѣненій, произошедшихъ въ этой рѣчкѣ за день. Около трехъ часовъ дня уровень воды понизился на 1.5 сантим., — источники рѣки, находящіеся въ горахъ, замерзли за ночь, — а въ 5 часовъ дня повысилась на 3.5 сантим., такъ какъ только къ этому времени достигла Пасъ-рабата вода отъ дождя, выпавшаго въ горахъ поутру. Въ 7 часовъ вечера уровень воды повысился на 16 сантим. противъ цифры первоначальнаго измѣренія въ полдень; ширина-же рѣки по причинѣ почти отвѣсныхъ крутыхъ береговъ увеличилась только на 1 метръ.

Журчанье этой мутной водной массы отдавалось глухо, такъ какъ глыбы и камни, высовывшіеся поутру изъ воды, были теперь совершенно покрыты ею. Притокъ воды увеличился вдвое съ того времени, какъ вода отъ дождя, выпавшаго въ горахъ, достигла мѣста нашей стоянки, и превышалъ теперь 14 куб. м. въ сек., а температура воды равнялась 9.7°. Въ 8 ч. вечера уровень воды повысился еще на 2 сантим., а температура понизилась до 9.7°. Черезъ часъ уровень воды повысился еще на 1 сантим., а температура ея понизилась до 9.4, изъ чего видно, что чѣмъ больше прибыль воды, тѣмъ медленнѣе согрѣвается водная масса въ умѣренномъ воздухѣ долины. На слѣдующее утро въ 7 часовъ вода держалась почти на томъ-же уровнѣ, какъ и при первомъ измѣреніи, но температура упала за ночь до 7.5°.

Въ этотъ день 3 іюня выдался особенно трудный переходъ. Въ началѣ долина довольно широка и обильна пастбищами, кустарникомъ и ивами. Тамъ и сямъ выдавались изъ высокихъ почти отвѣсныхъ скатовъ горъ конгломератовыя массы, угрожая обвалами, образуя стѣны и валы съ трещинами, провалами, выемками и пещерами. За вилкообразной долиной Ямбулакъ (пещерный источникъ) проходъ еще болѣе сузился, дно оказалось заваленнымъ продуктами вывѣтриванья, и воды въ рѣчкѣ, послѣ того, какъ нѣсколько изъ ея притоковъ остались ниже, позади насъ, поубавилось.

За Ямбулакомъ, гдѣ у дороги приютилась лачуга и гдѣ взоръ ласкаютъ кусты свѣжаго зеленаго шиповника, съ бѣлыми цвѣтами, долина носитъ многозначительное названіе Тенги-

тарь; „тенги“ обозначаетъ „узкій проходъ“ и „тарь“ также „узкій“, т. е. „узкій — узкій проходъ“. И, дѣйствительно, прозвище это вполне оправдывается. Здѣсь снова появляются грубо-кристаллическія горныя породы, и внутри района ихъ мѣстонахожденія пластика измѣняется, — возвышенности становятся болѣе округленными куполообразными, острые гребни и вершины, которыя мы видѣли въ областяхъ мѣстонахожденія сланца, исчезаютъ. Хотя проходъ сильно загроможденъ продуктами распада горныхъ породъ, растительность здѣсь не бѣдна; особенно часто попадаются березы, шиповникъ и боярышникъ.

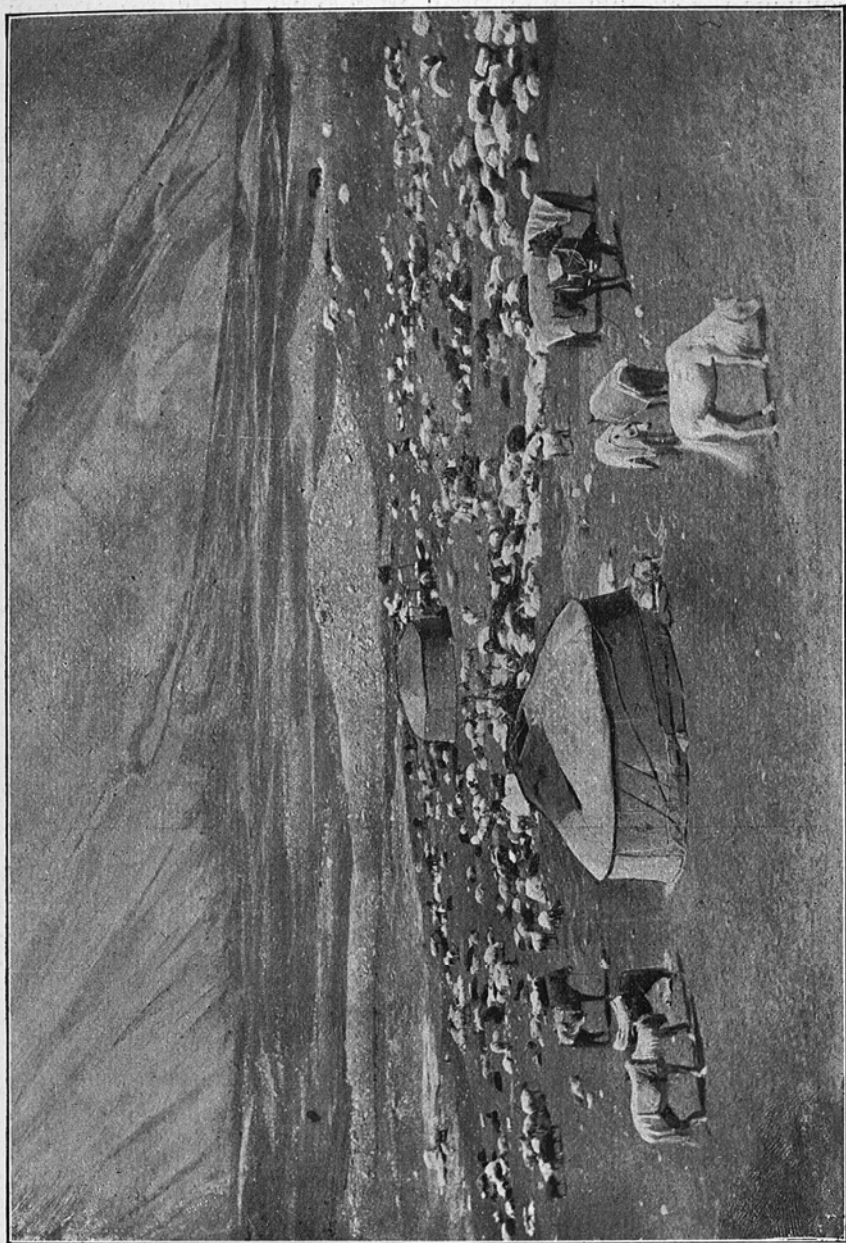
Затѣмъ долина суживается въ настоящій корридоръ съ клинообразнымъ разрѣзомъ. Дорога становится все болѣе непроходимой, мы дѣлаемъ безконечныя зигзаги, пробираясь между обрушившимися глыбами и безпрестанно должны переходить черезъ рѣку, которая теперь опять стала свѣтлою и прозрачною.

Дальше ущелье Тенги-тарь замыкается гнейсовыми скалами, которыя мѣстами прикрыты конгломератомъ. Изъ нихъ бьютъ около Исыкъ-булака, какъ показываетъ самое названіе, горячіе ключи. Тремя брызжущими, но не особенно обильными струями бьетъ богатая сѣрой вода изъ подъ большой конгломератовой глыбы. Вода издаетъ непріятный запахъ и окрашиваетъ окружающіе камни въ желтый и коричневый цвѣтъ; чуть подальше уже идетъ богатая растительность. Отъ струй источника подымаются горячіе пары; температура струй у самаго выхода изъ-подъ земли 52.8° . Мѣстечко это находится всего въ семи метрахъ разстоянія отъ берега рѣки.

Вода въ рѣкѣ, въ 10 м. выше истока горячихъ ключей, имѣла 12.5° , а въ 10 м. ниже 19° . Въ двухъ минутахъ ходьбы вверхъ по рѣкѣ находится другой подобный-же горячій источникъ, значительно поменьше и съ температурой 51.7° . Выше его температура воды была 12.2° . Я привожу эти сами по себѣ мало значущія цифры, чтобы связать съ ними тотъ фактъ, что ниже истока ключей и до самого Ямбулака рѣка даже въ самыя холодныя зимы никогда не замерзаетъ, тогда какъ выше ключей наоборотъ.

За ключами ущелье имѣетъ всего нѣсколько метровъ ширины, образуя длинный прохладный корридоръ; на порогахъ

его лежалъ лошадиный остовъ, предрекая нашимъ лошадямъ такую-же участь. Рѣка, сдавленная между отвѣсными скалами

Ауль Кара-Джилга.
(Съ фотографіи автора).

и имѣющая значительный уголъ паденія, сильно пѣнится, пробираясь между рухнувшими глыбами, и образуетъ маленькіе водопады.

Свѣтъ Гедичъ.

Природа здѣсь дикая и величественная. Надъ нами виднѣется узенькая полоска неба. Впереди вьется оригинальная живописная ложбина, прорытая рѣкою въ кварцитовыхъ и гранитныхъ скалахъ. Часто кажется, что горы впереди смыкаются и заграждаютъ намъ путь; но это означаетъ лишь новый поворотъ, и отъ угла его открывается новая перспектива.

Не легко было благополучно провести нашихъ тяжело навьюченныхъ лошадей черезъ этотъ узкій, трудно проходимый корридоръ. Въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ навалены камни и глыбы, образующія импровизированные мосты и переходы; все время приходится ѣхать по самой водѣ и за бѣлой пѣной не видно, куда ступаетъ лошадь.

Переходы эти очень опасны, такъ какъ вода размываетъ тонкій цементъ, скрѣпляющій глыбы, и между ними зияютъ теперь огромныя отверстія, въ которыя лошади часто попадаютъ ногами и рискуютъ сломать ихъ. Случалось, что лошади наши падали, и людямъ приходилось входить въ воду, чтобы поднять ихъ и спасти вьюки. Душа уходитъ въ пятки,—того и гляди, что лошадь вмѣстѣ съ тобой угодитъ въ холодную ванну.

Я живо помню одно особенно неприятное мѣсто, гдѣ нѣсколько большихъ, круглыхъ валуновъ съ гладкими скользкими боками образовывали порогъ, лежавшій поперекъ ложа рѣки. Двумъ изъ моихъ людей пришлось взобраться на два валуна и съ обѣихъ сторонъ поддерживать вьюки проходившихъ между ними лошадей, чтобы онѣ не потеряли равновѣсія.

Наконецъ, дорога измѣнилась къ лучшему. Горный отрогъ, идущій отъ лѣваго склона долины и называемый Тарнынъ-баши-муйнакъ, у подножія котораго рѣка образуетъ такую глубокую стремнину, что ея нельзя перейти вбродъ, является границей между двумя совершенно различными типами долинъ. Послѣ того, какъ лошади съ трудомъ вскарабкались на крутой и голый гребень отрога, передъ нами открылся чудный видъ и вверхъ и внизъ по долинонѣ. Позади насъ лежалъ узкій проходъ, а впереди разстилалась широкая ровная долина съ отлогими боками горъ, округленными возвышенностями, богатой растительностью и удобной тропинкой по берегу рѣки.

По лѣвую сторону идутъ стѣны мощнаго конгломерата, по правую сіанитовыя, такъ гладко отполированныя,

что невольно наводило на мысль о дѣятельности воды или глетчернаго льда. Налѣво, на югъ отъ гребня, возвышается гора съ двумя вершинами, покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ, называющаяся Кара-джилга-баши (макушка черной долины). Около аула Кара-джилга абсолютная высота равняется 4,175 метр.

Начиная съ Тарнынъ-баши-муйнака долина носить названіе Тарбаши (начало узкаго прохода), показывающее какъ зорко подмѣчаютъ киргизы измѣненія рельефа.

Теперь уже недалеко было до мѣста дневнаго бивуака, Булакъ-баши (начало ключей). Мѣстный юзъ-баши, старый бекъ, принялъ насъ очень любезно, и тотчасъ же отвелъ намъ удобную юрту.

Въ рѣкѣ Тарбаши въ 3½ часа мы наблюдали довольно оригинальное явленіе. Вода стояла низко и была прозрачна, но вотъ послышался отдаленный шумъ и грохотъ, вода прибыла (отъ таянія снѣговъ и льда въ высшихъ поясахъ и отъ дождя въ нижнихъ), пѣнясь, быстро переполнила русло и разлилась по долинѣ. Счастье, что мы какъ разъ успѣли выбратъся изъ долины, не то насъ, пожалуй, смыло-бы и унесло водой. Вотъ чего такъ боялись киргизы, около Чаарлина.

Бекъ Тогдасынтъ.
(Съ рисунка автора).

XI.

Черезъ Тагарму въ Су-баши.—Киргизскія „байги“.

Направляясь отъ Игизъ-яра, мы пересѣкли обширные, восточные склоны хребта Мусъ-тагъ, настоящій лабиринтъ гребней, вершинъ и долинъ. Изъ долины Кинкола мы попали въ долину Чаарлина, изъ послѣдней прошли къ Пасъ-рабату, переваливъ черезъ два небольшихъ гребня.

Тамъ, гдѣ одинъ изъ истоковъ послѣдней изъ названныхъ рѣкъ, подъ названіемъ Тенги-таръ, прокладываетъ себѣ русло въ кристаллическихъ горныхъ породахъ, мы нашли дикую, глубокую долину, которая живо напомнила типъ периферической области. За маленькимъ переваломъ долина расширялась, и горы становились болѣе отлогими, а относительныя высоты понижались, — въ маломъ масштабѣ переходная область.

Итакъ, въ природѣ нагорья уже замѣчались перемѣны. Мы констатировали, что уровень воды въ руслахъ обыкновенно повышался къ четыремъ часамъ дня и продолжалъ повышаться до вечера; это показывало, что воды, получающіяся при таяніи горныхъ снѣговъ отъ полуденнаго солнца, достигаютъ этихъ долинъ, только спустя нѣсколько часовъ. Около полудня уровень воды въ рѣкахъ поэтому самый низкій; самый же высокій бываетъ ночью. Прибыль воды идетъ, впрочемъ, не всегда одинаково правильно; колебанія обусловливаются выпаденіемъ дождя. Эти-то бурные разливы и являются настоящими причинами размыва горныхъ породъ, отъ чего въ свою очередь зависитъ мутность самыхъ потоковъ. Днемъ вода отстаивается по мѣрѣ того, какъ продукты размыва осѣдаютъ на дно.

Около Булакъ-баши мы нашли шесть юртъ съ тридцатью жителями изъ рода kessek-киргизовъ. Они обязаны жить здѣсь круглый годъ и нести караульную службу, т. е. помогать и давать пріютъ проѣзжимъ китайцамъ, а также перевозить китайскую почту. И здѣсь, какъ въ Пасъ-рабатѣ, есть три почтовыхъ чиновника, которые за свои труды получаютъ всѣ трое

25 чѣрекъ пшеницы изъ Янги-гиссара и 20 чѣрекъ изъ Ташъ-куртана. По дорогѣ отъ Янги-гиссара мы миновали шесть карауловъ: Игизъ-яръ, Тукай-баши, Кашка-су-баши, Чегиль-гумбезъ, Пасъ-рабатъ и Булакъ-баши.

Двое изъ киргизовъ, проживавшихъ въ аулѣ, считались „баями“, т. е. богатыми людьми, такъ какъ они имѣли по 100 головъ овецъ, 200 козъ, 100 яковъ, 30 лошадей и 30 верблюдовъ. Зимы, говорятъ, въ этой мѣстности бываютъ очень холодныя, и рѣки повсюду, какъ только источники ихъ въ горахъ замерзнутъ, иссыхаютъ. Снѣгъ выпадаетъ здѣсь въ теченіе 5 мѣсяцевъ, но рѣдко бываетъ выше колѣна. Въ серединѣ мая наступаетъ настоящее время дождей, но и въ теченіе всего лѣта и осени выпадаютъ осадки.

5 іюля выдался одинъ изъ тяжелыхъ дней, такъ какъ предстояло перевалить черезъ главный гребень Мусъ-тага. Ночь была тихая и свѣтлая, температура пала ниже нуля, и еще утромъ по краямъ ручьевъ виднѣлись ледяныя каемки и застывшая вода. Чѣмъ выше, тѣмъ долина становилась шире, ближайшіе отроги главнаго хребта становились все болѣе плоскими и лишь изрѣдка попадались рѣзко очерченныя гнейсовыя скалы.

Словно среди кулисъ, журча, текутъ съ боковъ въ главную долину ручейки. Въ глубинѣ большинства маленькихъ боковыхъ долинъ виднѣется главный гребень съ блестящею шапкой вѣчнаго снѣга; въ ближнихъ-же горахъ снѣгъ покрываетъ только склоны, обращенные къ N, NO и NW. Дно долины частью усѣяно щебнемъ и небольшими валунами, частью покрыто сочнымъ дерномъ, на которомъ пасутся стада яковъ.

Скоро мы очутились въ овальной котловинѣ, окруженной горами; нѣкоторыя изъ нихъ были покрыты снѣгами. Передъ нами возвышался порядочной величины кряжъ, и тутъ-же къ сѣверу виднѣлся перевалъ Янги-даванъ (новый перевалъ), черезъ который ведетъ дорога въ Ямбулакъ; пользуются этимъ путемъ, однако, лишь въ тѣхъ случаяхъ, если путь на Тенги-таръ непроходимъ. Посреди этой ровной котлообразной долины находятся два небольшихъ озера, около 500 м. въ длину каждое. Они образовались изъ воды, получающейся отъ таянія снѣговъ на примыкающихъ ледяныхъ поляхъ. Изъ этихъ хрустально-прозрачныхъ озеръ вытекаетъ

рѣчка Чичикликъ-су, впадающая (черезъ долину Шинди и Пасъ-рабатъ) въ Яркендъ-дарью. То-же названіе Чичикликъ носить и низкій переваль-порогъ, служащій водораздѣломъ долины Тарбаши и Чичикликъ.

Подъемъ отъ этого мѣста идетъ не особенно круто къ перевалу Кичикъ-кокъ-муйнакъ (маленькій зеленый перевалъ) высотой въ 4,593 м. Какъ этотъ послѣдній, такъ и расположенный немного подальше Катта-кокъ-муйнакъ (большой зеленый перевалъ) въ 4,738 м. высотой, не представляетъ затрудненій для перехода. Между ними развертывается вѣромъ долина, въ которой изъ нѣсколькихъ мелкихъ ручьевъ образуется рѣчка, притокъ Чичиклика-су. Оба перевала представляютъ округленные формы и покрыты зеленью; только кругомъ разбросаны голыя гнейсовыя глыбы.

Къ западу отъ послѣдняго названнаго перевала спускъ идетъ довольно круто вдоль ручейка, который подобно Тенгитару прорѣзываетъ скалистое ущелье; мы пробирались черезъ него пѣлый часъ. Въ наиболѣе защищенныхъ отъ солнца мѣстахъ еще бѣлѣли небольшіе клоки льда и снѣга, по которымъ мы и ѣхали. Мало-по-малу долина, называемая здѣсь Доршатъ, стала пошире и, наконецъ, мы увидѣли находящіяся въ ея устьѣ горныя ворота, открывающіяся въ равнину; вдали, на заднемъ планѣ ея рисовались голубовато-бѣлыя горы — хребетъ Мусъ-тагъ.

Послѣ того, какъ мы пересѣкли небольшой, почти отдѣльно лежащій холмъ, мы очутились въ большой долинѣ Тагарма, утопавшей въ нѣжной зелени и въ лучахъ заходящаго солнца. На право виднѣлась китайская крѣпость Бэшъ-курбанъ (пять крѣпостей), стѣны которой образовывали четырехугольникъ. Гарнизонъ ея, говорили, состоитъ изъ 120 человекъ. По ту сторону рѣки Тагармы насъ встрѣтили беки и юзъ-баши, учтиво привѣтствовавшіе насъ и сообщившіе, что они получили отъ дао-тая письменный приказъ быть къ моимъ услугамъ.

Долина Тагарма—горная равнина, одѣтая сочной травой, окруженная мощными хребтами и прекрасно орошенная. Ручьи, стекающіе съ окружающихъ снѣжныхъ горъ, прорѣзываютъ ее по всѣмъ направленіямъ и соединяются въ порядочную рѣку Кара-су (черная вода) или Тагарма-су (вода ябло-

новой горы), которая повыше Ташъ-курмана достигаетъ Яркендъ-дарьи. Въ этой долинѣ встрѣчается также много киргизовъ; у нихъ здѣсь превосходные „яйлаки“.

6 іюля было посвящено отдыху. Жара около полудня стояла удрушливая, температура доходила въ палаткѣ до 32°, а на открытомъ воздухѣ, на песчаномъ полѣ до 53°; инсоляціонный термометръ показывалъ 71.3°. Обширная равнина поглощаетъ огромное количество тепла; склонъ ея обращенъ къ югу. Около нашей стоянки гипсотермометръ далъ 3,236 м. высоты. Небо было совершенно ясно, лишь нѣсколько легкихъ облачковъ плыли надъ горами; въ воздухѣ не шелухнулось, только стоялъ легкій паръ, подымавшійся отъ раскаленной почвы. Условія выпаденія осадковъ здѣсь совершенно иныя, нежели въ окраинныхъ горныхъ долинахъ. Дождя выпадаетъ въ долинѣ Тагармы мало; больше двухъ, трехъ часовъ подрядъ дождь не продолжается; дождливое время — весна. Снѣгу также бываетъ немного, и выпадаетъ онъ въ теченіе какихъ-нибудь трехъ мѣсяцевъ. Зимы стоятъ очень холодныя, но снѣгъ таетъ весьма быстро въ сухомъ чистомъ воздухѣ.

Благодаря огромной инсоляціи и обильному орошенію, равнина представляетъ прекраснѣйшія пастбища; густая сочная трава, зеленыя влажныя кочки видны всюду, а между ними журчатъ ручьи и ключи. Стада яковъ и овецъ оживляютъ ландшафтъ; тамъ и сямъ виднѣются маленькіе, уютные, киргизскіе аулы. Въ долинахъ, подалеже на востокъ, по ночамъ часто бывалъ морозъ, но здѣсь воздухъ и ночью былъ тепелъ. Стояла полная тишина, изъ лагеря не слышно было даже журчанья ручьевъ, но комары долго не давали намъ заснуть.

Киргизы, обитающіе въ долинѣ Тагармы живутъ здѣсь и лѣто и зиму; у нихъ насчитывается 80 юртъ, изъ которыхъ 50 принадлежатъ kessek, а 30 теитъ-киргизамъ. Въ каждой юртѣ живетъ среднимъ числомъ 4 чел. Около Бэшь-курмана и Саралы поселились еще 20 семействъ таджиковъ.

Большинство здѣшнихъ киргизовъ, однако, бѣдны, владѣя въ общей сложности только 2,000 головъ овецъ и 200 яковъ; у многихъ вовсе нѣтъ, или очень мало домашняго скота. Таджики въ сравненіи съ киргизами богаты. Они осѣдлы, живутъ въ глиняныхъ мазанкахъ, занимаются, обыкновенно,

земледѣліемъ (сѣютъ, главнымъ образомъ пшеницу и ячмень), но также и скотоводствомъ и имѣютъ нерѣдко по 1,000 головъ овецъ.

Киргизы объясняли, что лѣтъ двадцать тому назадъ, при Якубъ-бекѣ, имъ жилось гораздо лучше, такъ какъ они пользовались большою свободою и могли, по желанію, переходить со стадами къ западу на пастбища Памира, а теперь китайцы строго воспретили имъ переходить русскую границу. Нашъ хозяинъ Магометъ-Юсуфъ былъ бекомъ надъ всеми киргизами Тагармы.

Животное царство здѣсь очень богато; тутъ встрѣчаются дикія козы, зайцы и другіе мелкіе грызуны, волки, лисицы, куропатки, гуси и утки и много разныхъ плавающихъ и голенастыхъ птицъ, которыя останавливаются здѣсь во время перелета.

7 іюля мы продолжали путь на западъ и сѣверо-западъ, вдоль подошвы группы Мустагъ-аты, имѣя вправо отъ себя ту часть ея, которая называется Кара-корумъ (черный каменный путь). Мы слѣдовали по теченію Кара-су, питаемой ледниковыми ручьями и ключами, и дальше сливающейся съ водами долины Тагармы, чтобы впасть въ Яркендъ-дарью. Мы шли вдоль краевъ старыхъ моренъ и видѣли много эрратическихъ гнейсовыхъ глыбъ, которыя говорили объ обширныхъ передвиженіяхъ льда въ былыя времена.

На проѣзжей дорогѣ, въ мѣстности, называемой Гыджакъ (скрипка), возвышается живописный „ту“ (tu), или жертвенный холмъ, состоящій изъ кучи камней, въ середину которой воткнута большая вѣтвь березы, обвѣшанная черепами и рогами дикихъ барановъ, хвостами лошадей и яковъ и бѣлыми лоскутьями. Кромѣ большой вѣтви, между камнями укрѣплены нѣсколько меньшихъ березовыхъ вѣтвей и палокъ, а вокругъ разложены черепа лошадей и антилопъ. Передъ кучей камней лежала небольшая гнейсовая глыба съ углубленіемъ, сдѣланымъ водой или льдомъ; углубленіе было покрыто копотью, и мнѣ рассказывали, что тутъ обыкновенно зажигаютъ жертвенный огонь (свѣтильники съ масломъ) паломники.

Какъ разъ около этого мѣста впадаетъ въ долину идущая съ запада маленькая боковая долина Каинды-мазаръ (святая могила подъ березками). Названіе свое она получила отъ на-

ходящейся здѣсь могилы святого, осѣненной березками. Извѣстностью свсѣй мазаръ обязанъ легендѣ, что здѣсь отдыхалъ послѣ одного изъ своихъ походовъ храбрый ханъ Ходжа. Мазаръ представляетъ поэтому одно изъ почетнѣйшихъ киргизскихъ кладбищъ. Упомянутый выше „ту“ и воздвигнуть посреди проѣзжей дороги для напоминанія, что неподалеку находится мазаръ. О томъ, что какъ разъ напротивъ находится гигантскій мазаръ — Мустагъ-ата, напоминать нѣтъ надобности.

Направо намъ впервые открылись на горныхъ склонахъ ледники, съ которыми намъ предстояло такъ близко познакомиться этимъ лѣтомъ.

8 іюля намъ остался всего день пути до Су-баши, причемъ надо было перейти черезъ небольшой удобный перевалъ Улугъ-рабатъ, находящійся посреди долины Сары-коль, дѣля ее на двѣ части: сѣверную, воды которой стекаютъ въ р. Гезъ, и нижнюю, воды которой стекаютъ въ Яркендъ-дарью. День выдался чудесный. Вершины горъ направо отчетливо рисовались на ясномъ, чистомъ, свѣтло-голубомъ небѣ рѣзкими контурами, обведенными ослѣпительно-бѣлымъ снѣгомъ. Только на югѣ виднѣлись легкія перистыя облачка. Словомъ, природа была въ праздничномъ настроеніи, и я залюбовался съ сѣдла окрестностью.

Мы достигли перевала около 1 часу дня и, взобравшись на небольшую кучку камней, обозрѣвали мѣстность съ высоты 4,230 м. Мощные ледники, идущіе радіусами отъ центральной снѣговой области, высовывали къ западу свои бѣлоснѣжные или голубоватые въ изломахъ и обрывахъ языки, а между ними возвышались дикія отвѣсныя скалы, кажущіяся среди снѣговъ и льда почти черными. Мы были слишкомъ близко, чтобы вершина горы производила на насъ впечатлѣніе высокаго правильнаго купола; лишь издали, съ запада, напримѣръ, съ Мургаба, ея благородные контуры видны ясно и отчетливо.

На сѣверъ также открывалась чудная панорама. Долина Сары-коль слегка заворачиваетъ здѣсь къ NW, и поэтому фономъ картины служитъ хребетъ Мусъ-тагъ. На западъ и на югъ рисовался хребетъ Сары-коль, который дѣлаетъ здѣсь поворотъ къ Памиру. Хребетъ на всемъ протяженіи черенъ: почва волнистыхъ, мягко очерченныхъ холмовъ состоитъ по

большей части изъ песку, щебня и глины; зеленѣющія кочки виднѣются лишь изрѣдка.

На первомъ планѣ на сѣверѣ разстилается сравнительно ровная мѣстность Су-баши, въ верхней части которой находится карауль Эрикъ-якъ; семь киргизовъ охраняютъ здѣсь ведущіе въ русскій Памиръ перевалы Мусъ-куру и Тохъ-терекъ. Къ послѣднему ведутъ два подъема; посреди одного, называемаго Кара-тохъ-терекъ, возвышается небольшой отдѣльный кражъ, состоящій изъ мелкозернистаго, спрессованнаго гранита съ флюидалной структурой и пегматитовыми жилами. Вытекающій изъ ледниковъ ручей, впадающій въ рѣчку Тохъ-терекъ, очень мутенъ, неся продукты перетиранія горныхъ породъ, и гораздо обильнѣе водою, нежели р. Тохъ-терекъ, воды которой не ледниковаго происхожденія, чисты и прозрачны.

У подошвы сѣвернаго склона Улугъ-рабата расположенъ ауль изъ девяти юртъ, а невдалекѣ и другой изъ пяти; оба находятся на берегу рѣки; вокругъ пасутся большіе стада. Въ первомъ привѣтливо встрѣтилъ меня бекъ Тогдасынъ и проводилъ въ свой ауль, гдѣ старая юрта стояла на прежнемъ мѣстѣ и была убрана, какъ и въ первый разъ. Въ нее тотчасъ-же набралось одиннадцать грязныхъ китайскимъ солдатъ, которые долго пялили на меня глаза, кричали, хохотали, показывали пальцами на мои вещи и страшно воняли. Затѣмъ явился секретарь коменданта Ши-дарына и попросилъ позволенія посмотреть мой паспортъ. Содержаніе послѣдняго удовлетворило его; я пригласилъ его на чашку чаю, и снѣ въ общемъ оставилъ по себѣ сравнительно пріятное впечатлѣніе.

Бекъ Тогдасынъ предполагалъ, что гарнизонъ крѣпости состоитъ изъ 66 человѣкъ, но я сомнѣваюсь, чтобы тамъ было больше дюжины. По крайней мѣрѣ, я больше не видалъ, а они ужь, навѣрное, всѣ побывали въ моей юртѣ, чтобы удовлетворить свое любопытство. Бекъ сосчиталъ только лошадей и полагалъ, что столько-же должно быть и людей. Китайцы же въ этой области примѣняютъ довольно своеобразный пріемъ при счисленіи своихъ войскъ: они не довольствуются опредѣленіемъ числа самыхъ солдатъ, но включаютъ въ общій счетъ и число лошадей, ружей, башмаковъ, панталонъ и проч., такъ что итогъ получается въ нѣсколько разъ большій, чѣмъ слѣ-

довало-бы. По ихъ разсужденію, ружье по крайней мѣрѣ такъ-же важно, какъ самъ солдатъ, и послѣдній кромѣ того не можетъ идти на войну пѣшкомъ, или голымъ, такъ вотъ и считаютъ все огуломъ.

Такимъ путемъ китайцы думаютъ внушить легковѣрнымъ киргизамъ, живущимъ по обѣ стороны границы, а также русскимъ преувеличенное представленіе о численности и силѣ своихъ гарнизоновъ. Но горе киргизу, который бы вздумалъ сосчитать китайскихъ солдатъ попросту, какъ считаетъ своихъ овецъ! Одинъ киргизскій юзъ-баши, прибывъ недавно въ Ташъ-курганъ, былъ спрошенъ тамошнимъ комендантомъ Ми-дарыномъ, сколько солдатъ въ гарнизонѣ Су-баши и отвѣтилъ: тридцать. Ми-дарынъ обратился къ своему коллегѣ Ши-дарыну съ письменнымъ запросомъ о вѣрности сообщенія юзъ-баши. Ши-дарынъ призвалъ къ себѣ послѣдняго и задалъ ему трепку, спрашивая, какъ могъ онъ вообще осмѣлиться считать или вообще думать что-либо о численности гарнизона!

Вооруженіе гарнизона Су-баши состоитъ изъ полдюжины англійскихъ и столькихъ-же русскихъ ружей и затѣмъ изъ луковъ и пикъ. Съ европейскимъ оружіемъ солдаты обращаются дурно, и оно обыкновенно въ плохомъ состояніи. Я видѣлъ, какъ двое солдатъ, перепрыгивая черезъ ручей, опирались на свои ружья, воткнутыя дулами въ грязное мѣсиво. Хорошихъ лошадей наберется какой-нибудь десятокъ; остальные просто караванныя клячи. Ученье, стрѣльба въ цѣль и проч. почти никогда не производятся, и бекъ Тогдасынъ говорилъ мнѣ, что, какъ самъ комендантъ, такъ и весь гарнизонъ, день деньской ровно ничего не дѣлаютъ, только курятъ опиумъ, играютъ на деньги, ѣдятъ, пьютъ и спятъ.

Гарнизоны время отъ времени смѣняются новыми изъ Кашгара, Яркенда и Янги-гиссара; изъ этихъ-же городовъ присылается раза 4—5 въ годъ продовольствіе въ китайскій Памиръ. Киргизы здѣсь свободны отъ подати, но аулъ обязанъ доставлять полдюжины барановъ въ мѣсяцъ, за которыхъ китайцы уплачиваютъ только половину или даже треть стоимости.

Къ киргизамъ я мало-по-малу сталъ питать большую симпатію. Я жилъ между ними четыре мѣсяца и, хотя былъ тутъ единственнымъ европейцемъ, не испытывалъ бремени

одиночества, такъ какъ они проявляли по отношенію ко мнѣ неизмѣнную дружбу и гостепріимство.

Они съ удовольствіемъ дѣлили мою скитальческую жизнь; нѣкоторые сопровождали меня во всякую погоду и участвовали во всѣхъ экскурсіяхъ, странствіяхъ по ледникамъ и восхожденіяхъ на горы. Постепенно я пріобрѣлъ въ долинѣ Сары-коль извѣстную популярность. Въ лагерь ко мнѣ пріѣзжали и ближніе и дальніе киргизы, дарили мнѣ барановъ, утокъ, куропатокъ, хлѣбъ, яковое молоко и сливки; въ аулахъ меня вездѣ встрѣчали верховые киргизы и провожали въ юрту бека, гдѣ отводили мнѣ почетное мѣсто у огня и предлагали мнѣ дастарханъ.

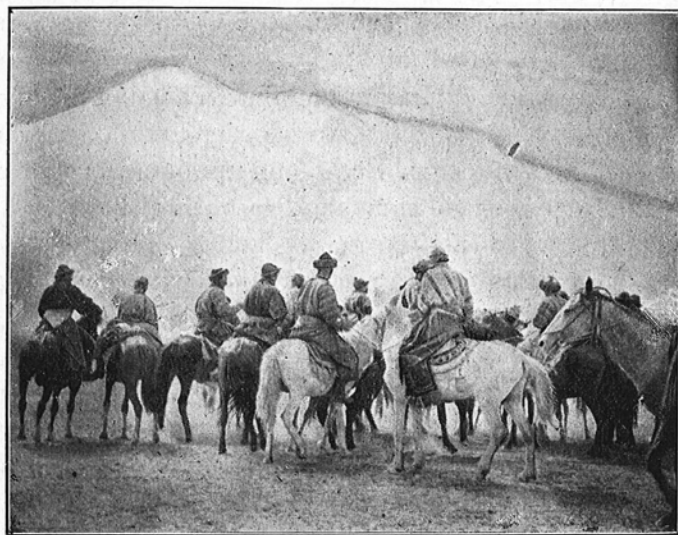
Особенно забавляли меня дѣти; многіе изъ нихъ были такъ милы, прыгая вокругъ меня въ своихъ разноцвѣтныхъ шапочкахъ на головахъ, но безъ всякаго признака другой одежды на тѣлѣ, кромѣ развѣ огромныхъ отцовскихъ кожаныхъ туфель, что съ трудомъ можно было сторваться отъ нихъ. При первомъ взглядѣ на странное существо съ очками на носу, въ необыкновенномъ одѣяніи, малыши чаще всего обращались въ бѣгство, прятались за юбки матерей или по угламъ юрты, но довольно было кусочка сахара, чтобы пріобрѣсти ихъ довѣріе.

Киргизы скоро увидели, что и я смотрю на нихъ, какъ на друзей, и чувствую себя хорошо между ними. Я жилъ въ ихъ юртахъ, ѣлъ ихъ пищу, ѣздилъ на якахъ, кочевалъ съ ними съ мѣста на мѣсто, словомъ, сталъ подъ конецъ совершеннымъ киргизомъ. И они часто льстили мнѣ словами: „сызъ инды кыргызъ болдынызъ“ — „теперь вы стали киргизомъ“.

Какъ я и могъ ожидать послѣ первой дружелюбной встрѣчи три мѣсяца тому назадъ, бекъ Тогдасынъ, старшина сары-кольскихъ киргизовъ и представитель и заступникъ ихъ передъ Джанъ-дарыномъ, комендантомъ Булюнъ-куля, принялъ меня, когда я вторично прибѣгъ къ его гостепріимству, какъ стараго знакомаго, осыпалъ меня всевозможными киргизскими любезностями и убѣдилъ меня въ необходимости отдохнуть дня два въ его юртѣ, прежде чѣмъ отправиться къ его сосѣду Мустагъ-атъ, старшинѣ, обитавшему въ болѣе высокой юртѣ и начальствующему надъ болѣе рослымъ племенемъ.

Я тѣмъ охотнѣе принялъ его приглашеніе, что мнѣ какъ разъ нужно было заняться наемомъ на лѣто киргизовъ и яковъ. 11 іюля хозяинъ мой приготовилъ мнѣ пріятный сюрпризъ: желая показать мнѣ весь аулъ Су-баши и яйлаки киргизовъ въ полномъ блескѣ, онъ приказалъ устроить „байгу“ или игрище, зрѣлище, которое хоть и ничтожно въ сравненіи съ „царскимъ парадомъ“, превосходить его своей невѣроятно эффектной сказочной обстановкой.

Утромъ весь цвѣтъ мѣстной молодежи мчался кучками къ югу, гдѣ около верхнихъ ауловъ, на площадкѣ Эрикъ-якъ

Киргизская байга.
(Съ фотографіи автора).

должна была состояться дикая забава. Около полудня отправился и я, въ сопровожденіи сорока двухъ киргизовъ въ лучшихъ халатахъ, всевозможныхъ цвѣтовъ, въ пестрыхъ кушакахъ, съ кинжалами, ножами и бряцающими перевязями, на которыхъ были нанизаны огниво, шило, кисеть съ табакомъ, и проч. и въ шапкахъ разныхъ фасоновъ, между которыми, однако, въ это время года преобладали маленькія круглыя шапочки съ красной, желтой и голубой вышивкой. Находясь въ центрѣ такой пестро разряженной толпы, я, въ своемъ простомъ сѣромъ дорожномъ костюмѣ, невольно чувствовалъ

себя чѣмъ-то вродѣ нищенствующаго дервиша между богатыми людьми.

Самыми первыми между ними, и по сану и по одѣянію, были бекъ Тогдасынъ, въ ярко-желтомъ, отороченномъ золотой парчой парадномъ халатѣ изъ Кашгара, полученномъ отъ меня накануне, и бекъ Тогда-Магометъ, старшина киргизовъ, живущихъ къ востоку отъ Мустагъ-аты. Одѣяніе послѣдняго представляло самое смѣлое сочетаніе цвѣтовъ, которые, конечно, только благодаря случайности могли столкнуться на одѣяніи одного человѣка: длинный синій халатъ съ широкимъ ярко голубымъ кушакомъ и высокая лиловая остроконечная шапка съ желтыми лентами. Самъ обладатель этого костюма былъ типичный киргизъ съ косыми, узенькими глазками, выдающимися скулами, жиденькой черной бородкой и растрепанными усами; ѣхалъ онъ на громадной вороной лошади, не туземной породы. Если еще прибавить къ этому кривую саблю въ черныхъ ножнахъ, то вотъ передъ вами и настоящій азіатскій Донъ-Кихотъ.

Толпы всадниковъ становились все гуще, что указывало на близость мѣста игрища, и, наконецъ, мы остановились на особомъ, отведенномъ намъ мѣстѣ, посреди открытаго поля. Тутъ поджидалъ насъ 111 лѣтній старецъ, бекъ Хоатъ, окруженный пятью сыновьями, тоже сѣдовласыми стариками, и десяткомъ — двумя другихъ всадниковъ; въ сѣдлѣ онъ держался замѣчательно прямо, молодецки, даромъ что спина у него нѣсколько сгорбилась подъ бременемъ лѣтъ. Одежда его состояла изъ мѣхového лиловаго халата, коричневыхъ сафьяновыхъ сапогъ и коричневаго тюрбана. Борода у него была сѣдая, короткая, носъ орлиный, и глубоко сидящіе сѣрые глаза, которые, казалось, жили больше воспоминаніями прошедшаго.

Всѣ оказывали ему большой почетъ, и даже беки спѣшили слѣзть съ коней, чтобы поклониться ему, а онъ принималъ всеобщее поклоненіе спокойно, словно какое-то божество. Прежде старецъ былъ чонъ-бекомъ, т. е. главнымъ старшиной надъ всѣми сары-кольскими киргизами; достоинство это переходило въ его родѣ отъ отца къ сыну въ семи поколѣніяхъ — и во время владычества чужеземцевъ и въ періодъ независимости киргизовъ. Когда онъ не былъ погруженъ въ

свои думы, то оказывался очень словоохотливымъ и, видимо, съ удовольствіемъ дѣлился своими воспоминаніями и рассказывалъ о своей семьѣ.

Дѣтей у него было двѣнадцать человѣкъ: семь сыновей и пять дочерей; внучатъ сорокъ три человѣка, и правнуковъ шестнадцать. Почти всѣ они жили вмѣстѣ, въ большомъ аулѣ, который лѣтомъ разбивалъ свои кибитки около Кара-куля, а зимою около Басыкъ-куля. Самый старшій изъ его сыновей бекъ Опуръ, который мало-по-малу сталъ однимъ изъ „моихъ“, большой шутникъ, сообщалъ мнѣ, что отецъ его въ теченіе своей жизни имѣлъ сорокъ женъ-киргизокъ, двѣ изъ которыхъ, девяностолѣтнія старухи, живы еще, и кромѣ того окло ста сартянокъ-наложницъ, которыхъ онъ время отъ времени покупалъ въ Кашгарѣ, а затѣмъ увольнялъ въ отставку.

Бекъ Хоатъ пришелъ въ такой восторгъ отъ моихъ очковъ, что сталъ просить ихъ у меня, но у меня не было съ собой другихъ, и я сказалъ ему, что если онъ обходился до ста одиннадцати лѣтъ безъ очковъ, то лучше такъ и продолжать. Потомъ я подарилъ ему разныхъ матерій, шапокъ и платковъ. Осенью старикъ съ однимъ изъ сыновей отправился въ Янги-гиссаръ, черезъ переваль всего на сто метровъ ниже Мон-блана. У него въ Янги-гиссарѣ была земля, и онъ хотѣлъ немножко развлечься въ городѣ передъ долгой зимней спячкой.

Передъ нашими рядами былъ проведенъ баранъ, затѣмъ одинъ изъ киргизовъ однимъ взмахомъ отрѣзалъ ему голову и далъ стечь крови. Баранья туша должна была явиться предметомъ состязанія, — кто отобьетъ ее у всѣхъ другихъ.

Одинъ изъ всадниковъ взялъ тушу на сѣдло и умчался. Мы ждали нѣсколько минутъ, потомъ вдали показалась цѣлая толпа всадниковъ, несущихся къ намъ бѣшеннымъ галопомъ; восемьдесятъ лошадей громыхали копытами по твердому полю, — трава была до чиста объѣдена пасшимися здѣсь стадами овецъ. Топотъ становился все оглушительнѣе, къ нему примѣшивался гулъ дикихъ криковъ и бряцаніе стремянъ. Всадники промчались мимо насъ въ облакъ пыли. Передовой бросилъ баранью тушу къ переднимъ ногамъ моей лошади. Словно дикіе гунны или опустошающая разбойничья шайка, пронеслись киргизы, описывая кругъ по полю, чтобы вернуться къ намъ черезъ минуту. Тотъ, кому оказана честь бросаніемъ

къ его ногамъ бараньей туши, обязанъ отвѣтить на нее приглашеніемъ на достарханъ, что обыкновенно и дѣлаютъ киргизы, или горстью серебра, какъ сдѣлалъ я.

Едва успѣли мы нѣсколько податься назадъ, какъ дикая ватага вновь поровнялась съ нами и набросилась на тушу бѣднаго барана, еще не успѣвшую остыть. Завязалась борьба изъ-за обладанія этой тушей, словно изъ-за мѣшка съ золотомъ; люди, лошади, все смѣшалось въ кучу въ густомъ облакѣ пыли. Нѣкоторые изъ переднихъ лошадей упали, другіе взвились на дыбы или пятились отъ страха. Всадники, продолжая крѣпко держаться въ сѣдлѣ, сразмаха перегибались туловищемъ къ землѣ, стараясь схватить добычу. Нѣкоторые сваливались совсѣмъ и рисковали очутиться подъ копытами лошадей; другіе, свѣшиваясь съ сѣделъ, подгибались подъ брюхо лошади, и всѣ одинаково барахтались и боролись въ этой общей свалкѣ, чтобы ухватиться за шерсть туши.

Отставшіе или вновь прибывшіе всадники въ карьеръ неслись къ толпѣ, врѣзывались въ нее, точно намѣреваясь проѣхать по этой кучѣ лошадей и людей, копошащихся въ пыли и издающихъ дикіе крики. Маленькія уловки были позволены. Норовя пробиться поближе къ тушѣ, состязующіеся схватывали чужихъ лошадей за узду, или били ихъ по мордѣ ручкой кнута, чтобы заставить ихъ подняться на дыбы и попытаться, или старались выбить другъ друга изъ сѣдла.

Двое борцовъ, верхомъ на якахъ съ острыми рогами, еще увеличивали смятеніе. Яки, попавъ въ свалку, щекотали лошадей рогами, тѣ лягались и еще сильнѣе раздражали яковъ, такъ что игра стала чѣмъ-то вродѣ боя быковъ. Наконецъ, одному удалось крѣпко ухватить тушу и прижать ее правой ногой къ сѣдлу; вслѣдъ затѣмъ онъ опрометью кинулся изъ толпы и вихремъ помчался по полю, преслѣдуемый остальными. Всѣ исчезли вдали, но минуты черезъ двѣ опять возвратились. Снова послышался топотъ копытъ по полю. Всадники неслись прямо на насъ, не разбирая дороги; еще минута, и — мы были-бы смяты; своротить намъ было некуда. Но вотъ, въ разстояніи всего двухъ шаговъ, они съ еще большею стремительностью кинулись въ сторону, опять бросивъ къ нашимъ ногамъ тушу, представлявшую уже безформенную массу. Затѣмъ борьба изъ-за нея возобновилась снова и такъ разъ за разомъ.

Я сказалъ беку Хоату, что съ насъ, пожалуй, и довольно этой забавы, — стары ужъ мы для нея; онъ расхохотался и сказалъ, что былъ такъ старъ, какъ я, лѣтъ сто тому назадъ; на самомъ дѣлѣ онъ оказался старше меня только вчетверо.

А бека Тогдасына эта свалка такъ раззадорила, что онъ самъ кинулся въ нее и успѣлъ одинъ разъ отбить добычу, но, кувыркнувшись съ лошади и получивъ нѣсколько красныхъ китайскихъ іероглифовъ на лбу и на носу, присмирѣлъ и остался съ нами.

Во время игры многіе снимали съ себя халаты, нѣкоторые даже раздѣлись совсѣмъ до пояса. И мало, кто выбрался цѣлымъ и невредимымъ; многіе съ окровавленными фізіономіями отправились къ ближайшему ручью умываться; не мало оказалось и хромающихъ лошадей. Поле было усѣяно шапками и кнутами; владѣльцы подбирали ихъ. Меня очень удивляло, что никто не былъ изувѣченъ, но, конечно, это объясняется тѣмъ, что киргизы съ пеленокъ вырастаютъ въ сѣдлѣ. Когда опасная игра была окончена, почетныхъ гостей пригласили на дастарханъ въ ближайшую кибитку бека, гдѣ насъ увеселяли музыкою мѣстные музыканты.

Тотчасъ послѣ прибытія въ Су-баши, мнѣ пришлось уволить моего китайскаго толмача, таранчу Даода, такъ какъ онъ оказался слишкомъ „вольнымъ“ переводчикомъ, а теперь, чтобы увеличить списокъ своихъ заслугъ, началъ играть въ азартныя игры съ китайцами, и въ одинъ прекрасный день проигралъ 40 тенегъ. Такъ какъ нанятый въ Кашгарѣ караванъ-баши отправлялся теперь обратно со своими лошадьми, то Даодъ и присоединился къ нему. Изъ людей, бывшихъ со мной въ Кашгарѣ, остался у меня лишь вѣрный мой Исламъ-бай. Мы наняли поэтому на лѣто двухъ надежныхъ киргизовъ, Іехимъ-бая и Молла Ислама, которые отлично служили мнѣ во время моихъ лѣтнихъ странствованій, и еще нѣсколькихъ на болѣе короткіе сроки. Они-же должны были снабжать насъ лошадьми.

XIII.

Вокругъ Малаго Кара-куля.

Я избралъ исходною точкой для всѣхъ мѣстныхъ экскурсій и съемочныхъ рекогносцировокъ озеро Малый Кара-куль и 12 іюля отправился туда, чтобы занять юрту, разбитую киргизами, согласно уговору, на южномъ берегу озера.

По пути мы присутствовали еще на одной байгѣ, устроенной двумя меньшими аулами, и послѣдняя байга оказалась, пожалуй, еще болѣе дикой, чѣмъ первая. Всадникъ вихремъ пронесся мимо насъ съ живымъ бараномъ на сѣдлѣ, однимъ ударомъ отрубилъ ему голову и началъ съ окровавленной тушей, перекинутой черезъ сѣдло, бѣшенную скачку вокругъ ауловъ. Остальные неслись за нимъ въ погоню, но у него была великолѣпная лошадь, и догонявшіе настигли его только на третьемъ кругѣ, отняли у него тушу и бросили ее къ моимъ ногамъ, такъ что пыль взвилась столбомъ. И тутъ пошло головоломное кувырканіе съ лошадей; одинъ бекъ раскровянилъ себѣ все лицо, но продолжалъ скачку и борьбу, какъ ни въ чемъ не бывало.

Когда мы послѣ дастархана продолжали путь къ озеру, дикая толпа сопровождала насъ, все еще продолжая игру. Мы были очень довольны, когда они, наконецъ, оставили насъ, и мы спокойно могли разобратъся въ своей одинокой кибиткѣ.

Разбита она была на самомъ берегу, и передъ нами разстилалось уходящее въ туманъ голубое озеро. Сопровождавшіе насъ бекъ Тогдасынъ и еще нѣкоторые изъ моихъ друзей были приглашены на чашку чая и оставались съ нами до самыхъ сумерекъ. Веселью немало способствовалъ музыкантъ со своимъ „кобусомъ“ (или кобызомъ). Побѣдитель въ байгѣ явился съ визитомъ и преподнесъ мнѣ въ мѣдномъ кувшинѣ кумысъ, холодный, кисловатый и очень вкусный. Единственнымъ недостаткомъ нашей стоянки было то, что здѣсь водились мириады комаровъ, тучею носившіяся надъ песчаной равниной, усѣянной озерками и ручейками, вытекающими изъ ледниковъ.

13 июля было первымъ рабочимъ днемъ на озерѣ. Найдя, что южный берегъ, изобилующій стоячими водами, представляеть не особенно здоровое мѣсто для продолжительной стоянки, мы рѣшили перебраться на восточный берегъ, и люди съ утра стали собирать наши пожитки и перетаскивать ихъ.

Я-же, вооружившись станкомъ и діоптромъ, отправился съ двумя киргизами производить съемку береговой линіи вплоть до мѣста новой стоянки. По дорогѣ я заглянулъ къ старому беку Хоату, у котораго было тутъ шесть кибитокъ.

Около юго-восточнаго края озера мы нашли Сары-Тумшукъ—мазаръ (святая могила на желтой косѣ); въ разсѣлинѣ скалы развѣвались хвосты яковъ и лоскутья. У подошвы, между отвѣсными сланцевыми скалами пробиваются прозрачные ключи, имѣющіе температуру $+8.4^{\circ}$.

Тропинка пошла по берегу около самаго озера, и тамъ, гдѣ вывѣтрѣлыя сланцевыя скалы отвѣсно спускались прямо въ озеро, намъ приходилось ѣхать по водѣ. Налѣво разстилась отливающая голубовато-зелеными тонами водная равнина, на которой видны были кое-гдѣ грязно-желтыя полосы, обозначающія мели изъ ила, нанесеннаго сюда ручьями. На западномъ берегу возвышался мощной стѣной хребетъ Сарыколъ съ отрогами, теперь едва видными въ туманномъ воздухѣ.

Когда мы добрались до новаго лагеря, тамъ все было уже въ порядкѣ, кибитка разбита у самаго берега на небольшой, поросшей сочной травой горной лужайкѣ, гдѣ нашимъ лошадямъ было вдоволь корму.

Джолдашъ (дорожный товарищъ), жалкая киргизская собака, приставшая къ намъ недавно, какъ прежде Джолчи (потерявшаяся въ Кашгарѣ), была тутъ уже какъ дома и сторожила кибитку. Мы встрѣтили эту собаку въ одинъ прекрасный день въ обществѣ нѣсколькихъ всадниковъ-китайцевъ, которые, повидимому, прилагали всѣ старанія, чтобы заморить ее голодомъ. Увидавъ нашъ караванъ, животное, вѣроятно, сообразило, что кто бы мы ни были, мы, навѣрно, окажемся лучше китайцевъ, и увязалось за нами.

Бѣдняга смотрѣла такой худой, жалкой, что я хотѣлъ прогнать ее, но люди мои вступились за новаго товарища, и онъ былъ оставленъ. У насъ собакѣ жилось хорошо, ѣсть ей

давали вволю; всѣ объѣдки поступали въ ея полное, безраздѣльное владѣніе. Она скоро поправилась и стала очень красивымъ, славнымъ животнымъ, отличнымъ сторожемъ и чудеснѣйшимъ товарищемъ; когда мы потомъ посѣтили русскій Памиръ, Джолдашъ своей рѣзвостью и веселостью привлекъ общее вниманіе офицеровъ. Я скоро не могъ обходиться безъ его общества, и грустно мнѣ было потерять его, почти годъ спустя, — онъ околѣлъ отъ жажды въ пустынѣ Гоби.

Мы купили барана, котораго теперь зарѣзали, и скоро былъ готовъ солидный обѣдъ: Исламъ-бай изжарилъ шашлыкъ, киргизы снабдили насъ яковымъ молокомъ, рисъ и чай у насъ были, — чего еще лучше?

Заходъ солнца былъ величественный и бросалъ своеобразный отблескъ на облака и горы на западѣ, которыя и представляли всевозможные оттѣнки отъ сѣраго до желтаго. Вѣтеръ сначала дулъ сѣверный, а къ вечеру смѣнился восточнымъ; по волнамъ прыгали зайчики. Волны съ мелодическимъ убаюкивающимъ плескомъ ударялись о прибрежные камни. Взошедшій мѣсяцъ озарилъ прелестную картину, температура была пріятная, теплая (17°), и мы отъ души наслаждались нашею новой стоянкой у озера, названной Яны-кой.

Здѣсь слѣдуетъ нѣсколько дословныхъ выдержекъ изъ дневника.

14 іюля. День начался метеорологическими наблюденіями, затѣмъ была совершена ботаническая экскурсія по окрестностямъ, во время которой собрали въ маленькихъ береговыхъ лагунахъ по близости много водорослей.

Около часу дня надъ мѣстностью пронеслась грозовая туча, сопровождавшаяся сильными порывами вѣтра и непродолжительнымъ дождемъ. По озеру пошли ходить высокія, бѣлыя, пѣнящіяся волны, весело разбивавшіяся о берега. Скоро все небо покрылось тяжелыми дождевыми облаками, бѣгущими къ югу. Утромъ горы были окутаны въ обычный густой туманъ, но дождь очистилъ воздухъ, и между прорвавшимися облаками выглянула во всей своей красѣ бѣлоснѣжная сіяющая вершина Мустагъ-аты.

Поверхность озера представляла своеобразные переливы красокъ; около западнаго и восточнаго берега оно отливало такимъ свѣтло-зеленымъ цвѣтомъ, какого не осмѣлился-бы

изобразить на полотнѣ самый дерзкій мазилка. Дальше, къ срединѣ, на водѣ виднѣлись фіолетовыя полосы, а около восточнаго берега озеро было темно-синяго цвѣта. Мрачно стояли на стражѣ у береговъ сѣрые, угрюмые горные великаны, между мощными гребнями которыхъ было, словно зеркало, вправлено маленькое озеро. Южный берегъ представлялъ пологое превосходное пастбище. На нашемъ берегу была только одна небольшая лужайка, на которой мы и разбили нашъ лагерь; кругомъ-же повсюду тянулись горы или моренныя гряды.

Только къ вечеру погода позволила предпринять небольшую экскурсію къ сѣверо-востоку съ топографическими цѣлями; мы, впрочемъ, нѣсколько разъ попали подъ сильный, но непродолжительный дождь, и слышали грохотавшій въ ущельяхъ громъ. Мы бродили по типичнымъ моренамъ; вся окрестность была усыяна кучами щебня и валунами всѣхъ величинъ, но представлявшихъ почти исключительно гнейсовыя и сланцевыя (большею частью слюдяный сланецъ) породы.

Эти массы щебня образовывали или непрерывныя гряды, или отдѣльные конусы, или цирки, въ 50—200 метр. въ діаметрѣ, то замкнутые, то имѣющіе проходы съ конусомъ или впадиною посреди. Многіе валуны были гладко отполированы или изнещрены царапинами и шрамами; все указывало на то, что мы находимся въ области, гдѣ въ древнія времена громоздились ледники.

Одинъ изъ такихъ валуновъ обращалъ на себя особенное вниманіе и былъ въ силу своего господствующаго положенія избранъ нами точкой опоры. Онъ имѣлъ ровную, гладкую поверхность въ 2 метра длиною и 1 метръ шириною, и на ней виднѣлись шесть примитивныхъ, обрисованныхъ всего нѣсколькими смѣлыми штрихами, но характерныхъ изображеній дикихъ козъ. Изображенія были выцарапаны острымъ камнемъ или какимъ-нибудь другимъ орудіемъ и представляли на бурой поверхности гнейсовой глыбы матово-сѣрые штрихи. Киргизы ничего не могли сказать объ этихъ изображеніяхъ кромѣ того, что они были очень древняго происхожденія.

Мы нашли, что сѣверный край этой мощной моренной гряды круто спускается въ довольно порядочную рѣку, питаемую почти исключительно ледниками и нагорными снѣгами.

Называется она Ики-бель-су (рѣка двухъ переваловъ); протекая по сѣверной части долины Сары-коль, она прорываетъ южнѣе хребетъ Мусъ-тагъ и подъ именемъ рѣки Гезъ достигаетъ равнинъ около Кашгара, какъ и было упомянуто въ предыдущей главѣ.

Съ гребня морены открылся чудесный видъ на верхнее теченіе рѣки, гдѣ водная масса прорывается словно въ ворота между высокими одѣтыми снѣгомъ скалами. Далѣе она извиливается по долинѣ то узкимъ, бурливымъ потокомъ, то широкой, спокойной рѣкой, между поросшими травой берегами, на которыхъ раскинулось нѣсколько ауловъ. Съ высотъ стекаютъ нѣсколько притоковъ ея, также питаемыхъ ледниками.

Когда мы другимъ путемъ вернулись къ стоянкѣ, оказалось, что киргизы доставили намъ еще юрту, въ которой слуги мои и возились съ кухонными принадлежностями.

По близости, на SO отъ лагеря, возвышалась гора Каракыръ (черный пикъ), изъ чернаго сланца, и такъ какъ съ вершины ея долженъ былъ открываться видъ на всю окрестность, въ центрѣ которой былъ разбитъ нашъ лагерь, то мы, торопясь воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, и поднялись на скалу 15 іюля.

Панорама, развернувшаяся передъ нами, превзошла самыя смѣлыя ожиданія. Гряда моренъ, съ цѣлымъ лабиринтомъ конусовъ и кучъ щебня казалась отсюда, съ высоты, ничтожнымъ валомъ; Ики-бель-су извивалась ленточкой съ зелеными каемками по грязно-сѣрой почвѣ; Мустагъ-ата, господствующая надо всѣмъ кругомъ, сіяла въ полномъ блескѣ; ни единое облачко не бросало тѣни на ея сѣдловасую макушку.

Изъ подъ снѣгового покрова выглядывали черныя, причудливой формы скалы, доходившія иногда до 20,000 ф. высоты, но надъ ними возвышался чистый, безъ одинаго пятнышка куполь. Обращенный къ востоку склонъ горы спускался круто и неровно; видно было по самой формѣ его, что онъ не годится для подъема. Сѣверный склонъ представлялъ настоящій лабиринтъ скалъ, фирновыхъ полей и ледниковъ. Напротивъ, западный склонъ предлагалъ замѣчательно ровный подъемъ; уголъ его паденія равнялся всего 22°, тогда какъ уголъ паденія восточнаго 30—48°.

Тегерменъ-ташъ-су (мельничный ручей), впадающій въ Ики-бель-су пятью рукавами, образующими дельту, протекаетъ въ нижнемъ своемъ теченіи по весьма ровной мѣстности, покрытой щебнемъ или иломъ, принесеннымъ отчасти самимъ-же ручьемъ изъ ледниковъ.

На SW виднѣлась ровная, широкая долина Су-баши съ горной рѣкой, устье которой также образуетъ дельту съ болотами и безчисленными маленькими озерами, похожими на разсыпанныя по коври жемчужинки.

На западъ также открывалась величественная панорама. Тамъ, между массивными горными кряжами, блестѣла зеркальная поверхность Малаго Кара-куля, казавшагося такимъ крошечнымъ въ сравненіи съ окружающими его громадами.

Озеро развѣтывалось внизу, какъ на ладони; его свѣтло-зеленая вода рѣзко выступала въ рамкѣ сѣрыхъ горъ и темно-зеленыхъ прибрежныхъ луговъ, которые мѣстами перемежались моренами, мѣстами расширялись и уходили дальше вглубь долины; шире всего была луговая полоса около южнаго берега. Легкія облачка отражались въ водѣ, и тѣни ихъ тихо скользили по ней. Желто-бурая вода рѣки Су-баши, впадающей въ озеро, вилась по его южному берегу грязной лентой.

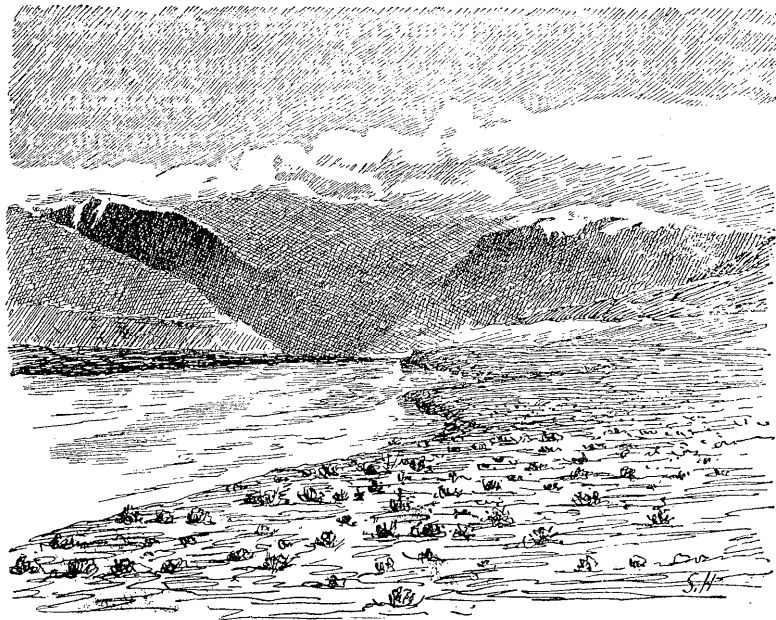
Около западнаго берега, какъ разъ передъ нами, лежалъ островокъ, единственный на Маломъ Кара-кулѣ, если не считать нѣсколькихъ небольшихъ островковъ, отрѣзанныхъ водой отъ прибрежныхъ луговъ на югѣ и еще поросшихъ травой. А по другую сторону озера возвышался хребетъ Сары-коль, ограждающій озеро съ сѣвера и юга.

Сѣверный берегъ образованъ моренной грядой, составляющей продолженіе описанной выше. Береговая линія здѣсь поэтому очень капризна. Морены прорѣзываются вытекающимъ изъ озера ручейкомъ, рѣзко выступающимъ между зелеными луговыми берегами и сливающимся ниже съ Ики-бель-су. За Кара-кулемъ, на NW, виднѣлись оба озера Басыкъ-куль. Около полудня опять набѣжала небольшая туча съ ливнемъ и градомъ, но мы продолжали экскурсію, пока, наконецъ, насъ не погналъ домой настоящій дождь.

Теперь я вполнѣ ориентировался и составилъ себѣ планъ — по какому направленію и какъ надо изслѣдовать мѣстность.

По наступленіи сумерекъ у меня каждый вечеръ бывалъ большой пріемъ. Изъ ближнихъ и дальнихъ ауловъ являлись гости-киргизы, всегда съ желанными дарами въ видѣ овецъ, куропатокъ, свѣже-испеченнаго хлѣба, яковыхъ сливокъ и молока. Я отдаривалъ деньгами или матеріями, шапками, ножами и проч., которыя привезъ съ собой для этой цѣли изъ Ташкента. Скоро у насъ образовался цѣлый кружокъ друзей, и мы чувствовали себя здѣсь совсѣмъ какъ дома.

Во время нашихъ экскурсій мы всегда заходили въ ле-

р. Ики-бель-су. Видъ на юго-востокъ.

(Съ рисунка автора).

жаціе на пути аулы и обыкновенно встрѣчали тамъ одного, или нѣсколькихъ изъ своихъ киргизскихъ знакомцевъ. Самымъ близкимъ нашимъ другомъ и покровителемъ оставался, однако, бекъ Тогдасынъ, который часто навѣщалъ насъ и распоряжался доставкой намъ всего нужнаго: яковъ, лошадей, палатокъ и проч.

Весь день 16 іюля стоялъ густой туманъ; утромъ озеро представляло оригинальную картину: противоположнаго берега совсѣмъ не было видно, и казалось, что стоишь на берегу безграничнаго океана.

Двое изъ моихъ киргизовъ раздѣлись и вошли въ мелкую воду собирать водоросли, полосой росшія у берега. Кстати они захватили съ собой Джолдаша, котораго основательно и выкупали, въ чемъ онъ очень нуждался. Вода была какъ разъ пріятной для купанья температуры. Въ часъ дня температура равнялась 17.6° , но за ночь значительно понижалась. Такъ въ 7 часовъ утра въ тотъ-же день въ водѣ было 11.8° . Въ ясные дни вода согрѣвалась въ мелкихъ мѣстахъ очень быстро; но, конечно, нагрѣвались лишь верхніе слои ея. Около полудня 16 іюля инсоляціонный термометръ показывалъ 59° , хотя погода и не была ясная; вода-же, на глубинѣ одного дециметра

Нижній Басыкъ-куль и хребетъ Мусъ-тагъ. Видъ на сѣверо-востокъ.
(Съ рисунка автора).

имѣла всего $+28^{\circ}$, что показываетъ, какимъ плохимъ проводникомъ солнечнаго тепла является даже такой тонкій слой воды.

Мы предприняли экскурсію къ мѣсту сліянія вытекающей изъ Кара-куля рѣки съ Ики-бель-су. Около сѣвернаго края озера мы нашли большую серпообразную мелководную бухту, съ луговыми берегами; въ разстояніи 50—100 метр. отъ берега шли, однако, морены. Около устья рѣчки луга были шире и сочнѣе. Надъ ними тучами носились комары и никоимъ образомъ не услаждали нашего пребыванія здѣсь.

Рѣка Кара-куль вытекаетъ изъ озера изъ воронкообразной бухты, загроможденной эрратическими глыбами, высовывающимися изъ воды. Вскорѣ рѣка расширяется въ маленькое

озерко, называющееся Су-карагай-куль (вода — сосна — озеро). Къ сѣверу находится другое озеро побольше, называющееся Ангырѣ-куль (утиное озеро), которое, однако, не имѣетъ стока въ рѣку. Вокругъ озеръ раскинулись луга и болота, направляясь вдоль моренѣ, между которыми прорыла себѣ русло рѣка.

Немного подальше, паденіе рѣчной долины становится сразу такъ круто, что рѣка образуетъ водопадъ, съ пѣной прыгающей по каменному руслу между кучами щебня. По берегамъ-же всетаки попадаются небольшія узенькія лужайки. Бурля и пѣнясь, бѣжитъ рѣка дальше по все болѣе рѣзко очерченному ложу и изливается въ Ики-бель-су; ея хрустальные, пѣнистыя, темносинія воды сразу исчезаютъ въ мутной отъ ледниковаго ила главной рѣкѣ, которая, пожалуй, разѣ въ двадцать обильнѣе водой. Русло ея глубоко, энергично врѣзалось между высокими (отъ 50 до 100 м.) стѣнами конгломерата; перейти вбродъ черезъ Ики-бель-су въ этомъ мѣстѣ невозможно. Я опредѣлилъ ширину ея въ 25 м., а скорость теченія 1.7 м. въ секунду.

Оглушительный грохотъ громко отдается между отвѣсными стѣнами; волны, встрѣчая на пути каменные глыбы, вскидываются на высоту цѣлаго метра, сыплютъ брызги, но пѣны почти не видно, такъ какъ она такого же грязно-мутнаго цвѣта, какъ и вся вода.

Около лѣваго берега, на метръ ниже впаденія въ Ики-бель-су рѣчки Кара-куля, ясныя голубыя струи послѣдней совсѣмъ поглощаются первою, успѣвая окрасить въ голубой цвѣтъ только небольшое пространство воды, а бѣлая пѣна пропадаетъ сразу. Мощная водная масса Ики-бель-су прорываетъ себѣ русло съ такой силой, что чувствуешь, какъ почва дрожить подъ твоими ногами. Воды р. Кара-куля, паденіе русла которой здѣсь гораздо круче, притиснуты къ лѣвому берегу. Около самого устья скорость теченія сразу уменьшается, точно послѣднему дали вдругъ мощный обратный толчокъ.

Температура въ р. Кара-куль равнялась 16.6° , въ Ики-бель-су 14.4° , т. е. воды, вытекающія непосредственно изъ ледниковъ, на 2° холоднѣе водъ, протекающихъ черезъ озеро, имѣющее, слѣдовательно, болѣе высокую температуру, хотя оно и принимаетъ такіе холодные притоки. Воды р. Кара-куля

кромѣ того совершенно прозрачны, такъ какъ отложили свой ледниковый илъ въ озерѣ.

Морены выдвигаются между руслами обѣихъ рѣкъ въ видѣ косы. Конусы громоздятся одинъ возлѣ другого, то параллельными рядами, то кругами, полукругами и цирками. Это конечныя морены, которыя указываютъ, какъ далеко заходилъ прежде исчезнувшій теперь мысъ ледника Ики-бель-су.

Когда мы вернулись въ лагерь, насъ посѣтилъ бекъ Ошуръ, сынъ бека Хоата; онъ принесъ мнѣ пару живыхъ дикихъ гусей, пойманныхъ около Басыкъ-куля, хлѣба, молока и масла.

17 іюля. Утромъ дулъ южный вѣтеръ, и поэтому вода около нашего берега не совсѣмъ чиста, — волны нанесли илъ изъ устья рѣки. Берега бухты носятъ явные слѣды вліянія южнаго вѣтра. Бухта имѣетъ совершенно правильную, округленную береговую линію, окаймленную невысокимъ песчанымъ уваломъ; берега усѣяны выброшенными волнами водорослями. Мы предприняли экскурсію, но были застигнуты бурей съ NNW, такъ что пришлось вернуться. Мѣстность эта извѣстна своими постоянными вѣтрами; сильнѣе всего бываютъ сѣверные и южные, такъ какъ не встрѣчаютъ никакихъ препятствій вдоль меридіональной долины. Восточные крайне непостоянны, вслѣдствіе конфигураціи мѣстности. Съ запада, изъ Памира вѣтеръ дуетъ рѣдко.

Да, вѣтеръ часто испытывалъ наше терпѣніе, прерывая или совсѣмъ разстраивая намѣченныя экскурсіи. Словомъ, мы все лѣто были въ полной зависимости отъ капризовъ погоды. Въ неблагопріятную погоду мнѣ не оставалось ничего другого, какъ сидѣть смирно въ своей юртѣ и писать, или разрабатывать наброски картъ. Шумъ волнъ, плескавшихся о берега, дѣйствовалъ, однако, на душу освѣжающе. И сегодня озеро было взволновано, большіе бѣлые зайцы такъ и бѣгали по озеру вкось. Волны выбрасывали на берегъ песокъ и водоросли, и вода, на разстояніи, по крайней мѣрѣ, десяти метровъ отъ берега, была грязнаго, мутнаго цвѣта; только за этой полосой волны отливали обычнымъ зеленовато-голубымъ цвѣтомъ.

Озеро понемногу окутывалось густымъ туманомъ; скоро на виду остались только двѣ косы около нашей бухты; онѣ казались, однако, гораздо дальше отъ насъ, чѣмъ были на са-

момъ дѣлѣ. Волны съ бѣлыми гребнями выкатывались одна за другою изъ тумана, и невольно казалось, что стоишь около открытаго моря.

Неподалеку отъ нашего лагеря находились двѣ небольшія лагуны, одна внутри другой. Наружная соединялась съ озеромъ узкимъ, глубокимъ протокомъ, въ который каждымъ порывомъ вѣтра вгоняло воду. Внутренняя лагуна отдѣлялась отъ наружной полосой суши въ шесть метровъ ширины, прорѣзанной глубокимъ узкимъ проливомъ, такъ что уровень воды и въ этой лагунѣ зависѣлъ отъ вѣтра. Отдѣлялась наружная лагуна отъ озера покрытымъ дерномъ уваломъ въ метръ вышины, истрескавшимся, подмытымъ водой и угрожающимъ рухнуть; ясно видно, что въ былыя времена озеро занимало и лужайку, на которой разбитъ нашъ лагерь. Дно лагуны было покрыто мелкимъ пескомъ и водорослями; въ спокойной, защищенной отъ волненій водѣ лагунъ водились головастики и водяные пауки.

Послѣ обѣда шелъ сильный дождь, но около шести часовъ погода сразу стихла. Потомъ вдругъ послышался вой, словно отъ приближающагося съ NW урагана. На противоположномъ краю пока еще спокойнаго, свѣтлаго озера показалась темная полоса, которая приближалась къ нашему берегу. Надъ водой слышался свистъ и шумъ, и въ слѣдующую минуту надъ окрестностью разразился градъ, длившійся всего нѣсколько минутъ; градины въ 4—5 мм. въ діаметрѣ, усыпавшія землю бѣлой крупой, скоро растаяли подъ сильнымъ ливнемъ.

Не особенно много времени надо было, чтобы вполне уяснить себѣ геологическое образованіе о. Кара-куль. Скоро мнѣ стало ясно, что оно обязано своимъ происхожденіемъ моренамъ, заградившимъ въ долинѣ путь ледянымъ потокамъ ледника Ики-бель-су; теперь остатки этихъ моренъ, прорѣзывались рѣкой, вытекающей изъ озера. Загражденная ими долина образовала бассейнъ ледниковыхъ и ключевыхъ водъ. Воды, питаемая ледниками, приносятъ массы ила, который вмѣстѣ съ летучимъ пескомъ способствуетъ обмеленію озера. Когда нибудь, безъ сомнѣнія, оно и перестанетъ существовать, а р. Кара-куль потечетъ по долинѣ непрерывнымъ потокомъ.

Озеро, вѣроятно, было прежде гораздо обширнѣе, когда

рѣка разливалась поверхъ гребня морены, еще не успѣвъ вырыть русла. Объ этомъ свидѣлствуютъ многочисленные валуны, которые еще лежатъ въ воронкообразномъ устьѣ и въ самомъ руслѣ рѣки, являясь остатками средней части прежней морены; только что упомянутыя лагуны свидѣлствуютъ о томъ-же. Подтвержденіе того, что вся долина была нѣкогда загромождена исчезнувшимъ нынѣ ледникомъ, мы находимъ въ кучахъ щебня, увалахъ и валунахъ, разсѣянныхъ по всей мѣстности.

Мѣстныя горныя породы — мелкозернистый, кристаллическій сланецъ, слюдяный сланецъ, прекрасный сѣрый гнейсъ, крупнозернистый очковый гнейсъ и его красныя разновидности — тѣ-же самыя, что я находилъ въ верхнихъ поясахъ Мустагъ-аты. Гнейсовые валуны, которыми мѣстность изобилуетъ, и должны быть принесены отсюда, а перенести ихъ сюда могъ только глетчерный ледъ. Онѣ и носятъ явные слѣды этого, представляя округленныя формы, котловидныя углубленія, ледниковыя шрамы, или гладко отполированныя поверхности.

18 іюля. Мы закончили работы на восточномъ берегу Кара-куля и рѣшили сегодня перенести стоянку на другое мѣсто. Людямъ приказано было перенести подъ присмотромъ Исламъ-бая юрту и всѣ вещи на удобное мѣстечко на берегу Басыкъ-куля. Я же, въ сопровожденіи одного киргиза, долженъ былъ отправиться на съемку, а вечеромъ вернуться въ новый лагерь.

Мы пересѣкли гряду моренъ повыше, чѣмъ въ послѣдній разъ, и затѣмъ спустились въ аулъ Кенъ-шеберъ, состоявшій изъ четырехъ юртъ, разбитыхъ на лѣвомъ берегу Ики-бель-су; кругомъ разстилалась прекрасная пастбища. Въ аулѣ проживало нѣсколько нашихъ друзей, которые и приняли насъ очень радушно. По обычаю, насъ встрѣтилъ старѣйшій изъ жителей, привѣтствовалъ насъ, прижимая обѣ руки ко лбу, и проводилъ въ свою юрту, которая быстро была прибрана, какъ слѣдуетъ. На почетное мѣсто постелили небольшой коверъ, положили нѣсколько подушекъ и предложили мнѣ сѣсть у огня.

Одинъ за другимъ прибывали остальные обитатели аула и располагались вокругъ огня, надъ которымъ кипѣлъ въ желѣзномъ котелкѣ чай. Гостей угощаютъ изъ деревянныхъ, или

китайскихъ фарфоровыхъ чашекъ чаемъ и молокомъ съ хлѣбомъ, и скоро завязывается оживленная бесѣда. Жены въ своихъ высокихъ бѣлыхъ головныхъ уборахъ и молодя дѣвушки также присутствуютъ въ юртѣ, но не вмѣшиваются въ разговоръ. Онѣ только важно возсѣдаютъ около огня, поддерживаемаго высушеннымъ яковымъ навозомъ, или хлопочуть по хозяйству. Такія посѣщенія всегда доставляли мнѣ удовольствіе и помогали добывать интересныя свѣдѣнія о дорогахъ и тропинкахъ, о мѣстномъ климатѣ, о кочевкахъ киргизовъ, ихъ образѣ жизни и т. п.

Хозяева наши проводили около Кенъ-шебера только лѣто; зимою-же, когда мѣстность эта подвергается сильнымъ вѣтрамъ и снѣжнымъ заносамъ, они уходятъ въ кышлаки Шувешта, расположенные выше и болѣе защищенные отъ вѣтра и непогоды.

Рѣка Ики-бель-су имѣетъ около аула совершенно другой характеръ, нежели около устья рѣки Кара-куль. Здѣсь Ики-бель-су достигаетъ въ ширину 60 м., а скорость ея теченія едва равняется одному метру въ секунду. Я послалъ одного изъ киргизовъ вбродъ черезъ нее, и максимальная глубина рѣки оказалась 1.15 м.; почти тотъ-же максимумъ глубины рѣка сохраняетъ и на всемъ остальномъ протяженіи своего правильнаго, ровнаго русла. Притокъ воды равнялся 69 куб. м. въ секунду, что довольно много для рѣки, питаемой главнымъ образомъ ледниками (см. рисунокъ на стр. 216).

Около 4 ч. дня уровень воды въ рѣкѣ, говорятъ, бываетъ самый низкій; къ вечеру онъ повышается, такъ какъ растаявшіе за день ледяные потоки не успѣваютъ ранѣе достигнуть рѣки. Въ руслѣ попадается много низкихъ, болѣе или менѣе поросшихъ травою островковъ, одинъ изъ которыхъ дѣлитъ рѣку на два рукава. Зимою рѣка почти пересыхаетъ; уже въ августѣ убыль воды настолько значительна, что можно безъ опаски переѣзжать ее вбродъ во многихъ мѣстахъ.

Неподалеку отъ аула, пониже, гряда моренъ заставляеть рѣку сдѣлать крутой поворотъ направо. На самомъ загибѣ рѣка образуетъ озеровидное расширение, на которомъ наблюдается водоворотъ, но затѣмъ рѣка вновь быстро течетъ по своему глубокому руслу и съ грохотомъ, слышнымъ издалека, прорываетъ старыя морены.

Какъ разъ напротивъ Кенъ-шебера, на правомъ берегу, находится другой аулъ изъ семи юртъ. Обитатели его пасли днемъ свои стада на лѣвомъ берегу и теперь, по наступленіи вечера, должны были отправиться со стадами обратно. Вотъ возня-то пошла! Смотрѣть было забавно. Всадники брали къ себѣ на сѣдло по двѣ овцы и длинной вереницей переѣзжали черезъ рѣку. Овецъ было много, и такая переправа длилась, вѣрно, долго, пока все стадо не очутилось на своемъ берегу.

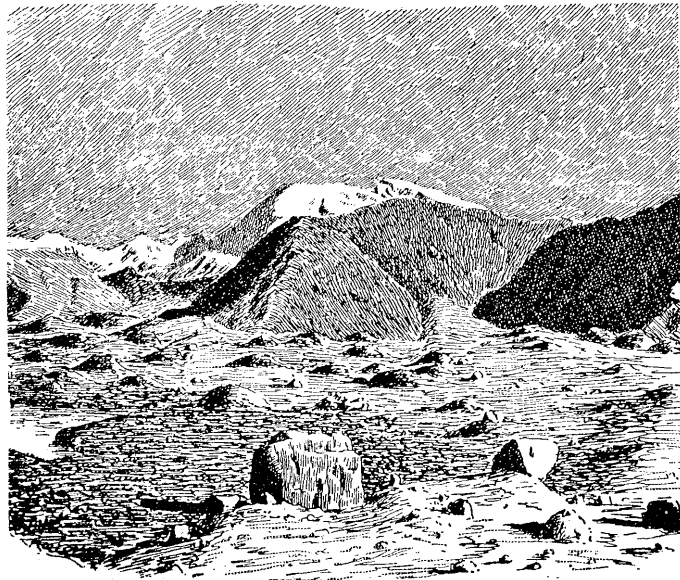
Пора и намъ было подумать о возвращеніи въ лагерь, такъ какъ въ сумерки заниматься съемкой трудно. Мы и направили нашъ путь черезъ морену, гдѣ опять нашли много красивыхъ цирковъ съ лужайками посреди. Трава растеть здѣсь сравнительно хорошо, если принять во вниманіе, что дугообразныя морены задерживаютъ дождевую воду. Переправившись черезъ Ангыръ-куль, мы достигли мѣста нашей новой стоянки на нижнемъ Басыкъ-кулѣ, посреди котораго высовывается островокъ съ мореннымъ холмомъ. Обѣ наши юрты были разбиты на лугу; кругомъ открывалось обширное новое поле для изслѣдованій.

Первый-же день на Басыкъ-кулѣ вышелъ, однако, неудачнымъ; съ утра до вечера лилъ дождь, и дулъ сильный вѣтеръ; капли такъ и барабанили по крышѣ юрты. На вольномъ воздухѣ никакой работы нельзя было предпринять, но у меня, къ счастью, накопилось столько „кабинетной“, что такой невольный домашній арестъ былъ совсѣмъ не лишнимъ. Явился съ визитомъ бекъ Тогдасынъ; я угостилъ его чаемъ и китайской водкой, которою запасся специально для этой цѣли, а также музыкой на шарманкѣ, не перестававшей повергать киргизовъ въ безпредѣльный восторгъ и удивленіе. Больше всего, однако, поражали ихъ наши ружья. Киргизы находили механизмъ ружей до того сложнымъ, что, по ихъ мнѣнію, подобное оружіе не могло быть дѣломъ рукъ человѣческихъ, но самого Бога.

Бекъ Тогдасынъ сообщилъ, что китайскіе гарнизоны въ долинѣ Сары-коль съ нѣкоторымъ безпокойствомъ слѣдятъ за всѣми моими дѣйствіями и черезъ посредство киргизскихъ шпионовъ ежедневно узнаютъ обо всемъ, что я дѣлаю и гдѣ бываю. Они все добивались узнать, кто я: урусъ (русскій) или ференги (европеецъ), долго-ли намѣреваюсь оставаться тутъ,

какая собственно цѣль моихъ топографическихъ съемокъ и для чего я откалываю куски горныхъ породъ. Въ самомъ дѣлѣ, они были поставлены тутъ, чтобы стеречь границу русскаго Памира, и вдругъ является какой-то чужеземецъ, по ихъ мнѣнію, русскій, и безпрепятственно высматриваетъ расположеніе страны! Но, благодаря паспорту, полученному мною отъ дао-тая, они не осмѣливались беспокоить меня.

Тяжелыя сизыя дождевыя тучи висѣли и вечеромъ надъ маленькими поперечными горными долинами, идущими отъ

Гнейсовыя глыбы между верхнимъ и нижнимъ Басыкъ-кулемъ.
На заднемъ планѣ Мустагъ-ата.

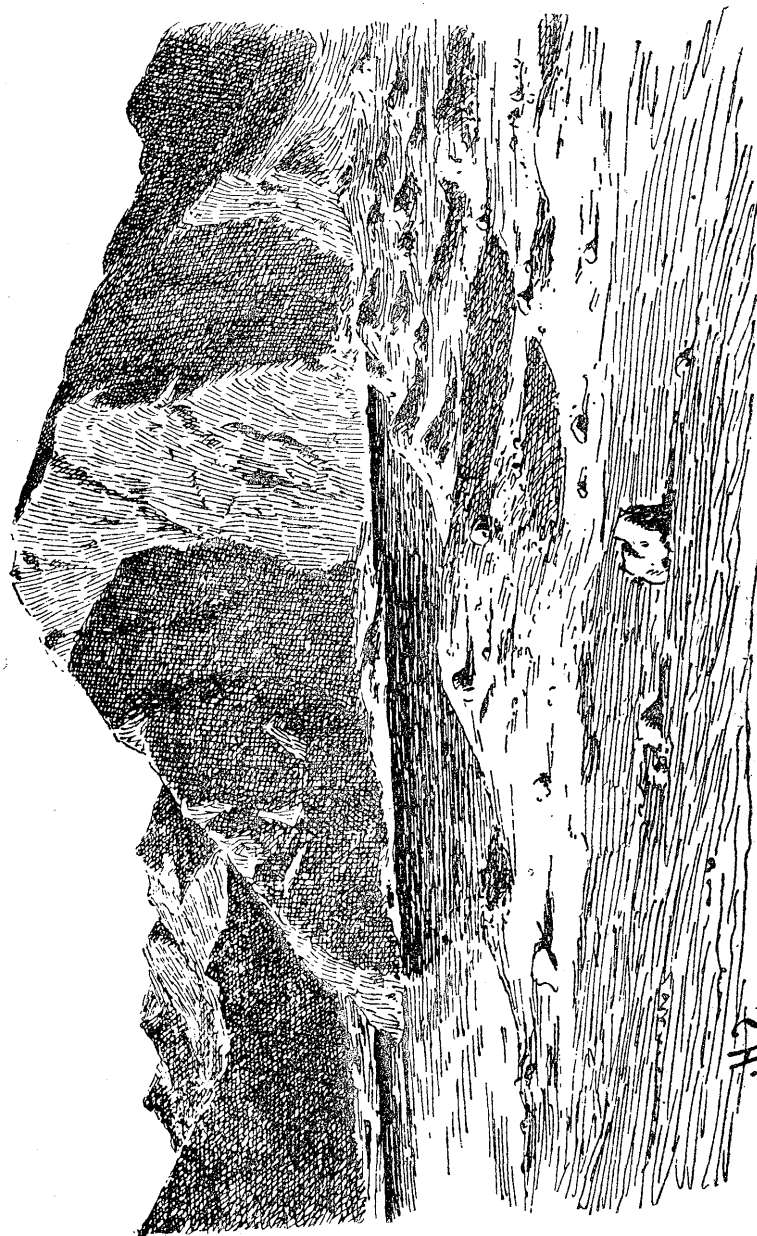
(Съ рисунка автора).

хребта Сары-коль къ открытой равнинѣ, посреди которой находятся оба озера Басыкъ-куль. Вся окрестность была окутана въ густой туманъ или сѣтку дождя, которая омрачала столь величественный вообще ландшафтъ. Только изрѣдка изъ тумана, стлавшагося по землѣ и подвигавшагося къ югу, проглядывалъ какой нибудь ледникъ, или черная группа горъ.

Киргизы увѣряли, что такой продолжительный дождь, какъ сегодня, рѣдкое явленіе.

Лугъ, на которомъ былъ разбитъ нашъ лагерь, превратился въ болото, и намъ пришлось обкопать юрту глубокими

канавами и отвести воду въ озеро, чтобы въ юртѣ не было сырости. Къ вечеру прояснилось, и вѣтеръ стихъ. Озера ле-

Верхній Басыкъ-Куль; видъ на юго-западъ; на первомъ планѣ старыя морены.
(Съ рисунка аэгора).

жали словно темныя зеркала, въ которыхъ отражались причудливыя уступы горъ.

Свенъ Гединъ.

Въ теченіе слѣдующихъ дней была изслѣдована мѣстность вокругъ новаго лагеря, и нанесенъ на карту лѣвый берегъ Кара-куля.

Сначала мы слѣдовали по береговой линіи до того мѣста, гдѣ скалы круто спускаются въ озеро, и гдѣ надо ѣхать по водѣ, по террасѣ, образовавшейся у ихъ подошвы изъ продуктовъ вывѣтриванья. Затѣмъ мы сдѣлали нѣсколько небольшихъ экскурсій въ ближайшія горы, гдѣ намъ попало много крайне неудобныхъ проходовъ. Съ одного возвышеннаго пункта можно было съ помощью бинокля основательно рассмотреть эту своеобразную и красивую альпійскую область.

Отсюда ясно виднѣлись всѣ ледники Мусъ-тага, отчетливо обрисовывающіеся при яркомъ солнечномъ освѣщеніи. На самомъ гребнѣ кое-гдѣ выступали черные скалистые пики; вообще-же горы покрыты ослѣпительно бѣлымъ снѣгомъ; лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, преимущественно въ нижнихъ поясахъ, на снѣгу замѣчается грязно-желтый налетъ пыли (см. рисунокъ на стр. 217).

На гребнѣ фирнъ образуетъ плотный, тщательно обрисовывающій рельефъ мѣстности, покровъ съ изорванными краями тамъ, гдѣ снѣгъ обрушился съ обрывовъ. Вообще-же снѣговой покровъ стремится собраться въ одномъ общемъ углубленіи въ видѣ фирноваго поля, чтобы потомъ понемногу стечь ледяными потоками. Послѣдніе бываютъ узкими и компактными, или выпуклыми, широкими и тонкими, но всегда одинаково несутъ массы щебня и валуновъ, которые иногда застреваютъ въ поперечныхъ трещинахъ и испещряютъ ледникъ полосами.

Нѣкоторые изъ ледяныхъ потоковъ такъ загромождены моренами, что ихъ съ трудомъ можно отличить отъ окружающихъ породъ.

Изслѣдованіе мѣстности между обоими маленькими озерами открыло намъ, что послѣднія отдѣляются другъ отъ друга обрушившеюся и часто прерывающеюся грядою моренъ, въ которой мы нашли эрратическія красиво обточенныя гнейсовыя глыбы, толщиною до 1,000 куб. м. Ясно, что мы наткнулись тутъ на старыя конечныя морены бывшаго ледника Икибель-су.

Однажды, вернувшись, послѣ одной изъ такихъ экскур-

сѣй въ лагерь, мы замѣтили, что несшій топографическіе приборы Техимъ-бай потерялъ мѣдный діоптръ. Киргизу было внушено, что если онъ не найдетъ потеряннаго, то навсегда утратитъ мое благоволеніе, и онъ тотчасъ отправился на поиски. Наконецъ, онъ узналъ отъ одного знакомаго киргиза, что странная металлическая штука найдена на дорогѣ и отправлена къ коменданту китайской крѣпости Булюнь-куль Джанъ-дарыну, который полагалъ, что сыграетъ со мной штуку, удержавъ у себя эту вещь. Я послалъ къ Джанъ-дарыну гонца сказать, что если онъ не вернетъ мнѣ находки, то будетъ имѣть дѣло съ дао-таемъ. Діоптръ былъ возвращенъ мнѣ немедленно.

Цѣлый день пошелъ на изслѣдованіе мѣстности между нижнимъ Басыкъ-кулемъ и Ики-бель-су. Изъ озера вытекалъ ручеекъ, орошавшій довольно сочныя лужайки, на которыхъ, однако, находились кое-гдѣ остатки моренъ. Впадалъ ручеекъ въ Ики-бель-су немножко сѣвернѣе р. Кара-куль. По причинѣ низкой температуры, державшейся въ послѣдніе дни, воды въ Ики-бель-су значительно убыло; тѣмъ не менѣе она съ силой низвергалась здѣсь между отвѣсными или очень крутыми стѣнами конгломерата, отъ которыхъ во многихъ мѣстахъ грозили оторваться и обрушиться въ рѣку большія, круглыя гнейсовыя глыбы.

24 іюля былъ изслѣдованъ и верхній Басыкъ-куль. Почти у самой середины южнаго берега въ озеро вдается мысомъ уступъ горы, довольно круто спускающійся въ воду, такъ что низомъ по косогору можно пробраться только пѣшкомъ, а намъ, ѣхавшимъ верхомъ, пришлось подняться на гребень уступа.

Небольшой перевалъ этотъ, Басыкъ-куль-кіазы-даванъ (горная-тропинка-проходъ), лежитъ всего сотни на двѣ футовъ выше уровня озера, но склоны его круты, и съ вершины его открывается видъ далеко кругомъ. Подъ нами во всѣ три стороны отъ мыса разстиралось маленькое озеро, намъ были видны его островки и дно, подводныя морены и эрратическія глыбы, которыя высывались изъ воды до половины, и небольшія дельты, образованныя устьями текущихъ по западнымъ долинамъ ручьевъ, впадающихъ въ озеро.

На мысѣ между обоими озерами возвышается гряда мо-

рень, мѣстами прерывающаяся; надъ уровнемъ озера она возвышается въ средней своей части всего на 2—3 м.; посреди моренъ находится болото. Несмотря на то, что мысъ только чуть подымается надъ уровнемъ воды, не существуетъ никакого явнаго сообщенія между столь близко лежащими озерами. Киргизы говорятъ, что, хотя притокъ водъ изъ западныхъ долинъ весной и лѣтомъ бываетъ иногда очень значителенъ, уровеньъ верхняго озера никогда не повышается особенно замѣтно, и въ нижнее озеро воды не переливается.

При бѣгломъ обзорѣ получается такимъ образомъ впечатлѣнiе, что верхнее озеро не имѣетъ стока, и поэтому можно было-бы ожидать найти въ немъ соленую воду. Между тѣмъ оно содержитъ совершенно прѣсную и чистую воду. Стоить, однако, взглянуть на карту, чтобы понять это обстоятельство. Нижнее озеро не принимаетъ никакого видимаго притока, но изъ него вытекаетъ ручеекъ. Такимъ образомъ озеро должно принимать въ себя какой-то невидимый притокъ, разумѣется, вытекающій изъ верхняго озера, излишекъ воды котораго, вѣроятно, просачивается подъ мореннымъ мысомъ. Абсолютная высота Басыкъ-куля 3,726 м., а Кара-куля 3,720 м.

Отъ главнаго гребня хребта Сары-коль идутъ прямо на востокъ нѣсколько значительныхъ отроговъ, и ихъ джилги, или поперечныя долины, всѣ открываются по направленiю къ озеру. Главнѣйшiя изъ нихъ: Кара-джилга (черная долина), Яланъ (голая) и Хамалды (сизая); послѣдняя имѣетъ собственный ручей, изливающійся въ бухту, между тѣмъ какъ ручейки двухъ первыхъ долинъ соединяются съ другими ручейками въ одинъ, который неподалеку отъ озера дѣлится на два рукава, образующихъ дельту. Илъ, приносимый этими водами, образовалъ много длинныхъ узкихъ косъ и островковъ, а за ними лежитъ группа моренныхъ холмовъ.

Въ трехъ названныхъ долинахъ находятся болѣе или менѣе хорошия пастбища; лучшия отводятся подъ овецъ, по-плоче подъ яковъ. Ауль бека Хоата, населенный родомъ найманъ-киргизовъ, проводитъ здѣсь три зимнихъ холодныхъ мѣсяца. Черезъ Кара-джилгу идетъ подъемъ на переваль Кокъ-ала-чокуръ (зелено-пестрый-глубокій); здѣсь, однако, можно подняться только на якахъ или пѣшкомъ. Ведетъ переваль къ Рангъ-кулю; пользуются имъ рѣдко; главнымъ обра-

зомъ киргизы, отправляющіеся въ русскій Памиръ безъ разрѣшенія китайскихъ властей.

Въ 4 часа дня и сегодня начался дождь при сѣверномъ вѣтрѣ. Мы повернули назадъ къ западному берегу озера, держась теченія ручья Кара-джилги, теперь почти пересохшаго и обозначеннаго кое-гдѣ только лужицами.

Спустя полтора часа, мы наблюдали поистинѣ рѣдкое явленіе. По теченію ручья пронесся слабый шумъ, и понеслись бурныя волны, бурля между камнями русла и наполняя углубленія. Скоро между сильно подмытыми крутыми берегами, окаймленными слабой растительностью, несся цѣлый потокъ. Явленіе это повторяется въ это время года регулярно каждый вечеръ; вода, образующаяся при таяніи снѣговъ въ горахъ хребта Сары-коль, только къ вечеру достигаетъ озера.

25 іюля мы снялись съ привала и отправились въ Кенъ-шеберъ, откуда намѣревались начать изслѣдованіе области Мустагъ-аты. На южномъ берегу Басыкъ-куля мы прошли необычайно красивую, расположенную циркомъ морену, имѣвшую около 100 м. въ діаметрѣ. Посреди находилось маленькое круглое озерко, охваченное кольцомъ бѣлыхъ отложеній соли, въ свою очередь окруженнымъ кольцомъ растительности; самое-же наружное кольцо образовывалъ уваль съ проходомъ по направленію къ озеру. Хотя озерко лежитъ на уровнѣ озера и непосредственно на самомъ его берегу, такъ что съ полнымъ основаніемъ можно было-бы предполагать подземное соединеніе водъ, вода въ озеркѣ горько-соленая, откуда и названіе его Шоръ-куль (соленое озеро). Киргизы увѣряютъ, что стоитъ овцамъ напиться этой воды, какъ у нихъ дѣлаются судороги, и онѣ околѣваютъ.

Около Тамга-таша мы встрѣтили бека Тогдасына, желавшаго сдѣлать мнѣ сюрпризъ и поднесшаго барана и кринку яковаго молока. Онъ проводилъ насъ до Кенъ-шебера, гдѣ провель съ нами ночь. Вечеромъ барана зарѣзали, и всѣ обитатели аула были собраны на пиръ. Въ это время налетѣлъ страшный вихрь, который угрожалъ снести нашу юрту. Всѣ люди повыбѣжали, одни ухватились за остовъ кибитки, а другіе принялись укрѣплять ее веревками и подпирали шестами.

XIII.

Странствованія по ледникамъ.

На слѣдующій день мы отправились вверхъ по сѣверному склону Мустагъ-аты и пересѣкли мощный гребень морены на лѣвомъ берегу Ики-бель-су. Подъемъ былъ очень крутъ, пока мы не добрались до волнистаго нагорья. Почва была здѣсь покрыта пескомъ, щебнемъ, гальками и небольшими валунами; кое-гдѣ попадались зеленѣющія кочки и росли ранункулы.

По ту сторону гребня морены мы снова попали въ область бассейна озера Кара-куль; по неглубокой широкой долинкѣ протекалъ крошечный холодный ручеекъ, который, вытекая изъ долины Контой, впадаетъ въ озеро Кара-куль. Около этого ручейка раскинулся на высотѣ 4,124 м. яйлакъ Кошъ-Кортюсъ, избранный нами исходнымъ пунктомъ для странствованій по ледникамъ.

Киргизы этого аула прибыли сюда три мѣсяца тому назадъ и располагали пробыть еще три. Зимніе-же шесть мѣсяцевъ они проводятъ въ Контой-джилгѣ. У киргизовъ каждая семья или родъ имѣетъ свои традиціонные кышлаки и яйлаки, и отступленія отъ традицій допускаются лишь съ общаго согласія.

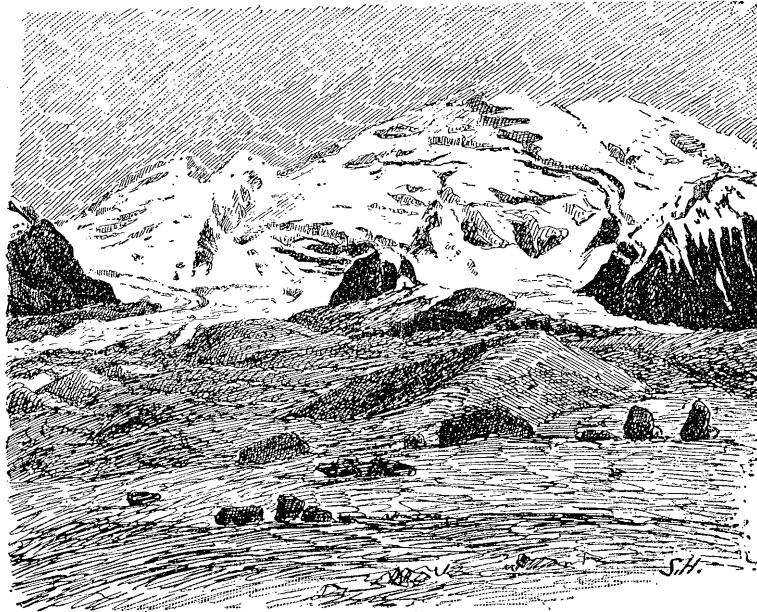
Обитатели этого мѣстечка принадлежатъ, какъ и большинство киргизовъ, обитающихъ въ долинкѣ Сары-колъ, къ роду кара-теить. Аксакалъ ихъ, Тугуль-бай, былъ 96 лѣтній живой, симпатичный старикъ, владѣющій всѣми умственными способностями. Подвижная жизнь и постоянное пребываніе на свѣжемъ воздухѣ укрѣпляютъ здоровье киргизовъ, такъ что они, обыкновенно, достигаютъ глубокой старости.

И сегодня опять лилъ дождь, а въ горахъ грохоталъ громъ. Вскорѣ затѣмъ со склона донесся сильный шумъ. Хозяева наши пояснили, что послѣ сильнаго дожда всегда бываетъ такой шумъ, — потоки дождевой воды стремятся внизъ по крутизнамъ.

Первымъ нашимъ дѣломъ здѣсь было уволить обоихъ киргизовъ Нуръ-Магомета и Палевана, которые хоть и были

хорошими слугами, но не знали ледниковъ и не имѣли яковъ. Вмѣсто нихъ мы наняли двухъ мѣстныхъ киргизовъ и вечеромъ занялись осмотромъ ихъ яковъ, единственныхъ животныхъ, которыя могутъ пробираться по этимъ крутизнамъ, загроможденнымъ моренами.

Верхомъ на чудесномъ черномъ якѣ, отправился я 27 іюля въ сопровожденіи двухъ киргизовъ, знающихъ всѣ ходы и выходы въ ледникахъ, на востокъ къ первому леднику Горумды, который предстояло изслѣдовать. Мы ѣхали себѣ по-

Ледники Большой и Малый Горумды; видъ на югъ.

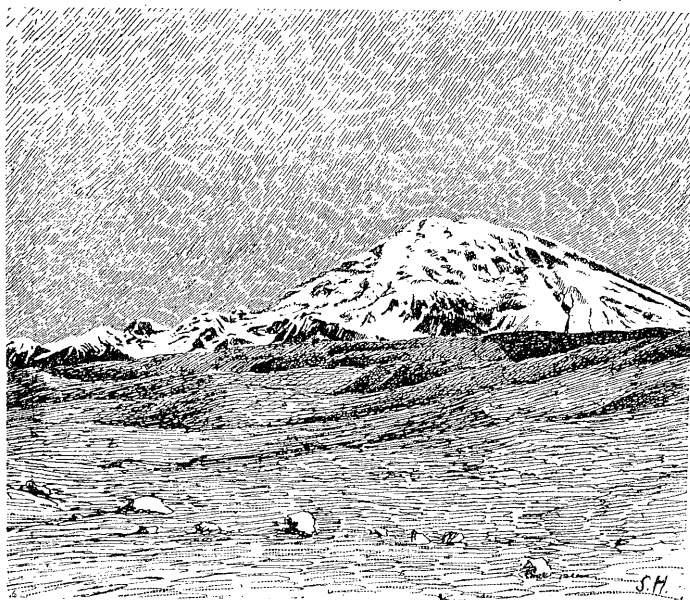
(Съ рисунка автора).

тихоньку, благодушествуя, по горному склону, спускающемуся къ сѣверу, и прорѣзанному тремя небольшими ледяными потоками. Направо осталась рѣзко очерченная группа скалъ — отрогъ Мустагъ-аты, а за нею виднѣлся небольшой ледникъ, имѣющій въ верхней своей части очень крутое паденіе; истокъ служило незначительное фирновое поле.

Дальше на востокъ виднѣлось много подобныхъ скалистыхъ отроговъ, гигантскихъ дикихъ горныхъ массивовъ, между которыми прорѣзываются ледники, словно указывая на сѣверъ пальцами. Самый большой изъ нихъ называется Го-

румды-баши (голова каменистаго пути); питаемый имъ ручей, принимающій также воды изъ остальныхъ ледниковъ, протекаетъ по рѣзко очерченному руслу и соединяется дальше съ Ики-бель-су.

Въ теченіе дня мы нанесли на карту западныя боковыя морены ледника Горумды. При съемкѣ мѣстности я прибѣгалъ только къ компасу, разстоянія-же измѣрялъ шагами яка, предварительно установивъ, сколько ихъ приходится, — глядя по наклону мѣстности, — на каждые 100 м.

Видъ на Мустагъ-ату съ сѣвера.
(Съ рисунка автора).

Большой ледникъ Горумды такъ изобилуетъ въ нижнемъ своемъ теченіи щебнемъ и вообще продуктами вывѣтриванья, что во многихъ мѣстахъ его съ трудомъ можно отличить отъ окружающихъ породъ. О крутизнѣ его паденія можно судить потому, что даже въ устьѣ уголъ его паденія равняется 9° . Затѣмъ же долина становится отлогою, и обильная водой рѣчка, вытекающая изъ подъ конечныхъ моренъ ледника, течетъ довольно ровно, спокойно, не образуя водопадовъ.

Ледникъ Малый Горумды развѣтвляется, благодаря острову-скалѣ, на два рукава; изъ нихъ лѣвый окаймленъ

8—10 болѣе или менѣе параллельными боковыми моренами Между крайнею изъ послѣднихъ, достигающей 10—15 м. высоты, и мягкимъ поросшимъ травою уваломъ, по которому мы ѣхали, бѣжалъ ручей, протекающій выше черезъ небольшое треугольное озерко, пріютившееся между уваломъ, моренами и ближайшими скалами Мустагъ-аты.

Высокая, скалистая стѣна, граничащая съ ледникомъ Малымъ Горумды на западѣ, увѣнчана значительными снѣжными полями, которыя время отъ времени сползаютъ внизъ къ ея подошвѣ и образуютъ миниатюрные ледники. Послѣдніе нагромоздили вдоль подошвы скалы огромную конечную морену высотой до 40 м.; изъ подъ нея струится ручеекъ, пробивающійся по сѣверному склону горъ къ Кара-кулю.

На обратномъ пути насъ во многихъ мѣстахъ поражало богатство красокъ альпійской флоры. Цвѣты, произраставшія зачастую между бесплодными моренами, отличались почти кричащею роскошью красокъ. Чѣмъ выше мы подымались, тѣмъ ярче онѣ становились; нѣтъ сомнѣнія, что малое поглощеніе атмосферою свѣтовыхъ лучей на этой значительной высотѣ имѣетъ непосредственное благотворное вліяніе на растительное царство.

Еще одинъ день былъ посвященъ Большому Горумды. Съ поросшаго травой увала мы пустились верхомъ на якахъ вверхъ по бугристымъ моренамъ, по ужасно тяжелой дорогѣ: глыбы громоздились одна возлѣ другой, и яки то и дѣло оступались въ ямы, но всетаки не падали.

На каждомъ шагѣ представлялся случай удивляться умѣнію этихъ животныхъ прокладывать себѣ путь. Надобно имѣть, однако, нѣкоторую привычку, чтобы чувствовать себя вполне спокойно въ сѣдлѣ. Тяжеловѣсное животное то балансируетъ по острому краю какой нибудь глыбы, то ловко перепрыгиваетъ черезъ черную зіяющую яму, тотчасъ-же твердо упираясь ногами въ слѣдующую глыбу, то съѣзжаетъ, осѣдая на заднихъ ногахъ, съ крутого щебневаго увала, откуда двуногое существо непременно полетѣло-бы кувыркомъ.

Единственное, что испытываетъ ваше терпѣніе при ѣздѣ на якахъ, это флегматичность и лѣнь животнаго, слишкомъ часто находящаго излишнимъ продолжать путь; тогда приходится напоминать ему объ его обязанностяхъ палкою. Къ

кнутому якъ совершенно нечувствителенъ, принимая удары имъ за ласку, на которую отвѣчаетъ дружелюбнымъ сопѣніемъ. Только основательная затрещина палкой въ состояніи убѣдить яка, что мы выѣхали не для забавы, и заставить его съ глухимъ хрюканьемъ потрусить дальше.

Оказалось, что поясъ моренъ съ лѣвой стороны большого ледника былъ гораздо шире, чѣмъ мы полагали; мы ѣхали, поднимаясь съ одного гребня морены на другой, часа два. Наконецъ, мы достигли небольшого мореннаго озера съ мутно-зеленой водой; въ него впадала дѣлящаяся на нѣсколько рукавовъ, весело пѣнящаяся рѣчка, которая перепрыгивала по камнямъ поверхъ одной изъ крайнихъ моренъ; изъ нанесеннаго ею ила образовался цѣлый конусъ, который и раздѣлялъ теченіе рѣчки на рукава.

Происхожденіемъ своимъ рѣчка обязана, вѣроятно, маленькимъ ледникамъ, но не смотря на то, что притокъ воды въ ней равнялся 2—3 куб. метр. въ секунду, озерко не имѣло, повидимому, стока, и въ то же время уровень воды въ немъ не повышался противъ извѣстной нормы, такъ какъ бѣгущая изъ подъ моренъ вода стекаетъ дальше въ общій бассейнъ ледника.

Причиной образованія озера между грядами моренъ, состоящими изъ такого грубаго матеріала, послужилъ нанесенный рѣчкой илъ, который образовалъ родъ плотины.

Отъ озерка мы направились къ югу между двумя колоссальными грядами моренъ. Долина между ними расширилась мало-по-малу въ поросшую рѣдкими кочками, дикимъ ревенемъ и другими злаками равнину, которую справедливо называютъ Гульча-яйлакъ (пастбище дикихъ барановъ), такъ какъ и здѣсь и дальше по леднику мы находили пометъ дикихъ барановъ.

Такъ какъ дальше морены становились все непроходимѣе, представляя циклопическія стѣны, сложенные изъ глыбъ, то мы слѣзли съ яковъ и пѣшкомъ отправились по леднику. Миновавъ послѣднюю боковую морену, которая находится еще въ періодѣ образованія, мы вступили въ область компактнаго твердаго льда, который, однако, въ началѣ почти всюду покрытъ валунами и щебнемъ, и лишь кое-гдѣ выступаетъ прозрачными ледяными пирамидами. Боковая морена ледника,

имѣетъ здѣсь въ ширину 450 м. и круто обрывается, открывая бѣлый ледъ края ледника.

Ледъ на этомъ краю представляетъ здѣсь настоящій хаосъ пирамидъ и конусовъ, не имѣющихъ, однако, острыхъ очертаній, а скорѣе округленныя; верхній слой образующаго ихъ льда — пористый, влажный ледъ, цвѣтомъ напоминающій мѣль и похожій въ общемъ на снѣгъ. Происходитъ это, разумѣется, отъ разъядающаго вліянія на ледъ атмосферы и тепла; всюду слышится журчанье водъ, получающихся при таяніи льда и снѣга, пробирающихся струйками между камнями и валунами и стекающихъ въ трещины или маленькія лужи на поверхности льда. Въ ледникѣ слышится трескъ и грохотъ, то тутъ, то тамъ съ шумомъ скатываются въ зіяющіе провалы гальки и щебень, а издали слышится грохотъ паденія ручья, который, пока грѣетъ солнце, получаетъ обильное питаніе со всѣхъ сторонъ.

Уносимые съ горъ продукты распада горныхъ породъ состоятъ большею частью изъ того-же самаго сѣраго гнейса, который мы находили около озеръ. Такихъ гигантскихъ глыбъ, какъ около Басыкъ-куля, здѣсь, однако, не попадалось. Маленькіе камни, вслѣдствіе своей большой способности поглощать теплоту, очутились въ ямахъ, наполненныхъ водой. Большіе валуны, напротивъ, служатъ лежащему подъ ними льду защитою отъ таянія и образуютъ ледниковые столы, покоящіеся на ледяной ножкѣ.

Если взглянуть къ сѣверу, т. е. вдоль ледника, то налѣво окажется сѣрая гряда боковой морены, которая лишь кое-гдѣ открываетъ ледъ, а направо голая бѣлая бугристая поверхность ледника съ двумя срединными моренами, постепенно сливающимися въ одну, самую огромную изъ видѣнныхъ мною на ледникахъ Мустагъ-аты. Внизу виднѣлась глубокая впадина, обозначавшая продолженіе ледниковой долины, по которой ледникъ Горумды, вѣроятно, стремился прежде къ леднику Ики-бель-су; теперь старыя конечныя морены смыты ледниковыми ручьями.

Наконецъ, мы отправились внизъ осматривать окрестность раздвоеннаго ледниковаго языка, который охватываетъ маленькое свѣтлое озерко.

Поднявшись на самый ледникъ, мы достигли 4,481 м. вы-

соты. На югѣ виднѣлось колоссальное фирновое поле, служащее общимъ бассейномъ, въ который сползаетъ съ крутизна, образуя уступы, снѣгъ.

29 іюля мы рѣшили перенести лагерь на новое мѣсто, откуда ближе было къ ледникамъ, идущимъ на западъ, которые намъ предстояло изслѣдовать.

Затѣмъ мы отправились на SSW, взбираясь по крутизнамъ, поросшимъ травою; погода стояла холодная, туманная; временами подымалась вьюга. Наконецъ, мы достигли перевала Сарымеха (желтый самострѣль), который играетъ важную роль въ рельефѣ мѣстности, образуя проходъ черезъ мощный гребень отрога, идущаго отъ Мустагъ-аты на NW и отдѣляющаго ледники и ручьи сѣверныхъ склоновъ отъ западныхъ. Перевалъ былъ покрытъ щебнемъ и гальками, а на южномъ склонѣ гребня находилась скала изъ чрезвычайно плотнаго, темнаго кристаллическаго сланца, уголъ паденія котораго равнялся 38° .

Если бросить съ перевала взглядъ на мощную группу Мустагъ-аты, то передъ вами развертываются справа налѣво слѣдующія картины. На первомъ планѣ скалистые отроги съ небольшимъ, покрытымъ снѣгомъ ледникомъ; затѣмъ идетъ между двумя, частью покрытыми снѣгомъ, отрогами горъ еще меньшій ледникъ, который въ верхней своей части очень чистъ, но въ нижней запруженъ темно-сѣрымъ, мелкимъ щебнемъ, такъ что голубой ледъ проглядываетъ только въ изломахъ трещинъ. Въ среднемъ теченіи преобладаютъ поперечныя трещины, въ нижнемъ — продольныя. Языкъ ледника описанъ колоссальными моренами съ множествомъ гребней.

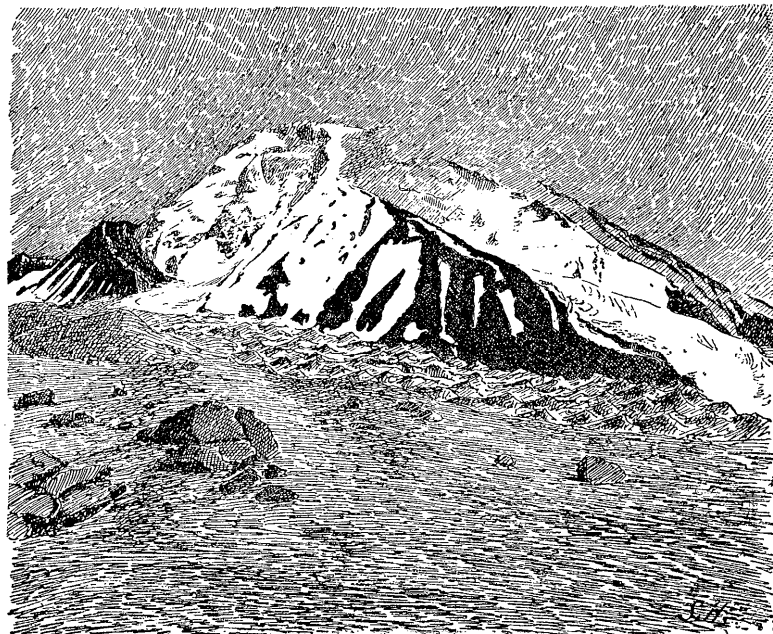
Между третьимъ отрогомъ скалъ и той областью Мустагъ-аты, по которой мы странствовали въ апрѣлѣ, врѣзывается глубокая, рѣзко очерченная впадина. По ней движутся ледники Сарымехъ и Кемпиръ-кышлакъ, раздѣляющіеся мощной одѣтой снѣгомъ стѣной скалъ. Первый изъ названныхъ ледниковъ загроможденъ моренами, второй чистъ.

Наконецъ, на югѣ виднѣется перевалъ Улугъ-рабатъ, а на западѣ хребетъ Сары-коль съ рѣдкими снѣжными полями и пятнами, частью окутанный красивыми, бѣлыми облаками, рѣзко выступающими на фонѣ сине-стального холоднаго неба Памира.

Склонъ перевала очень крутъ, и мы ѣхали по руслу ручья,

питаемаго ледникомъ Сарымехъ и весело прыгающаго, образуя водопады, по своему каменистому ложу.

Покинувъ величественныя конечныя морены и перебравшись черезъ ручей, мы очутились на небольшомъ болотистомъ лугу, гдѣ набрали нѣсколько новыхъ растений. При нашемъ появленіи мирно пасшееся стадо дикихъ козъ или „кіиковъ“ бѣжало въ горы. Затѣмъ мы перешли еще черезъ пять ручейковъ, питаемыхъ тающимъ снѣгомъ, между которыми шли къ

Видъ съ перевала Сарымехъ на ледники Сарымехъ и Кемпиръ-кышлакъ.

(Съ рисунка автора).

долинѣ Сары-колъ длинныя, низкіе увалы, продолженіе горныхъ отроговъ, расходящихся подобно радіусамъ и раздѣляющихъ русла ледниковъ. Двое изъ людей, отправившихся впередъ съ караваномъ, уже разбили новый лагерь, нѣсколько пониже того мѣста, гдѣ мы стояли въ апрѣлѣ, на сочномъ, хорошо орошенномъ лугу, представлявшемъ отличное пастбище для нашихъ яковъ.

Вечеромъ пошелъ сильный снѣгъ, и на слѣдующее утро горы были одѣты тонкимъ снѣжнымъ покровомъ. Киргизы

сказали, что зима уже вступила въ горы, и что теперь со дня на день будетъ холоднѣе.

30 іюля и настала настоящая зима. Весь день шелъ снѣгъ; время отъ времени вьюга окутывала всю окрестность густыми облаками мелкой снѣжной пыли, такъ что не видно было и признака горъ или лежащей въ глубинѣ долины. Было темно, холодно и непріятно, словомъ у Ямбулака-баши природа встрѣтила насъ такъ-же негостепрѣмно, какъ и въ апрѣлѣ. Нечего было и думать предпринимать въ этотъ день какія либо экскурсіи, — въ нѣсколькихъ шагахъ все уже было застлано снѣжной мглой. Пришлось прибѣгнуть къ зимнему облаченію, достать изъ тюковъ тулупы, мѣховыя куртки, шапки и валенки.

Чтобы избавиться отъ лишней возни, мы захватили съ собой лишь маленькую юрту, гдѣ я и провелъ весь день, за черченіемъ и писаньемъ, согрѣваясь время отъ времени стаканомъ чаю, люди-же, укутавшись въ тулупы, сидѣли на короточкахъ, въ защитѣ отъ вѣтра, около ближайшей гнейсовой глыбы, и слушали Моллу Ислама, читавшаго вслухъ изъ старой книжки со сказками. Когда вьюга усилилась, я впустилъ ихъ въ юрту, и чтеніе продолжалось.

Къ вечеру вьюга прекратилась, но тяжелыя сѣрыя облака неслись надъ долинами, осаждая на склонахъ снѣгъ.

Вечеромъ посѣтилъ насъ аксакалъ аула Ямбулакъ и съ полдюжины другихъ киргизовъ, которые явились привѣтствовать насъ въ своихъ мѣстахъ и поднесли намъ барана. Всѣмъ, по обычаю, предложили хлѣба и чаю, и гости были вознаграждены за барана. Погода прояснилась, и горы засіяли снѣжнымъ блескомъ, — насъ окружалъ настоящій зимній ландшафтъ.

Бѣлый покровъ, однако, не дохватывалъ до дна долины Сары-колъ, гдѣ атмосферные осадки въ это время года падаютъ еще въ видѣ дождя.

31 іюля погода была сносная, и мы могли предпринять экскурсію на ледникъ Ямбулакъ. Поверхность его теперь вся бѣлѣла отъ покрывавшаго ее рыхлаго влажнаго снѣга; по льду уже весело журчали ручейки, имѣвшіе температуру 0.29°. Мы отправились на SO по неровной ледяной поверхности, вдоль правой боковой морены, имѣвшей мощность отъ 1 до 2 метр.;

и широкая и глубокая (2 м. ширины и 9.65 м. глубины) поперечная трещина; она чуть было не преградила намъ дальнѣйшаго пути, да, къ счастью, мѣстами была достаточно узка, такъ что можно было перейти черезъ нее. Въ бокахъ трещины ледъ отливалъ чистѣйшею лазурью, а на днѣ ея сугробами лежалъ снѣгъ.

Вообще ледъ повсюду былъ покрытъ тонкимъ слоємъ рыхлаго, влажнаго снѣжка, настоящею снѣжною слякотью, образовавшеюся частью изъ свѣжевыпавшаго снѣга, частью изъ стараго, подвергнувшагося развѣдающему вліянію атмосферы. Только въ изломахъ трещинъ, да на проталинахъ, по которымъ бѣжали ручейки, проглядывалъ чистый голубой ледъ. Эти весело журчащія, хрустально-прозрачныя ручейки никогда не принимаютъ большихъ размѣровъ, такъ какъ ихъ обыкновенно скоро поглощаютъ зіяющія трещины.

Когда мы прошли по леднику 400 м., что по нашимъ опредѣленіямъ составляло третью часть всей его ширины, намъ преградило путь непроходимое мѣсто, настоящій хаосъ ледяныхъ конусовъ, пирамидъ, трещинъ и ручейковъ, которые размывали себѣ глубокия русла подъ коварными ледяными сводами.

Если взглянуть съ этого пункта вверхъ на ворота, образуемая отвѣсными стѣнами скалъ, т. е. на востокъ, то окажется, что ледникъ замкнутъ съ трехъ сторонъ, а именно съ сѣвера, съ юга и запада, — спереди и съ обоихъ боковъ. Тотчасъ по выходѣ изъ ущелья, онъ спускается съ значительной высоты, затѣмъ ползетъ по сильно выпуклой поверхности и поэтому въ нижнемъ своемъ теченіи весь перекоробленъ и изрѣзанъ безчисленными поперечными трещинами. Правая боковая морена доходитъ, однако, сюда. Состоитъ она изъ гнейсовыхъ и сланцевыхъ породъ, въ разнообразныхъ сочетаніяхъ. И тутъ мы видѣли нѣсколько ледниковыхъ столовъ; самый высокій покоился на ледяной ножкѣ въ 1.2 м. высоты, и былъ сильно наклоненъ къ юго-западу, — съ этой стороны ледяная ножка всего сильнѣе подвергалась дѣйствию солнечныхъ лучей. Видѣли также ледяной колодезь съ очень узкимъ отверстіемъ, черезъ которое стекалъ внизъ ручеекъ; глубина колодца равнялась 16.3 метр., на днѣ его глухо журчала вода.

На обратномъ пути къ боковой моренѣ, гдѣ мы оставили яковъ, привязанными къ большому валуну, мы миновали мѣсто, гдѣ морена прерывается и открывается бокъ ледника. Образуя уголъ паденія въ 64° , бокъ этотъ имѣлъ высоту 12 м., и по его блестящей поверхности низвергалось множество рѣзвыхъ ручейковъ, сливавшихся около Ямбулакъ-баши. Нѣсколько маленькихъ моренныхъ лужицъ около края ледника отличались сѣровато-зеленымъ цвѣтомъ воды, имѣвшей температуру 0.46° .

Выступленіе ледника Ямбулакъ изъ ущелья. Видъ на востокъ.
(Съ рисунка автора).

Видъ ледника былъ на этотъ разъ совершенно иной, нежели въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Трещины казались не такъ глубоки, такъ какъ отчасти были наполнены обрушившимися продуктами вывѣтриванья, края ихъ не такъ остры, а линіи изломовъ въ общемъ болѣе мягки и округленны. Словомъ, ясно было, что ледникъ находится въ періодѣ усиленной дѣятельности, причемъ обычные факторы — атмосфера и вода стремились сгладить рѣзкія формы и заполнить углубленія.

Мы направились вдоль правой береговой морены къ мысу ледника, но не успѣли дойти туда, какъ поднялся сильный

вѣтеръ съ юга, и разразился хлеставшій намъ прямо въ лицо градъ, который принудилъ насъ искать убѣжища подъ нависшей глыбой. Градъ, какъ обыкновенно, сопровождался ливнемъ, и только, спустя часъ, удалось намъ продолжать путь.

Непосредственно передъ самою оконечностью мыса ледника мы сдѣлали привалъ. Тутъ въ безпорядкѣ громоздились одна возлѣ другой сильно вывѣтрѣлыя ледяныя пирамиды, увалы и глыбы. Впередъ были выдвинуты четыре настоящихъ горы изо льда — двѣ большія посреди и двѣ поменьше по бокамъ — испещренныя трещинами и словно нарочно выставленные на съѣденіе солнцу, посылающему на нихъ съ юго-запада самые сильные лучи. Справа, черезъ ледниковыя ворота, всего въ 60 сант. высоты, кажущіяся поэтому лишь узкой щелью между основной мореной и льдомъ, течетъ ручеекъ; вода въ немъ мутно-сѣроватаго цвѣта отъ продуктовъ перетиранія горныхъ породъ.

Масса маленькихъ ручейковъ журчитъ и звенитъ повсюду около устья ледника и между моренами; всѣ они сливаются въ рѣчку; прозрачно-хрустальныя струйки, едва въ палецъ толщиной, брызжутъ фонтанами и бѣгутъ каскадами съ вершины мыса ледника. О томъ, что ледникъ съ апрѣля мѣсяца, когда мы были здѣсь, подвинулся впередъ, свидѣтельствовала маленькая конечная морена, появившаяся около устья ледяной рѣчки.

Вечеромъ сильный градъ принялся хлестать горные склоны; градъ такъ барабанилъ по кровлѣ юрты, что принудилъ насъ заткнуть дымовое отверстіе и загасить костеръ. Градины имѣли около 7 милим. въ діаметрѣ; градъ сопровождался снѣгомъ, падавшимъ густыми, большими хлопьями и снова покрывшимъ морены и склоны горъ холоднымъ бѣлымъ ковромъ. Джолдашъ, неусыпно сторожившій входъ въ юрту, жалобно вылъ на морозѣ. Непогода неунималась и весь слѣдующій день 1-го августа, но большую часть дня шелъ дождь, и снѣжный покровъ исчезъ; выйти, однако, такъ и не удалось, и я цѣлый день просидѣлъ дома, работая надъ картами.

2 августа посвятили ледникамъ Кемпирь-кышлакъ. Меньшій изъ нихъ прерывается на значительной высотѣ. Конечная морена его достигаетъ 250—300 м. высоты и скорѣе является щебневымъ конусомъ, такъ какъ продукты вывѣтриванья по-

немногу обрушиваются или сползаютъ внизъ по крутымъ здѣсь склонамъ горы. Склонъ мореннаго конуса падаетъ подъ угломъ $35\frac{1}{2}^{\circ}$.

Предстояло взобраться на большой ледникъ Кемпиръ-кышлакъ. Мы направились по моренамъ, идущимъ вдоль лѣваго его берега. Подъемъ былъ такъ крутъ, что пришлось сойти съ яковъ и продолжать путь пѣшкомъ; такъ мы достигли скалы изъ кристаллическаго сланца, находящейся у лѣваго края ледниковыхъ воротъ. Небо было все затянуто облаками; опять пошелъ градъ, но ему не удалось выбѣлить почву, такъ какъ градины съ трескомъ скатывались въ безчисленныя трещины и впадины въ моренѣ; когда-же градъ прекратился, мокрые камни быстро высохли въ сухомъ воздухѣ.

Мысъ ледника, вдающійся въ долину, напоминаетъ формой длинную, узкую, плоскую ложку, повернутую ручкой книзу и всюду окаймленную моренами. Поверхность ледника на всемъ его протяженіи въ общемъ довольно ровная, плоско-волнистая. Здѣсь не видно было поперечныхъ трещинъ, но, напротивъ, нѣсколько очень длинныхъ и узкихъ продольныхъ, тянувшихся по срединѣ мыса, весь-же лѣвый берегъ ледника былъ точно въ зазубринахъ отъ краевыхъ трещинъ. Сойдя на ледъ, мы могли воочію убѣдиться въ томъ, какъ образуются боковыя морены. Стоило сдѣлать одинъ шагъ, чтобы скатиться на двадцать по рыхлымъ продуктамъ вывѣтриванья, которые образуютъ здѣсь оползни.

Какъ только мы миновали краевыя трещины, открылся удобный путь по льду, покрытому толстымъ слоемъ снѣга. Послѣдній зато скрывалъ продольныя трещины, которыхъ мы и остерегались, ощупывая путь палками. Массивная гнейсовая глыба, въ 4 куб. м., тяжестью своей вдавилась въ ледъ вмѣсто того, чтобы образовать ледниковый столъ. Было пройдено 600 м., когда путь намъ преградила трещина въ 4 м. шир. и 13.6 м. глуб.; стѣны ея отливали темно-голубымъ цвѣтомъ и были украшены длинными ледяными сталактитами. Самъ ледникъ имѣлъ въ ширину $1\frac{1}{2}$ километра.

3 августа мы снова отправились на ледникъ Ямбулакъ, чтобы поставить измѣрительныя шесты, по которымъ мы, спустя извѣстный срокъ, могли опредѣлить скорость поступательнаго движенія ледника. Нелегко было добыть

шесты, годные для такой цѣли. Во всей Сары-кольской долинкѣ

Ледникъ Чалъ-тумакъ.

(Съ наброска автора).

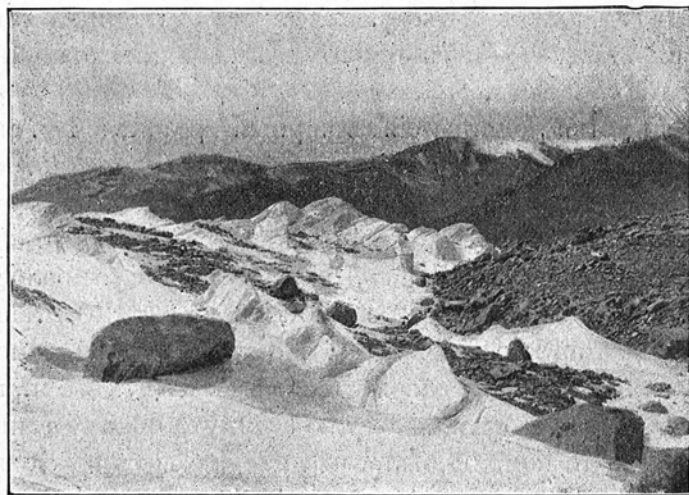
не было другихъ деревьевъ, кромѣ купы кривыхъ чахлыхъ березокъ, около Каинды-мазара, которыхъ къ тому-же, разумѣется, нельзя было трогать, такъ какъ онѣ осѣняли могилу святого. Наконецъ, Іехимъ-баю удалось добыть связку жердей, какія употребляются для остова кровли юрты.

На этотъ разъ мы прошли по льду 529 м. и вбили 9 жердей, частью между камнями моренъ, частью въ самый ледъ; мѣсто-нахожденіе жердей было обозначено на картѣ (масштабъ 1: 4,480). Установить ихъ цѣпью поперекъ теченія ледника, какъ мы хотѣли, оказалось невозможнымъ, такъ какъ вся лѣвая половина ледяного потока была совер-

шенно непроходима и образовывала горбъ сравнительно съ

правой. Причина этого въ томъ, что лѣвая половина ледника на всемъ протяженіи между вертикальными стѣнами скалъ находится въ тѣни выступовъ лѣвой стѣны, не позволяющихъ ни единому лучу солнца озарить и согрѣть эту часть ледяной рѣки, пока она не выйдетъ изъ горъ.

Правая половина, напротивъ, вся на солнцѣ, и таяніе льда идетъ здѣсь несравненно быстрѣе, что ясно и отражается на формѣ ледника даже послѣ того, какъ онъ выступаетъ изъ ущелья: правая половина ледниковаго потока заходитъ въ долину почти на 40 м. дальше лѣвой. По выступленіи изъ воротъ ледяная рѣка становится вдвое, втрое шире и во столько-

Правая боковая морена ледника Ямбулакъ.

(Съ фотографіи автора).

же разъ тоньше. Площадь таянія такимъ образомъ еще увеличивается, и ледяной потокъ быстро суживается опять, такъ что оконечность ледниковаго мыса очень узка. Абсолютная высота равнялась здѣсь 4,690 м.

Обычный градъ разразился около 4-хъ часовъ дня. Сначала гонимыя сѣвернымъ вѣтромъ легкія облачка неслись, словно паръ, надъ долиной, глубоко подъ нашими ногами, затѣмъ они быстро поднялись по склонамъ горъ и сразу окутали насъ густою пеленою. Стало холодно и темно, градъ хлесталъ о ледъ; оставалось только искать защиты отъ вѣтра за высо-

кой ледяной пирамидой и переждать. Поздно, усталые и замерзшіе вернулись мы въ лагерь.

Слѣдующій день, для разнообразія, подарилъ насъ прекрасной погодой, и мы совершили чудесную экскурсію на ледникъ Кемпиръ-кышпакъ, — намъ осталось еще изслѣдовать его правый берегъ. Оказалось, что отъ ледника отдѣляется мощный рукавъ, который почти достигаетъ лѣвой береговой морены ледника Сарымеха, а кромѣ того образуетъ высокій (30 м.), почти отвѣсный ледяной утесъ, отличающійся чистотой и прозрачностью. Сколько нибудь значительныхъ конечныхъ моренъ здѣсь нѣтъ; кое-гдѣ только разбросаны глыбы гнейса и блестящаго сланца; мощность самой большой изъ нихъ равнялась 24 куб. метр. Эта зачаточная конечная морена складывается изъ рѣдко разбросанныхъ по поверхности ледника глыбъ.

Около устья ледника зіялъ черный гротъ въ 4 м. высотой и 3 м. глубиной; происхожденіемъ онъ былъ, вѣроятно, обязанъ болѣе быстрому нагрѣванію здѣсь поверхности. Съ края ледника низвергались четыре ручейка изъ растаявшаго снѣга, и множество мелкихъ струекъ, рассыпавшихся прелестными каскадами. Самый крупный изъ нихъ имѣлъ 20 м. высоты, причемъ такъ врѣзался въ ледъ, что падалъ не съ самой вершины мыса. Другой врѣзался въ ледъ на цѣлыхъ 6 м., и, такъ какъ русло его во льду было уже затянато сверху тонкой ледяною корой, то похоже было, что струя бьетъ изъ отверстія въ ровной стѣнѣ. Красиво было глядѣть на большой каскадъ, стекавшій точно по какому-то жолобу во льду и затѣмъ рассыпавшійся на тысячи жемчужныхъ брызгъ, блестящихъ на солнцѣ.

Ледъ здѣсь повсюду былъ пористый, какъ губка, и очень пластичный; изъ него можно было скатывать колобки, точно изъ снѣга. Со всѣхъ сторонъ слышалось журчанье, со всѣхъ сторонъ бѣжали, извивались, брызгали струйки. Ледъ шелъ навстрѣчу своей гибели, спускаясь въ пояса, климата которыхъ не выдерживаетъ. Внизу, около устья ледника, лежали большія, разбившіяся ледяныя глыбы и кучи обломковъ обрушившагося крайне пористаго и быстро тающаго льда. Когда упомянутый выше гротъ будетъ углубленъ достаточно, и покоящаяся надъ сводомъ его ледяныя массы окажутся слишкомъ

тяжелыми для послѣдняго, сводъ обрушится вмѣстѣ съ ними и ускорить уничтоженіе окончности мыса ледника.

Мы обогнули ледниковый мысъ и стали подыматься по правому его берегу. Не далеко отъ мѣста, гдѣ одинъ изъ каскадовъ съ шумомъ ниспадалъ въ лужу, образованную имъ-же самимъ около подошвы ледника, Кемпиръ-кышлакъ подходитъ такъ близко къ моренѣ своего сосѣда, Сарымеха, что еле можно пробраться сквозь отдѣляющій ихъ другъ отъ друга узкій проходъ.

Ледникъ спускается здѣсь подъ угломъ въ $25\frac{1}{2}^{\circ}$, т. е. необычайно крутъ въ сравненіи съ альпійскими глетчерами, уголъ паденія которыхъ въ нижнихъ поясахъ часто не достигаетъ 1° .

Оба сосѣда ледника сходятся подъ прямымъ угломъ, между ними бѣжитъ съ горъ, раздѣляющихъ ихъ фирновыя области, ручей; послѣдній заноситъ пространство между ними щебнемъ и иломъ, поростающимъ травой и образующимъ пастбища для дикихъ козъ.

И у ледника Кемпиръ-кышлакъ, какъ у ледника Ямбулакъ, лѣвая половина ледяного потока оказалась гораздо выше правой и была окаймлена колоссальными моренами, тогда какъ правая почти не имѣла морены. Такое соотношеніе ясно доказываетъ, что ледяной потокъ жметъ ближе къ лѣвому скалисту берегу, съ силой надавливаетъ на подножье горы и уноситъ продукты распада. На лѣвой сторонѣ такимъ образомъ ледъ лежитъ подъ мореной, а на правой морены подо льдомъ.

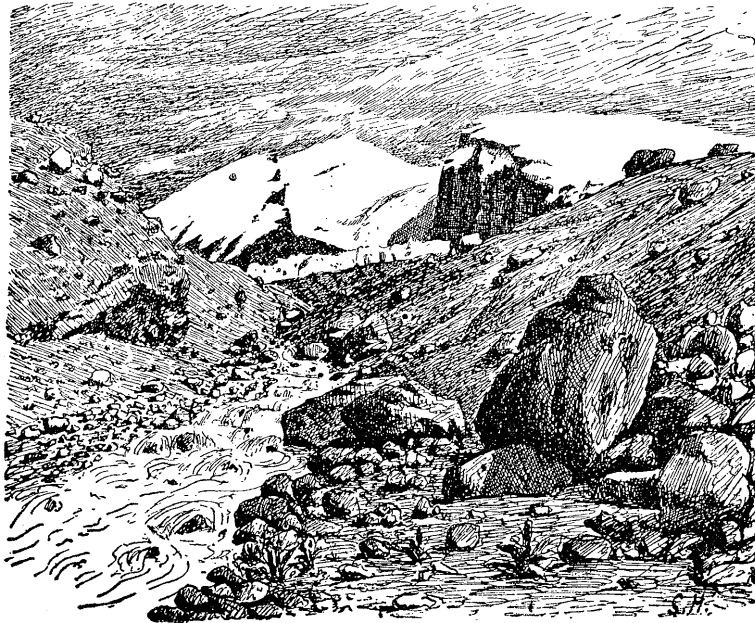
XIV.

Восхожденія на Мустагъ-ату.

Во время пребыванія на этой значительной высотѣ, уступавшей немногимъ изъ альпійскихъ вершинъ, мы все время стерегли удобный случай поймать Мустагъ-ату врасплохъ и взобраться на нее. Но погода все ставила намъ препятствія. То шелъ снѣгъ, то градъ, то дулъ пронизывающій сѣверный вѣтеръ, отнимавшій всякую охоту стремиться въ высшія сферы, гдѣ вѣтеръ взвивалъ снѣгъ столбомъ.

Бывало, что солнце улыбалось на минуту съ яснаго неба, но въ слѣдующую погоду портилась и разстраивала всѣ наши планы. Бывало нѣсколько разъ, что мы уже навьючивали яковъ, дѣлили ручной багажъ между носильщиками и готовились выступить, какъ вдругъ начинался вѣтеръ и позволялъ намъ совершить, чтобы день не совсѣмъ пропалъ даромъ, лишь небольшую экскурсію на ледники.

Такъ продолжалось до 5-го августа. Мы уже успѣли убѣдиться, что на этой высотѣ зима — ранній гость и что вре-

Мустагъ-ата, ледникъ Ямбулакъ и вытекающій изъ него ручей.

Видъ на востокъ.

(Съ рисунка автора).

мени у насъ въ запасѣ немного, и поэтому рѣшили на слѣдующій день быть готовыми во что-бы то ни стало отправиться въ походъ. 5-го августа посвятили отдыху, и въ юртѣ царствовала торжественная тишина. Наши яки за послѣднее время сильно изнурились и пришлось отправить ихъ вмѣстѣ съ ихъ хозяевами обратно, а Исламъ добылъ нѣсколькихъ свѣжихъ отличныхъ животныхъ. Сѣдла, палки съ желѣзными наконечниками, канаты, веревки, продовольствіе, приборы—все было приготовлено съ вечера.

Погода весь день стояла хорошая, но въ сумерки начался обычный градъ и вѣтеръ. Вершина Мустагъ-аты, только что ослабительно сіявшая своимъ снѣжнымъ вѣнцомъ, окуталась густыми облаками, а вечеромъ духи вѣтра начали бѣшеный хороводъ вокругъ одного изъ высочайшихъ троновъ божества вѣтра.

Оставивъ Исламъ-бая сторожить лагерь, я выступилъ 6 августа въ 6½ ч. утра съ Гехимъ-баемъ, Молла Исламомъ, тремя другими киргизами и семью превосходными яками.

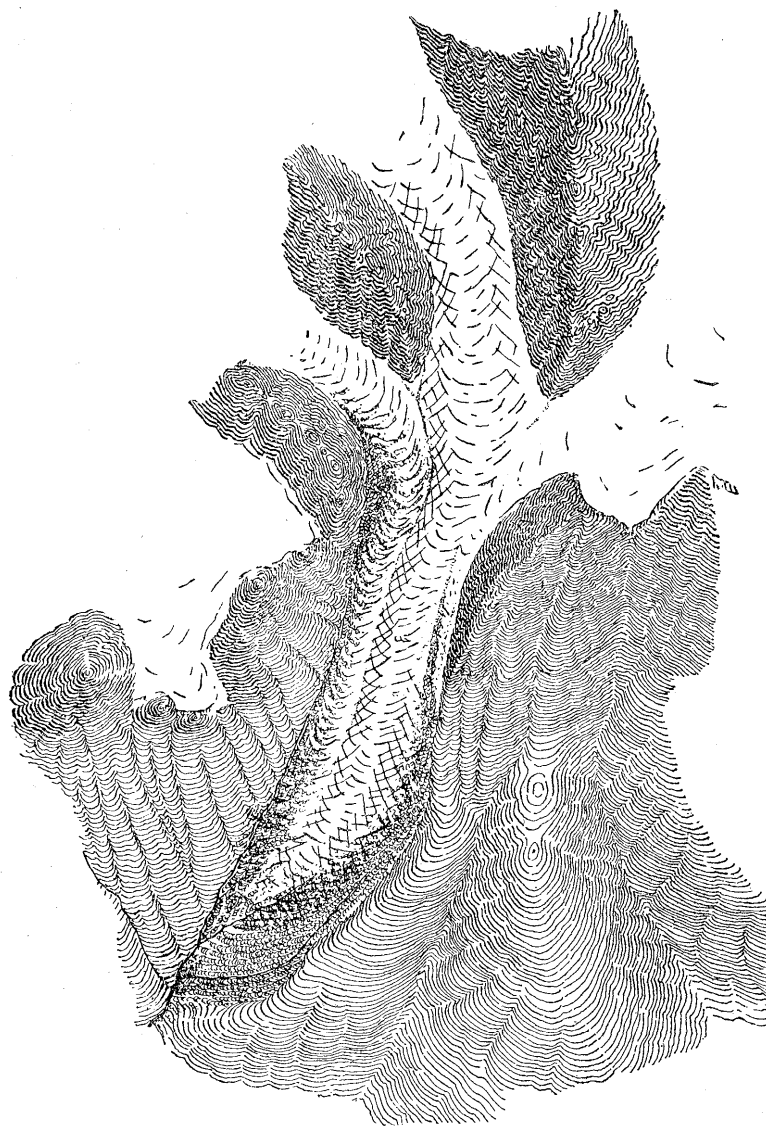
День выдался чудесный, совершенно ясный, такъ что отъ самой подошвы видны были всѣ очертанія Мустагъ-аты, до мельчайшихъ подробностей, а самая вершина казалась близехонько; склоны заслоняли выступы и отроги, что и вводило въ заблужденіе. Въ воздухѣ не шелохнулось, на небѣ не было ни единого облачка.

Мы отправились сначала черезъ Ямбулакъ-баши, медленно поднимаясь по склону подъ лучами восходящаго солнца, потомъ дорога пошла по крутизнамъ въ тѣни до тѣхъ поръ, пока солнце не поднялось такъ высоко, что стало свѣтить намъ прямо въ лицо.

Подвигались впередъ пока еще быстро, и въ 7 ч. 10 м. достигли высоты 4,500 м. Крутые склоны были всюду покрыты продуктами вывѣтриванья горныхъ породъ, которыя выше мы находили *in situ*. Щебень былъ насыпанъ такъ густо, что убивалъ всякую растительность. Тутъ пришлось оставить двухъ яковъ, которые безпрестанно останавливались и задерживали насъ. Бѣжавшіе на нихъ киргизы пошли пѣшкомъ, по очереди ведя моего большого, чудеснаго яка, который безъ усилія пробирался между кучами щебня.

Въ 8 ч. мы были на высотѣ Монблана и, немного спустя, достигли на высотѣ 4,950 м. снѣговой линіи. Вначалѣ снѣгъ попадался небольшими клоками между кучами щебня, затѣмъ разостлался сплошнымъ ковромъ, изъ подъ котораго кое-гдѣ проглядывали отдѣльные камни. Снѣгъ былъ мелкозернистый и плотный, но безъ наста. Только, когда мы поднялись еще метровъ на 200 выше, снѣговой покровъ оказался покрытымъ тонкой, твердой корой; мягкая кожаная обувь моихъ людей не оставляла на ней никакихъ слѣдовъ; настъ только слегка похрустывалъ, но животныя ни разу не поскользнулись.

Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ снѣгъ становился глубже, но особенно большихъ сугробовъ еще не встрѣчалось.

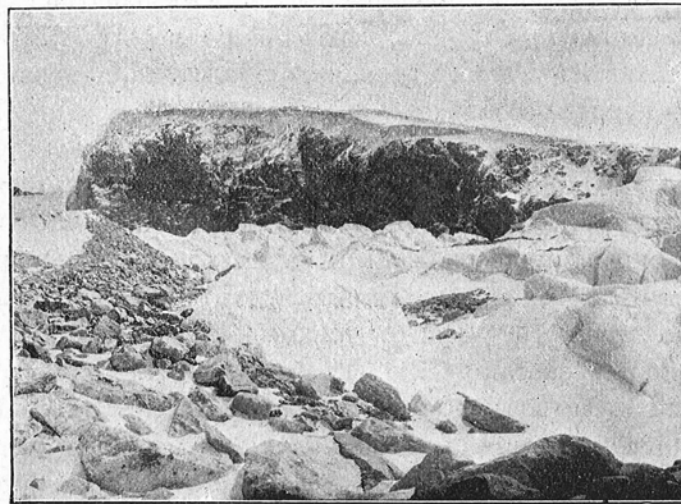
Ледникъ Тергенъ-булакъ.

(Съ рисунка автора).

Толщина снѣговаго покрова отъ нѣсколькихъ сантиметровъ возросла до одного дециметра, а на самой высшей, достигнутой пока нами, точкѣ пала опять до 35 сантим. Причинами, мѣшаю-

щими образованію большихъ сугробовъ являются обычный здѣсь сильный вѣтеръ, усиленное испареніе и легко обнажающаяся вѣтрами куполовидная форма рельефа. Снѣгъ сверкалъ на солнцѣ тысячами искръ и я, несмотря на консервы съ двойными стеклами, сильно страдалъ отъ этого блеска, разлитого повсюду кругомъ. Люди мои, у которыхъ совсѣмъ не было очковъ, жаловались, что у нихъ все вертится, а временами и совсѣмъ темнѣетъ въ глазахъ.

Приходилось все чаще и чаще дѣлать передышку. Я, пользуясь остановками, дѣлалъ наброски, производилъ измѣре-

Лѣвая (южная) скалистая стѣна ледника Ямбулакъ.
На заднемъ планѣ боковая морена.

(Съ фотографіи автора).

нія съ компасомъ и ориентировался. Мы слѣдовали непосредственно по краю высокой скалистой стѣны, откуда намъ открывался чудный видъ на весь ледникъ въ глубинѣ. Выше, въ ущельѣ, гдѣ оба его скалистые бока постепенно понижаются (по сравненію съ поверхностью ледника), нѣсколько расходятся, и въ концѣ концовъ сливаются съ округленнымъ гребнемъ, соединяющимъ обѣ высочайшія вершины группы Мустагъ-ата, ясно виднѣлось фирновое поле.

По серединѣ теченія ледяной рѣки преобладаютъ продольныя трещины. Самыя большія идутъ въ ущельѣ, между скалистыми стѣнами, и доходятъ до оконечности ледяного мыса.

Продольныя трещины часто пересѣкаются поперечными, которыхъ особенно много въ трехъ пунктахъ, гдѣ ледъ сползаетъ по уступамъ, вслѣдствіе чего поверхность льда разбивается на цѣлую систему прямоугольниковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ трещины образуютъ расходящіяся линіи, постепенно суживаясь отъ центра къ краямъ.

Ширина ледника въ ущельѣ, пожалуй, едва равняется 1 килом. и вообще на всемъ протяженіи сохраняетъ приблизительно одну и ту-же среднюю ширину. Онъ кажется гораздо круче, чѣмъ на самомъ дѣлѣ; объясняется этотъ обманъ зрѣнія тѣмъ, что фирновое поле мы видимъ высоко надъ собою, а мысъ ледника въ глубинѣ, и разстояніе между этими двумя точками кажется совсѣмъ незначительнымъ въ ясномъ и прозрачномъ горномъ воздухѣ.

На отвѣсныхъ стѣнахъ скалъ, вздымающихся надъ поверхностью ледника почти на 400 м., нѣтъ никакихъ царапинъ или слѣдовъ стачиванья камней. Это и не удивительно, — если-бы они и существовали прежде, то давно могли быть сглажены процессомъ вывѣтриванья, который въ этихъ областяхъ по причинѣ рѣзкихъ перемѣнъ температуры, идетъ энергично и безостановочно. Та часть горы, по которой мы пробирались, имѣла зубчатый, точно весь въ зазубринахъ, край; выступы и выемки чередовались другъ съ другомъ, но движеніе льда было ни при чемъ въ ихъ образованіи, которымъ они обязаны исключительно процессу вывѣтриванья.

Склонъ горы спускается къ равнинѣ Су-баши подъ угломъ въ 22°, поэтому подъемъ сильно давалъ себя чувствовать въ этомъ разрѣженномъ воздухѣ. Снѣгъ становился какъ будто все чище и ослѣпительнѣе; настъ весело похрустывалъ подъ ногами. Мы тихо подвигались впередъ, минуя одинъ уступъ за другимъ, строго слѣдуя за контурами края скалистой стѣны; передъ нами все развертывались новыя перспективы такихъ-же скалъ и уступовъ.

На высотѣ 5,100 м. Молла Исламъ и двое другихъ киргизовъ оставили своихъ яковъ, увѣряя, что лучше идти пѣшкомъ. Они не прошли, однако, болѣе 200 м., какъ въ изнеможеніи, жалуясь на сильную головную боль, упали на снѣгъ и заснули мертвымъ сномъ.

Я продолжалъ путь съ двумя остальными киргизами и

двумя яками. Моего яка постоянно велъ одинъ изъ людей, которые чередовались между собой; свободный изъ нихъ ѣхалъ на другомъ якѣ. Они также жаловались на страшную головную боль и почти задохались. Я чувствовалъ себя хорошо, если не считать ломоты въ головѣ, которая все усиливалась по мѣрѣ подъема; одышку-же я чувствовалъ только, когда слѣзалъ съ яка и принимался за наблюденія. Когда надо было опять влѣзть на сѣдло, я готовъ былъ задохнуться отъ этого небольшого усилія, и у меня начиналось сильнѣйшее сердцебиеніе. Зато движенія яка, становившагося все упряме и подвигавшагося все съ большими усиліями, не причиняли мнѣ никакихъ непріятныхъ ощущеній.

На менѣе значительныхъ высотахъ Демавенда я страдалъ гораздо больше, но туда я взбирался пѣшкомъ, а все дѣло въ томъ, чтобы по возможности меньше утомлять себя и ѣхать верхомъ. Если это возможно, то даже очень значительныя высоты достигаются безъ особенно болѣзненныхъ ощущеній. Вотъ и теперь, всѣ киргизы чувствовали себя плохо, нѣкоторые заявляли даже, что того и гляди умрутъ, я же все время чувствовалъ себя сравнительно бодрымъ. Люди мои не послушались моего совѣта, оставили своихъ яковъ и утомили себя карабканьемъ по крутизнамъ, такъ что уже не въ силахъ были бороться съ разслабляющимъ вліяніемъ разрѣженного воздуха.

Между тѣмъ поднялся свѣжій вѣтеръ съ SW, мелкій снѣгъ закрутило вихрями, небо покрылось тучами. Мы всѣ такъ утомились, что рѣшили сдѣлать привалъ. Достали хлѣбъ, чай, топливо, чтобы развести костеръ, но стоило намъ взглянуть на ѣду, чтобы насъ затопнило; такъ никто ничего и не взялъ въ ротъ. Насъ только мучила жажда, и мы все глотали снѣгъ; даже яки проглатывали большіе комки.

Видъ съ высоты 6,300 м. былъ поистинѣ восхитительнымъ и величественнымъ. Намъ открывалось, черезъ хребетъ Сары-колъ, все пространство до самаго Заалайскаго хребта и живописныхъ снѣговыхъ горъ Мургаба. Изъ ближайшихъ частей хребта Сары-колъ, повидимому, только нѣсколько вершинъ превышаютъ высоту 5,000 м., но въ хребтѣ Мусъ-тагъ, сѣверномъ продолженіи Мустагъ-аты, есть нѣсколько вершинъ, которыя мало уступаютъ самому „отцу ледяныхъ горъ“.

Долина Сары-колъ развертывалась внизу, какъ на ладони.

Видно было все пространство отъ Улугъ-рабата до Булюнь-куля. Всѣ озера, кромѣ верхняго Басыкъ-куля, заслоненнаго группой скалъ, сіяли голубовато-зелеными стеклами въ сѣрой оправѣ моренъ, но казались отсюда крошечными лужицами. Ямбулакъ указывалъ своимъ ледянымъ пальцемъ на долину, а далеко впереди него виднѣлись полукружія его старыхъ конечныхъ моренъ.

Ниоткуда также не могли быть лучше видны ледяные потоки и выпаханныя ими глубокія борозды въ горныхъ склонахъ. Мощные потоки ледниковъ Ямбулака и Чумъ-каръ-кашки, идутъ параллельно до самаго ложа долины, покрытаго стальносѣрыми отложеніями этихъ потоковъ.

Вверху виднѣлись еще четыре отрога скалъ, а за ними сѣверная вершина Мустагъ-ата, казавшаяся намъ совсѣмъ близехонько и охваченная до самой высшей точки фирновымъ кольцомъ, представлявшимъ намъ въ перспективѣ плоскимъ.

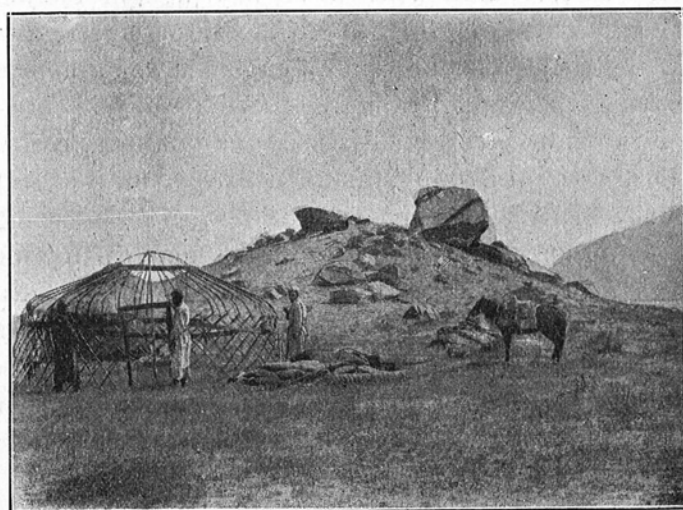
Мы стали держать военный совѣтъ. День клонился къ концу, и становилось холодно (-0.7° въ 4 ч. дня); киргизы были такъ изнурены, что не могли идти дальше; яки пыхтѣли, высунувъ языки; мы находились какъ разъ у подошвы куполовидной возвышенности, которая постепенно переходитъ въ плоскую макушку вершины. На склонахъ ея снѣгъ лежалъ еще болѣе толстыми плотными слоями, а трещины и оползни указывали на возможность образованія лавинъ.

Киргизы предостерегали отъ восхожденія по этимъ крутымъ, готовымъ обрушиться снѣжнымъ склонамъ, гдѣ яки своей тяжестью легко могли произвести обвалъ, и мы тогда, скорѣе, чѣмъ желательно, очутились бы внизу, но въ довольно жалкомъ видѣ. Люди мои говорили, что внизу изъ долины видали иногда такіе обвалы на этихъ склонахъ.

На высотѣ, на которой находились мы, снѣговой покровъ прикрываетъ большею частью скалистую почву и щебень, который часто показывался въ слѣдахъ, оставляемыхъ яками. Только вдоль самаго края скалы подъ снѣгомъ шелъ ледъ, и съ обрыва свѣшивались надъ поверхностью ледника длинные, ледяные сталактиты. На вершинѣ противоположной южной стѣны скалъ, напротивъ, подъ снѣгомъ повсюду былъ толстый голубой чистый ледъ, облекавшій гору словно броней, плотно заполняя всѣ углубленія.

Съ грустью рѣшился я вернуться, и мы быстро заскользили внизъ по старымъ своимъ слѣдамъ, переходя все въ болѣе теплые и мягкіе слои воздуха, подобравъ по пути отставшихъ людей и яковъ, которые такъ и не двигались съ того мѣста, гдѣ мы ихъ оставили, и благополучно достигли лагеря около семи часовъ вечера. Въ лагерѣ уже ожидало насъ нѣсколько друзей-киргизовъ съ приношеніями сѣстныхъ припасовъ.

Помимо того, что эта экскурсія помогла намъ отлично оріентироваться, дала возможность произвести много наблю-

Наша юрта около Ямбулакъ-баши.

(Съ фотографіи автора).

деній, она научила насъ, что вслѣдствіе значительности самаго разстоянія, отдѣляющаго насъ отъ сѣверной вершины группы Мустагъ-аты, однодневный срокъ оказывается недостаточнымъ для ея достиженія, и что единственно вѣрнымъ средствомъ будетъ раздѣлить экскурсію на два дневныхъ перехода, переночевать въ юртѣ первую ночь на значительной высотѣ, а на слѣдующее утро съ свѣжими яками и легкимъ багажомъ продолжать путь до вершины. Киргизы и Исламъ-бай вполнѣ одобрили этотъ планъ и готовы были при первомъ удобномъ случаѣ сдѣлать такую попытку.

Намъ, однако, предстояло еще изслѣдовать три боль-

шихъ ледника дальше къ югу, и мы 8 августа перенесли стоянку къ Тергенъ-булаку.

Я съ Исламъ-баемъ сдѣлалъ обходъ вдоль лѣваго края подошвы горы. Мы хотѣли сначала видѣть русло питаемой ледникомъ Ямбулака горной рѣчки въ томъ мѣстѣ, гдѣ она принимаетъ всѣ свои притоки. Тамъ, гдѣ мы перешли черезъ нее, она имѣла 10.3 м. ширины и 0.35 м. глубины (максимумъ); скорость ея теченія равнялась 2.2 м. въ секунду, а температура 5.7°.

По обоимъ берегамъ возвышались колоссальныя морены, состоящія частью изъ глыбъ гнейса и кристаллическаго сланца, величиною отъ 140 куб. м., частью изъ мелкихъ обломковъ, цементомъ въ которыхъ служила ледниковая глина, не отличающаяся однако, слоистостью.

Своимъ быстрымъ теченіемъ рѣчка подмыла самыя большія глыбы, которыя, обрушившись въ русло, и заставляютъ рѣчку образовывать водопады.

Нелегко поэтому перейти черезъ нее съ яками; вода такая мутная, что не видно, куда ступаютъ животныя, и часто, когда якъ попадетъ ногами между двумя большими глыбами, кажется, что онъ вотъ-вотъ исчезнетъ съ тобой въ этой kloкочущей пѣнѣ. Поэтому чувствуешь большое облегченіе очутившись на другомъ берегу. На востокѣ открылся чудесный видъ на бѣлый мысъ ледника, врѣзавшійся между грядами гигантскихъ моренъ.

Отъ оконечности мыса мы поднялись по лѣвой боковой моренѣ до того мѣста, гдѣ ледникъ выступаетъ изъ ущелья. Здѣсь боковая морена состоитъ исключительно изъ колоссальныхъ гнейсовыхъ валуновъ; большинство изъ нихъ величиною около 100 куб. м. Стѣна скаль, напротивъ, состоитъ изъ твердаго, темнаго, кристаллическаго сланца; уголъ его паденія равняется 21° NNO. Такимъ образомъ морена образовалась изъ породъ, находящихся въ высшихъ поясахъ. О томъ, что нижнія скалы ни при чемъ въ образованіи морены, свидѣтельствуетъ кромѣ того находящаяся между скалами и мореной впадина, съ боками, усыпанными щебнемъ, которая мѣшаетъ льду придти съ соприкосновеніемъ со стѣной.

Пробираться по этому лабиринту валуновъ было не легко; яки совсѣмъ не могли пройти тутъ, и Моллѣ Исламу при-

шло съ отправиться съ ними окольной дорогой, чтобы встрѣтить меня у подошвы морены.

Одинъ съ вѣрнымъ Джолдашемъ продолжалъ я путь, то ползкомъ, то пѣшкомъ, балансируя по краямъ глыбъ, между которыми шли темные, узкіе проходы, скорѣе просто щели; въ глубинѣ ихъ журчали ручейки изъ тающихъ снѣговъ. Разъ таки я скатился съ глыбы и завязъ въ такой щели ногой, такъ что пришлось разуться, чтобы вытащить сапогъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я предпочиталъ шлепать по водѣ между глыбами. Немудрено, что я почувствовалъ большое облегченіе, выбравшись, наконецъ, изъ этого мрачнаго и опаснаго лабиринта, въ которомъ безъ компаса легко заблудиться.

Но, когда я, послѣ многихъ приключеній, очутился на холмѣ около подножья морены, оказалось, что Джолдашъ остался на огромной глыбѣ и жалобно вылъ, не рѣшаясь двинуться ни назадъ, ни впередъ. Наконецъ, онъ всетаки исчезъ за глыбой, и я услышалъ плескъ и барахтанье въ водѣ. Затѣмъ, онъ присоединился ко мнѣ, прихрамывая на одну ногу, видимо довольный тѣмъ, что выбрался, и въ то же время обиженный, что я заманилъ его въ такія мѣста.

Послѣ небольшого перехода по луговому склону, прорѣзанному холоднымъ ручейкомъ, мы достигли мыса ледника Чаль-тумака, спускающагося подъ угломъ 24.9°. Поверхность его черна отъ щебня, изъ котораго торчатъ отдѣльныя бѣлыя пирамиды льда; край-же ледника блеститъ сталью.

Въ сумерки мы достигли новаго нашего лагеря, гдѣ все уже было въ порядкѣ; по близости находился ауль (ауль или кочевье) изъ четырехъ юртъ. Старшина, бекъ Тогда-бай, славный таджикъ, важнаго вида, тотчасъ-же явился съ визитомъ и сообщилъ, между прочимъ, что ауль имѣетъ всего 25 жителей, что одна юрта принадлежитъ семейству таджиковъ (арійское племя, говорящее на персидскомъ языкѣ), а три остальные найманъ-киргизамъ, и что они круглый годъ проводятъ въ этой мѣстности, лишь мѣняя яйлаки, — гдѣ поживутъ мѣсяць, гдѣ два. Зимой здѣсь бываетъ ужасно холодно, снѣгу выпадаетъ много, и овцамъ трудно бываетъ находить подножный кормъ. Послѣ продолжительнаго снѣга, накопившіеся громадные запасы его сползаютъ по бокамъ горъ въ видѣ лавинъ, увлекаая за собой камни и щебень.

Симпатичный старикъ принесъ намъ барана и кувшинъ молока и выразилъ полную готовность доставить намъ все нужное, жалѣя лишь о томъ, что по причинѣ своихъ преклонныхъ лѣтъ, не можетъ сопровождать насъ въ нашихъ экскурсіяхъ въ горы. Онъ тоже разсказалъ намъ старинное преданіе о восходившемъ на Мустагъ-ату шейхѣ, видѣвшемъ тамъ бѣлобородаго старца и бѣлаго верблюда и принесшемъ оттуда большой желѣзный котелъ, который теперь хранится въ мазарѣ въ долинѣ Шинди. Мы долго бесѣдовали о предполагавшихся новыхъ экскурсіяхъ, и старикъ отправился въ обратный путь, въ свое одинокое жилище среди моренъ, только поздно вечеромъ.

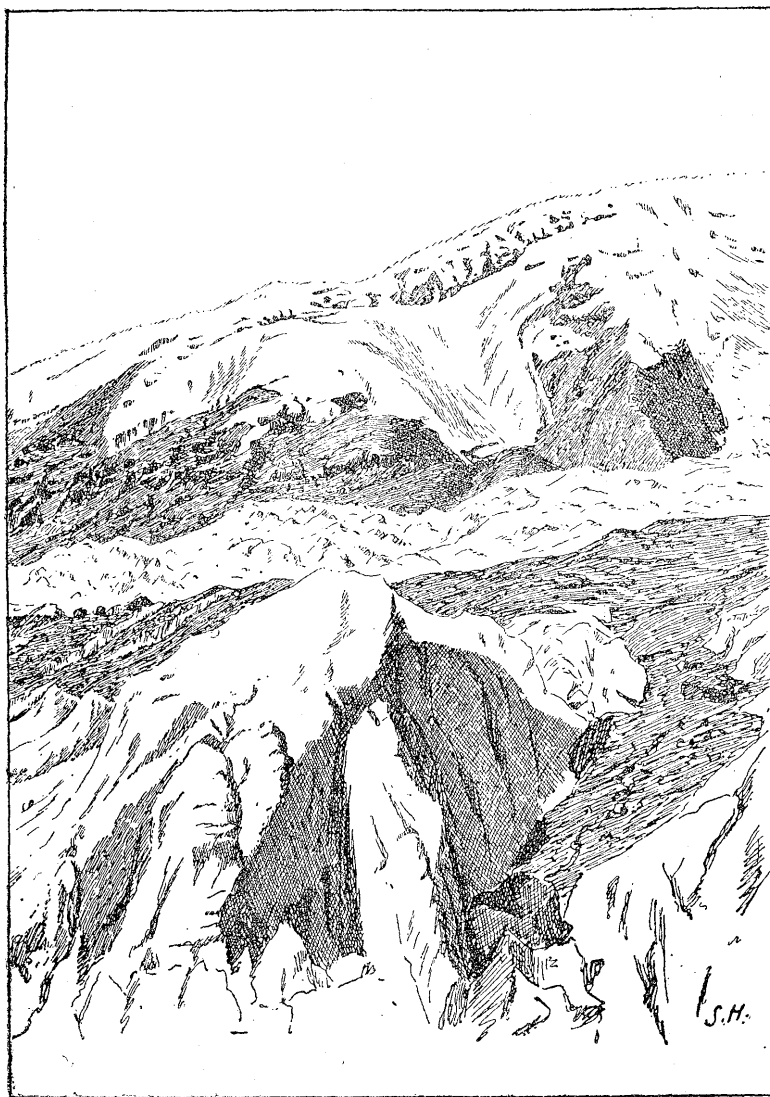
Погода выдалась теплѣе обыкновеннаго, тихая и ясная; при лунномъ свѣтѣ снѣга сіяли молочной бѣлизной. Моренные бугры бросали темныя тѣни; долина подъ нами словно уходила въ темную бездну. Вдали слышалось время отъ времени блеяніе овецъ и журчанье ручейка.

9 августа мы изслѣдовали лѣвую сторону ледника Чальтумака. Поднявшись по моренамъ, мы достигли мѣстечка на склонѣ горы, откуда открылся чудесный видъ на правильную структуру ледника. Онъ весь покрытъ сѣтью трещинъ, частью поперечныхъ, частью продольныхъ, образовавшихъ цѣлую систему ледяныхъ пирамидъ. Моренные камни и глыбы падаютъ въ трещины, которыя походятъ на черныя канавки и дѣлаютъ ледникъ похожимъ на рѣшето.

Гнейсовыя плиты кругомъ были словно отполированы льдомъ, такъ какъ прежде здѣсь спускался ледяной потокъ изъ области, одѣтой теперь льдомъ, какъ броней. Въ область эту входятъ громадныя пространства на склонахъ Мустагъ-аты. Ледъ одѣваетъ тѣло великана-горы точно плащомъ, полы котораго спускаются складками и зубцами съ обрывовъ; края этого толстаго ледяного покрова зачастую обрываются очень круто, и голубовато-зеленый, блестящій ледъ въ изломѣ производитъ ослѣпительный эффектъ рядомъ съ бѣлымъ снѣговымъ покровомъ.

Подобныя ледниковыя образованія, напоминающія вообще норвежскіе глетчеры, имѣютъ, конечно, мѣсто только на выпуклостяхъ Мустагъ-аты; впадины-же представляютъ обычные альпійскія формы ледниковъ съ фирновымъ полемъ и глубокимъ узкимъ русломъ ледника.

Назадъ мы пробирались по ложбинѣ между ледяными пирамидами и боковой мореной; по ложбинѣ текла, словно

Ледникъ Чаль-тумакъ. Видъ на сѣверъ.

(Съ рисунка автора).

масло по намыленному металлическому жолобу, горная рѣчка, подмывая основанія нѣкоторыхъ пирамидъ, которыя и угрожаютъ ежеминутно рухнуть.

Въ заключеніе нашей экскурсіи мы посѣтили бека Тогдабая, который созвалъ почетнѣйшихъ обитателей аула и предложилъ намъ дастарханъ. Ауль былъ расположенъ на берегу ледниковой рѣчки; кругомъ разстилались дуга, гдѣ паслись яки, верблюды и лошади бека. Женщины доили овецъ. Нѣкоторыя изъ таджикскихъ женщинъ были очень красивы и имѣли бойкій, веселый видъ; одѣты онѣ были очень живописно, но небрежно, и частенько подходили къ юртѣ поглядѣть въ щелочку на чужестранца.

Видъ на востокъ открывался самый величественный, какой только можно представить себѣ. Передъ нами возвышался колоссальный массивъ горы, подымаясь на головокружительную высоту, гдѣ фирнъ прядетъ ткани, которыя затѣмъ подносятся у подошвы горы въ даръ пожирающему ихъ солнцу, гдѣ кружатся на просторѣ вѣтры и гдѣ царствуютъ покой смерти и холодъ.

Ледникъ выступаетъ изъ ущелья спокойно и величаво, словно король изъ воротъ своего дворца, а морены возвышаются вокругъ этого неприступнаго дворца, словно крѣпостные валы. Мутный ледниковый ручей, весело прыгавшій между камнями, рѣзвый и шаловливый, какъ школьникъ во время каникулъ, счастливый, что вырвался изъ ледяной тюрьмы и можетъ бѣжать въ теплыя плодородныя области, ярко блестѣлъ на солнцѣ.

10-го августа мы отправились вверхъ по ручью, на берегу котораго былъ разбитъ нашъ лагерь. Ручей привелъ насъ къ близъ находящемуся правому боку ледника Тергенъбулака, изъ котораго ручей беретъ большую часть своихъ водъ; кромѣ того ручей питаютъ многочисленные потоки, вытекающіе изъ подъ ледяного покрова. Ручей сильно размываетъ окружающія горныя породы, и русло его переполнено гальками. Въ 1 часъ дня притокъ воды въ ручьѣ равнялся 6 куб. м. въ секунду.

Правая береговая морена имѣетъ около 30 м. высоты и закрываетъ бокъ ледника, который лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выдвигаетъ надъ мореной высокія (въ 15 м.) блестящія ледяныя пирамиды.

Яки осторожно и лѣниво подвигались по глубокой ложбинѣ ручья между моренами и колоссальнымъ уваломъ изъ

щебня, образовавшимся около подножья находящейся къ сѣверу отъ него отвѣсной стѣны скалы. На вершинѣ ея лежалъ массивною броней ледъ, который мѣстами спускался съ нея, образуя круто обрывавшійся край съ бахромой сталактитовъ, длиною до 10 м.

Непосредственно изъ подъ самого ледяного покрова сбѣгають съ остраго выступа скалы четыре большихъ и нѣсколько маленькихъ каскадовъ; эти хрустально прозрачныя, сверкающія струи падаютъ съ такой высоты, что силою вѣтра обращаются въ мелкую густую водяную пыль, отливающую на солнцѣ цвѣтами радуги. Болѣе сильными порывами вѣтра пыль прибивается къ стѣнѣ скалы, по которой вода и стекаетъ внизъ, а затѣмъ частью по щебневому увалу, частью подъ нимъ пробирается тысячью струекъ въ рѣку.

Ледникъ Тергенъ-булакъ спускается тремя потоками. Средній потокъ гораздо больше и толще двухъ боковыхъ и господствуетъ надъ мѣстностью. Справа впадаетъ въ него потокъ поменьше, который вырылъ себѣ такое глубокое ложе, что ледяныя массы главнаго потока значительно возвышаются надъ нимъ.

Между этими двумя потоками находится мощный кряжъ, и въ углу, образованномъ ими, подъ крайнимъ скалистымъ выступомъ этого кряжа находится воронкообразное углубленіе, на подобіе наблюдаемыхъ въ рѣчныхъ руслахъ за мостовыми быками.

Слѣва отъ ледяного покрова отдѣляется небольшой отрогъ изъ свѣтлаго, чистаго льда, втиснутый узкимъ клиномъ между стѣной скалы и главнымъ потокомъ.

Въ ледяныхъ массахъ слышится трескъ и грохотъ, камни и глыбы съ шумомъ проваливаются въ трещины. Повсюду слышится журчаніе струекъ; верхній слой льда пористъ и хрупокъ, — все говоритъ, что и этотъ ледникъ находится въ періодъ живѣйшей дѣятельности.

Спускаясь съ горы, мы видѣли двухъ большихъ сѣрыхъ волковъ, кинувшихся бѣжать по моренамъ. Волки здѣсь обычное явленіе, и иногда рѣжутъ молодыхъ яковъ. Бекъ Тогда-бай умно поэтому сдѣлалъ, приставивъ къ своимъ стадамъ стаю злыхъ собакъ.

Въ тотъ-же вечеръ этотъ почтенный старикъ доставилъ

намъ маленькую походную юрту и другія необходимыя вещи для двухдневной экспедиціи на Мустагъ-ату, на которую мы намѣревались взойти 11 августа.

Раннимъ утромъ, когда мы снова готовились взять великана приступомъ, Мустагъ-ата была еще окутана ночнымъ туманомъ; минимальный термометръ показывалъ — 4.8°. По берегамъ сверкали льдинки, о которыя съ шумомъ плескалась вода. Кромѣ того, вслѣдствіе холода, ручей сжался въ узенькую струйку, еще болѣе мутную, чѣмъ обыкновенно, — свѣтлые ручейки, сбѣгавшіе съ высотъ, изъ подъ ледяного покрова, вѣроятно, все замерзли. Погода выдалась замѣчательно благоприятная: на небѣ не было ни единого облачка, и слабый вѣтерокъ скоро улегся совсѣмъ. Намъ предстояло подняться на высоту приблизительно 6,000 метр., ночевать тамъ, а на слѣдующій день продолжать подъемъ и достигнуть возможно большей высоты. Поэтому мы брали съ собою маленькую юрту, четыре большихъ связки терескена для топлива, шесты, веревки, топоры, тулупы и продовольствіе; все это было навьючено на 9-ть сильныхъ яковъ.

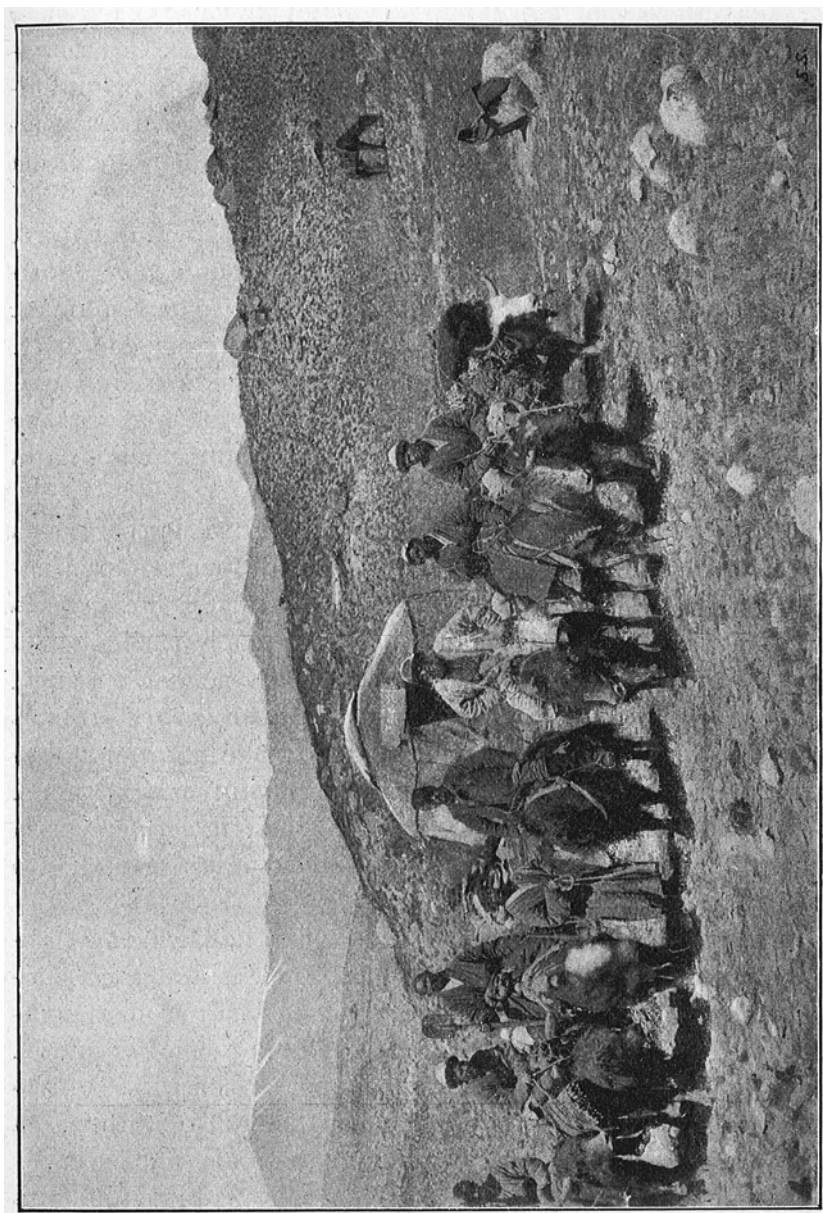
„Бисмиллахъ!“ (Съ Богомъ!) раздался возгласъ шести мусульманъ-киргизовъ, когда все было готово, и мы медленно двинулись въ гору. Я рѣшилъ какъ можно меньше утомлять себя, чтобы сберечь свои силы къ слѣдующему дню, когда предстоялъ настоящій подъемъ съ легкимъ багажомъ и всего съ тремя людьми.

Поэтому, я съ самаго начала сталъ изображать собою какъ-бы выюкъ на моемъ яктѣ: одинъ изъ киргизовъ, верхомъ или пѣшкомъ, все время тащилъ его впередъ за веревку, продѣтую въ ноздри, а другой понукалъ его сзади палкой всякій разъ, какъ животное находило мои стремленія слишкомъ высокими и останавливалось, чтобы поразмыслить — къ чему собственно ведетъ это вѣчное карабканье.

Такимъ образомъ я не тратилъ силъ даже на понуканье яка, что вообще довольно таки утомительно. Я сидѣлъ себѣ спокойно, заложивъ руки въ карманы, и только время отъ времени поглядывалъ на anerоиды, стрѣлки которыхъ, въ эти два дня нашихъ тщетныхъ стремленій взобраться на отча ледяныхъ горъ, не много оставались въ покоѣ.

Нашъ маленькій караванъ медленно, упорно подымался

вверхъ, дѣлая сотни извилинъ по склону горы вдоль лѣваго бока ледника Чаль-тумакъ; склонъ этотъ былъ не слишкомъ крутъ. Яки пыхтѣли и сопѣли, высунувъ свои синіе языки.

Передъ восхожденіемъ на Мустагъ-ату 11 августа 1894. Авторъ, слуги его — киргизы и бекъ Тогла-бай.
(Съ фотографіи автора).

Это былъ тотъ-же самый покрытый щебнемъ кряжъ, по которому мы шли 9-го августа, и на томъ мѣстѣ, гдѣ мы

тогда остановились, мы сдѣлали теперь первый роздыхъ. Сейчасъ къ югу отъ этого мѣста ледяной покровъ образуетъ выступъ съ крутыми боками; у подножія его обрушившіеся куски льда смерзлись въ длинную ледяную глыбу. Къ часу дня мы достигли приблизительно 5,200 м. высоты. Снѣгъ лежалъ въ ущельяхъ небольшими клоками и только въ широкихъ впадинахъ и углубленіяхъ между скалами скоплялся въ большихъ массахъ. Снѣгъ былъ рыхлый, мокрый, таявшій на солнцѣ, такъ что почва мѣстами была сыра.

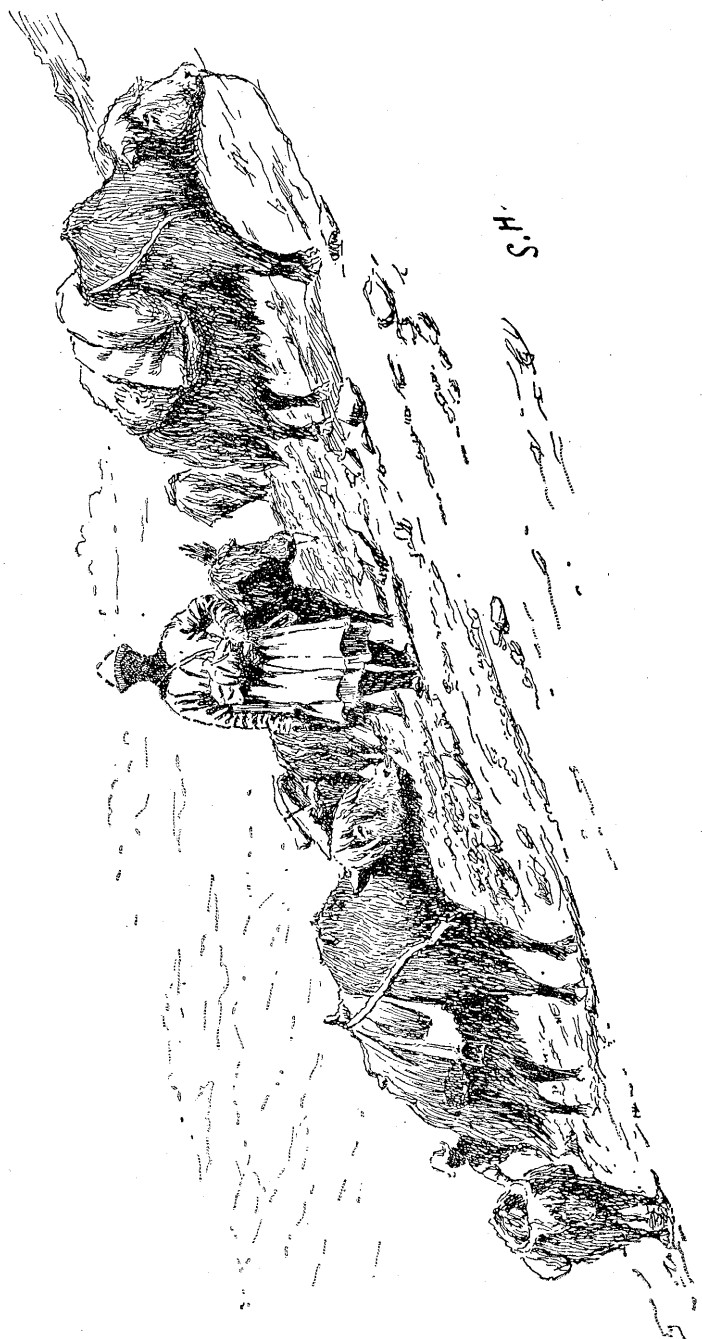
Наконецъ, голый кряжъ сузился въ настоящій клинъ, уходявшій подъ ледяной покровъ. Послѣдній не обрывается здѣсь круто, и самый край его настолько тонокъ, что мы безъ труда взобрались на него и двинулись по льду, запорошенному снѣгомъ. Яки сначала скользили и спотыкались, но скоро верхній снѣговой покровъ сталъ настолько толстъ, что они шли по нему такъ-же твердо и ровно; какъ недавно по щебню.

Вдругъ, справа, съ другой стороны ледника Чалъ-тумагъ послышался оглушительный грохотъ. Это оторвалась отъ нависшаго здѣсь края ледяного покрова глыба и покатила внизъ. Громадная голубоватая ледяная глыба разбила о выступъ скалы въ мелкій бѣлый порошокъ и, какъ мукой, обсыпала поверхность ледника. Въ воздухѣ долго стоялъ гулъ, словно послѣ удара близкаго грома; эхо повторяло его на сотни голосовъ между отвѣсными стѣнами скалъ, пока, наконецъ, не замерли послѣдніе отголоски и не наступила обычная тишина. Но легкая, ледяная игольчатая пыль долго еще носилась въ воздухѣ.

Намъ представился прекрасный случай наблюдать за дѣятельностью этого маленькаго ледника. Тяжелый ледяной покровъ сползаетъ съ краевъ скалъ, раскалывается по трещинамъ, и мощныя глыбы время отъ времени рушатся внизъ, чтобы, какъ мы сейчасъ видѣли, превратиться въ ледяную пыль и посыпать поверхность главнаго ледяного потока, на которомъ, такимъ образомъ, возникаетъ ледникъ-паразитъ.

Съ этой значительной высоты мы видѣли также въполнѣ ясно фирновое поле ледника Чалъ-тумака, принимающее со всѣхъ сторонъ отроги ледяного покрова.

Тамъ, гдѣ небольшія кучки мелкаго щебня были еще

Привалъ на склонѣ Мустагъ-ату.
Съ рисунка актора).

покрыты снѣгомъ, послѣдній таялъ на солнцѣ; инсоляціонный термометръ показывалъ въ полдень до 44.9° ; воздухъ былъ чистъ, небо ясно. Когда щебень прекратился, склонъ оказался одѣтымъ снѣжнымъ покровомъ въ 9 — 14 сант. толщины. Яки поэтому шли ровно, не спотыкаясь, хотя уголъ паденія склона и равнялся 24° .

Напали на слѣды четырехъ дикихъ козъ, которыя направлялись вверхъ къ двумъ голубымъ ледянымъ выступамъ; въ одномъ мѣстѣ изъ снѣга выглядывалъ скелетъ дикой козы.

Передъ нами и надъ нами разстилалась пустынная, ослѣпительно бѣлая ледяная поверхность. Мы знали, что ледяная кора насъ сдержитъ, но всетаки было жутко вступать въ эту невѣдомую, никогда не знавшую человѣческихъ слѣдовъ область, гдѣ, можетъ быть, ожидало насъ много опасностей, свойственныхъ этому царству льда.

Скоро мы и наткнулись на цѣлую систему поперечныхъ трещинъ; ширина ихъ, большею частью, однако, не превышала 1 фута. Иной разъ мы давали крюку, чтобы обойти ихъ, — обыкновенно онѣ суживались клиномъ въ обѣ стороны, иногда-же переходили черезъ нихъ по снѣжнымъ мостамъ, а иногда яки прямо переступали черезъ нихъ. Киргизы настаивали, чтобы мы шли по слѣдамъ козъ; мы такъ и сдѣлали; часто снѣжные мосты выдерживали, но часто также снѣгъ, выдержавшій легкихъ, быстроногихъ козъ, проваливался подъ тяжелой ступней яка.

Дальше мы съ часъ шли по области, изрѣзанной поперечными трещинами, представлявшими непріятные провалы и крутые обрывы. Въ большинствѣ случаевъ надо было сказать спасибо якамъ за то, что съ нами не случилось бѣды. Якъ, ступая передней ногой въ снѣгъ, скрывающій трещину, упирается носомъ въ другой ея край и такимъ образомъ выкарабкивается.

Ледъ былъ покрытъ здѣсь снѣгомъ въ 20 сант. глубины; скоро затѣмъ онъ достигъ глубины 40 — 50 сантим., и яки шлепали и подпрыгивали, пробираясь по сугробамъ. Трещины зато стали порѣже. Мы долго шли по довольно ровной мѣстности, видя надъ собой округленную макушку горы и, рассчитывая найти проходъ между высокими ледяными выступами, съ

голубоватыми блестящими краями и увѣнчанными снѣгомъ верхушками.

Ледяной покровъ былъ весь въ буграхъ и холмахъ, образуя волнистую поверхность. Мы то и дѣло то спускались, то подымались, и вотъ какъ разъ, когда мы находились на сравнительно плоской макушкѣ одного такого холма, якъ Моллы-Ислама, котораго послѣдній велъ во главѣ каравана, вдругъ упалъ и провалился. Изъ подъ снѣга торчали только правая задняя нога, рога и связка терескена.

Якъ провалился въ совершенно занесенную сверху снѣгомъ трещину въ метръ ширины и висѣлъ надъ зіяющей пропастью, сопя и жалобно мыча; полная неподвижность его показывала, что онъ вполне сознавалъ опасность своего положенія, такъ какъ шевельнись онъ только, онъ-бы ушелъ совсѣмъ въ суживавшуюся книзу трещину.

Произошла долгая остановка. Съ величайшими предосторожностями киргизы обмотали вокругъ роговъ и туловища яка веревки, привязали ихъ къ остальнымъ якамъ, затѣмъ люди ухватились за веревки и принялись тянуть изо всѣхъ силъ; едва-едва удалось вытащить тяжелое животное. Немного дальше повторилось то же самое съ тою лишь разницею, что яку удалось во время удержаться и выкарабкаться самому. Затѣмъ провалился одинъ изъ киргизовъ и повисъ надъ трещиной на рукахъ. Тутъ ужъ мы сочли за лучшее остановиться и произвести предварительно рекогносцировку по этому изрѣзанному предательскими трещинами льду.

Оказалось, что вся макушка холма, на которой мы находились, была покрыта цѣлою сѣтью трещинъ, идущихъ по всѣмъ направленіямъ и преграждающимъ намъ путь на всѣ стороны. Хуже всего было то, что мы открыли трещину въ 3—4 м. шириной и 6 м. глубиной; на днѣ ея были нагромождены большіе сугробы снѣга. Мы осторожно заглянули вглубь трещины и увидали, что она идетъ въ обѣ стороны, подобно громадному рву, на сѣверѣ достигаетъ ложа ледника Чалъ-тумака, а на востокѣ подошвы одного изъ высочайшихъ ледяныхъ выступовъ. Перейти черезъ нее или обойти ее было невозможно. Мы остановились и стали держать совѣтъ.

Снѣжный покровъ на льду достигалъ здѣсь 20 сант.

толщины и прикрывалъ трещины, словно туго натянутымъ брезентомъ; только надъ нѣкоторыми болѣе широкими онъ обрывался, или проваливался. Провалы, оставленные яками, представлялись зіяющими черными ямами, безъ дна. Но, взглянувъ въ эту тьму, можно было различить слабое голубоватое мерцаніе по бокамъ и бѣлый снѣгъ на днѣ; стѣны трещины состояли изъ прозрачнаго голубого льда; вода, образующаяся изъ тающаго снѣжнаго покрова, стекая внизъ, замерзала длинными ледяными иглами и сосульками, нависавшими надъ отверстіемъ. Самыя глубокія изъ этихъ трещинъ имѣли до 6.8 м. глубины.

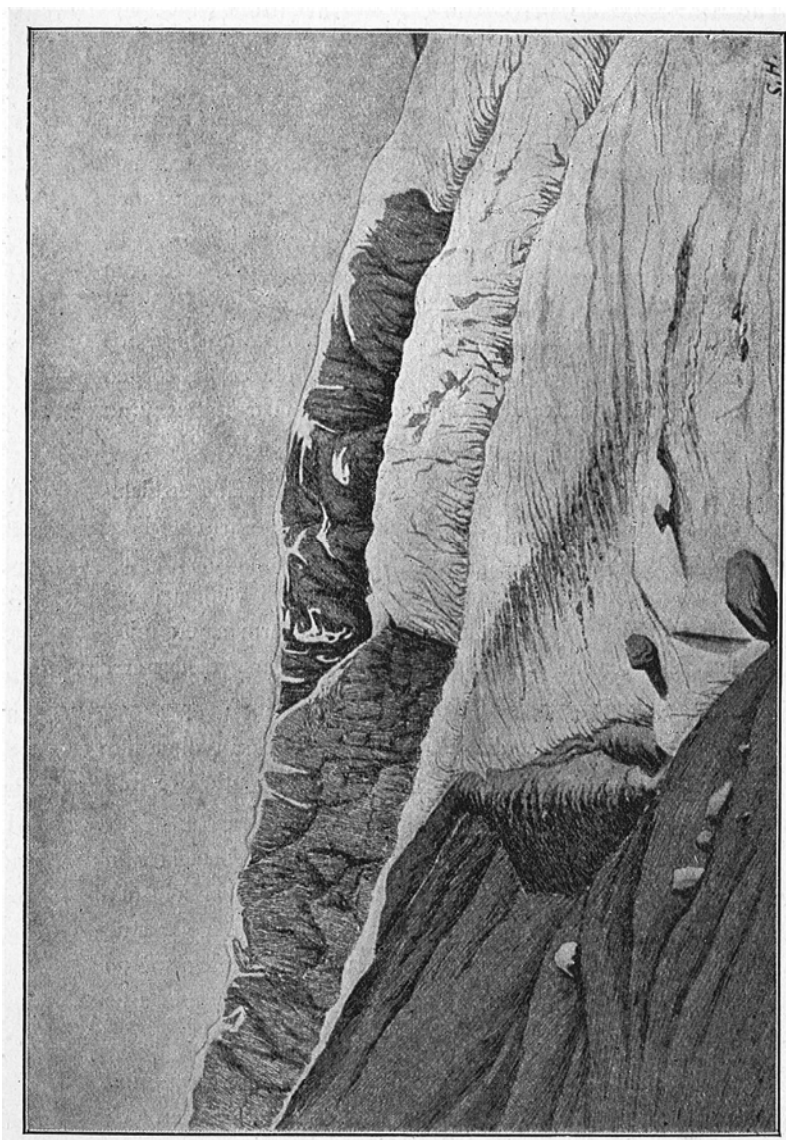
День клонился къ вечеру, и я еще разъ долженъ былъ рѣшиться отступить. Попытаться совершить на другой день отъ этого мѣста подъемъ на Мустагъ-ату было очевидно невозможно безъ особыхъ вспомогательныхъ снарядовъ, а ихъ-то у насъ и не имѣлось. Надъ нами высилась высочайшая изъ вершинъ горной группы, по крутымъ склонамъ которой сползалъ фирнъ, частью, чтобы образовать общее поле, питающее ледники, частью, чтобъ нагромоздиться на уступахъ и неровностяхъ настоящими торосами, стѣнами, башнями и кубами прозрачнаго льда. Пробраться черезъ этотъ хаосъ не было, какъ казалось, никакой возможности.

Оба подъема, совершенные нами по правой стѣнѣ ущелья ледника Ямбулака, вели насъ по несравненно болѣе удобопроходимымъ мѣстамъ, поэтому мы и рѣшили попытаться еще разъ начать подъемъ оттуда, прежде чѣмъ оставить горнаго великана въ покоѣ.

Такимъ образомъ на этотъ разъ мы достигли только 5,820 м. абс. высоты, тѣмъ не менѣе восхожденіе наше дало важные результаты для картографіи. Отсюда намъ были превосходно видны высшіе пояса, округленный куполъ горы и ледяной покровъ, который трудно разглядѣть снизу; отсюда мы могли прослѣдить отношенія этого ледяного покрова къ ледникамъ. Послѣдніе, являющіеся на самомъ дѣлѣ колоссальными ледяными потоками, кажутся съ этихъ высотъ ничтожными бѣлыми полосками.

Воскресенье 12 августа мы посвятили отдыху. Я, по обыкновенію, прочелъ утромъ главу изъ евангелія, а затѣмъ штудировалъ „Gletscherkunde“ (ледниковѣдѣніе) Гейма. По-

года мало располагала къ экскурсіямъ; въ воздухѣ стоялъ туманъ, дулъ сильный вѣтеръ, и гора была окутана густыми облаками. Всѣхъ своихъ людей я отпустилъ въ гости къ

Мѣсто слиянія трехъ рукавовъ ледника Тергенъ-булака.
(Съ рисунка автора).

беку Тогда-бай. Дома оставались только я съ Джолдашемъ, наслаждаясь нашимъ мирнымъ отдыхомъ, который кажется еще слаще, когда за дверями юрты воетъ буря и вѣтеръ свиститъ между глыбами моренъ. Среди этихъ пустынныхъ ледниковъ

гдѣ одинъ день въ общемъ былъ похожъ на другой, я никогда, однако, не страдалъ отъ одиночества.

Да и некогда было думать объ этомъ; я былъ занятъ по горло, и единственное, что мучило меня, была мысль, что лѣто быстро уходитъ и что я едва-ли успѣю выполнить всю намѣченную программу. Дни казались мнѣ слишкомъ короткими.

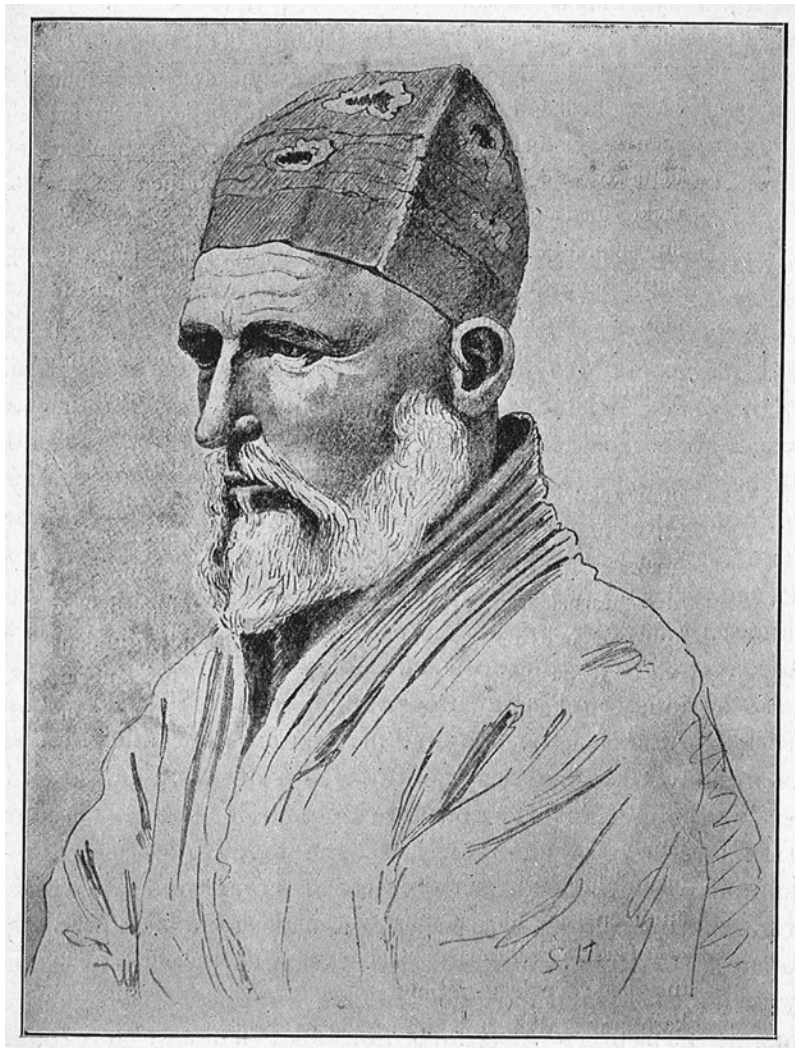
Вставъ поутру и одѣвшись, я прежде всего провѣрялъ метеорологическіе приборы, а Исламъ-бай въ это время приготавливалъ подносъ съ утреннимъ завтракомъ, который обыкновенно состоялъ все изъ однихъ и тѣхъ-же изысканныхъ блюдъ: „шашлыка“, рисоваго пуддинга и хлѣба; послѣдній мы или доставали у киргизовъ, или пекли сами. Шашлыкъ мнѣ вскорѣ до того надоѣлъ, что мнѣ глядѣть на него было тошно, и я питался однимъ рисомъ, да хлѣбомъ. Такимъ меню предстояло мнѣ довольствоваться еще два съ половиною года, вплоть до того, какъ я добрался до Пекина.

Иногда я вскрывалъ какую нибудь коробку съ консервами, но запасъ ихъ былъ у меня незначителенъ, а времени оставалось еще много, почему и приходилось расходовать эти деликатесы поэкономнѣе. Къ счастью рисъ и чай мнѣ не надоѣдали, и я чувствовалъ себя отлично на этой простой діетѣ. Чай всегда подавался съ яковымъ молокомъ или сливками, на которыя, къ нашему благополучію, нечего было скучиться. Табаку у меня былъ взятъ изъ Ташкента обильный запасъ; сигары составляли наименьшую его часть; главнымъ образомъ взятъ былъ табакъ для набиванья трубокъ и папиросъ. Признаюсь, я плохо-бы чувствовалъ себя, не будь со мной во время странствованій по ледникамъ моей вѣрной спутницы-трубочки.

Въ тѣ дни, когда погода не выпускала насъ изъ дому, у меня всегда находилось довольно домашней работы надъ картами, набросками, записками и проч.

Юрта внутри была такъ уютна, что я чувствовалъ себя совершенно „въ своемъ углу“. Посреди горѣлъ прямо на полу небольшой костеръ изъ терескена и яковаго помета; остальная часть пола была устлана войлоками. Противъ входа стояла моя постель, состоящая изъ двухъ палокъ, прикрѣпленныхъ концами къ ременнымъ ушкамъ ягдановъ, и натянутой между палками парусины. Вдоль стѣнъ былъ разстав-

ленъ остальной багажъ: ящики, мѣшки съ продовольствіемъ, посуда, оружіе, сѣдла, приборы и проч. Ълъ я только два раза въ день. Вечеромъ подавалось то же самое, что и утромъ.

Бекъ Тогда-бай.
(Съ рисунка автора).

Улегшись въ постель, я обыкновенно читалъ еще нѣсколько времени при свѣтѣ стеариновой свѣчи какой нибудь номеръ шведской газеты, старой, престарой и, тѣмъ не менѣе,

казавшейся мнѣ въ высшей степени интересной. Каждый столбецъ въ ней приковывалъ мое вниманіе. Затѣмъ, я засыпалъ и спалъ, словно убитый, — какъ-бы тамъ ни бушевалъ вѣтеръ и ни вылъ по волкамъ Джолдашъ — вплоть до утра, когда меня будилъ Исламъ-бай.

XV.

Лунная ночь на высотѣ 6,300 м. надъ уровнемъ моря.

Я надѣюсь, что не слишкомъ утомляю читателя этимъ, можетъ быть, нѣсколько однообразнымъ описаніемъ ледниковъ. Мнѣ казалось, что я обязанъ развить эту тему поподробнѣе, такъ какъ дѣло идетъ здѣсь о совершенно неизвѣстной области, гдѣ каждый шагъ открывалъ что-нибудь новое. Только ледникъ Ямбулакъ былъ однажды въ 1889 г. посѣщенъ геологомъ Богдановичемъ. Мнѣ-же хотѣлось изслѣдовать и нанести на карту всѣ ледники Мустагъ-аты. Теперь мнѣ остается упомянуть еще о нѣсколькихъ.

13-ое августа было посвящено изслѣдованію ледника Чумъ-каръ-кашка. Мы отправились вдоль огромныхъ береговыхъ и конечныхъ моренъ ледника Тергенъ-булака, по сильно пересѣченной, частью покрытой слабой растительностью, частью заваленной щебнемъ мѣстности. По сосѣдству отъ названнаго выше ледника мѣстность начинаетъ повышаться, постепенно переходя въ перевалъ Улугъ-рабатъ и образуя водораздѣлъ. Ручьи, питаемые ледникомъ Чумъ-каръ-кашка, текутъ на сѣверъ въ озеро Малый Кара-куль, а ручьи, вытекающіе изъ подъ ледяного покрова, къ югу и стекаютъ въ маленькое озеро Гальчотокъ, а оттуда дальше къ югу въ Яркендъ-дарью. Около озера расположенъ аулъ изъ шести юртъ, подвластныхъ бекамъ Тагармы.

Ледникъ Чумъ-каръ-кашка походитъ на ледникъ Кемпиръ-кышлакъ и, подобно послѣднему, имѣетъ уклонъ направо. Правая береговая морена ничтожныхъ размѣровъ, лѣвая

значительныхъ. Мысъ ледника представляетъ ровный холмъ безъ особенно большихъ трещинъ; только краевыя трещины довольно значительны. По направленію этихъ трещинъ, обыкновенно впадая въ нихъ, струится множество прозрачныхъ ручейковъ изъ растаявшаго снѣга. Самый большой изъ нихъ имѣлъ цѣлыхъ 90 сантим. ширины и 23 сантим. глубины, температура его равнялась 0.02°. Ледяное русло его, по которому вода течетъ безъ всякаго шума, имѣетъ гладко отполированные бока чуднаго голубого цвѣта. Въ общемъ поверхность ледника отличается пористостью и рыхлостью; камни глубоко всасываются въ нее, образуя на ней зияющія ямы. Для ходьбы-же эта ледяная поверхность, представляющая настоящій хаосъ торчащихъ иголь или бугорковъ, очень удобна; идешь, какъ по снѣгу.

Взбираться вверхъ по леднику было поэтому не трудно, зато спускаться внизъ по лѣвому его боку — дѣло другое, такъ какъ послѣдній приподнятъ на значительную высоту, рѣзко очерченъ и образуетъ крутые высокіе уступы. Кромѣ того на льду здѣсь множество лужъ, достигающихъ метра въ діаметрѣ, имѣющихъ нѣсколько дециметровъ глубины и даже дномъ затянутыхъ тонкою ледяною корой. Въ этихъ лужахъ легко поэтому принять ножную ванну во время прогулки по леднику. Мы поставили здѣсь измѣрительные шесты, чтобы опредѣлить со временемъ скорость поступательнаго движенія ледника.

14 августа мы двинулись вверхъ вдоль лѣвой береговой морены ледника Тергенъ-булака, а затѣмъ по несомой ледникомъ боковой моренѣ, по которой потомъ и спустились обратно къ конечной. Обѣ боковыя морены громадныхъ размѣровъ, но начинаются только въ нижнемъ теченіи ледяной рѣки, гдѣ онѣ выступаютъ сначала узкими черными клиньями, постепенно расширяющимися и, наконецъ, около оконечности ледяного мыса становятся грядой колоссальныхъ глыбъ и камней.

Тергенъ-булакъ работалъ во всю и трещалъ по всѣмъ швамъ. Трескъ и выстрѣлы не умолкали, большія глыбы съ страшнымъ грохотомъ обрушивались въ трещины, время отъ времени образовывались новыя расщелины, а между ледникомъ и боковыми моренами бѣжали, пѣнясь, рѣзвые, обильные водой ручейки. Лѣвая изъ боковыхъ моренъ имѣла въ нижнемъ

теченіи ледяного потока около 400 м. ширины и вначалѣ была удивительно ровна и удобна для перехода.

Постепенно эта гряда камней и глыбъ достигаетъ значительной высоты по сравненію съ поверхностью ледника; въ тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ морена представляетъ еще тонкій слой камней, ледъ проглядываетъ между ними въ видѣ иголь, клинковъ и пикъ. Дѣло въ томъ, что камни всосались въ ледъ, который только и виденъ въ промежуткахъ между ними; это обстоятельство и придаетъ мѣстности кочковатый, бугристый характеръ.

Мы прямо запутались въ этомъ лабиринтѣ моренныхъ уваловъ, ледяныхъ пирамидъ и ущелій. Пересѣкши морену, мы должны были пересѣчь среднее теченіе ледника, и началось полное приключеній странствованіе въ сумеркахъ, быстро смѣнившихся темнотой. Дорога стала такая тяжелая, что мы предпочли слѣзшиться и принялись перепрыгивать черезъ трещины и ручьи. Киргизы гнали яковъ передъ собой, и любо было смотрѣть, съ какой ловкостью тѣ карабкались по крутымъ ледянымъ уступамъ, высотой въ метръ; намъ, чтобы взобраться на нихъ, приходилось вырубать во льду ступеньки.

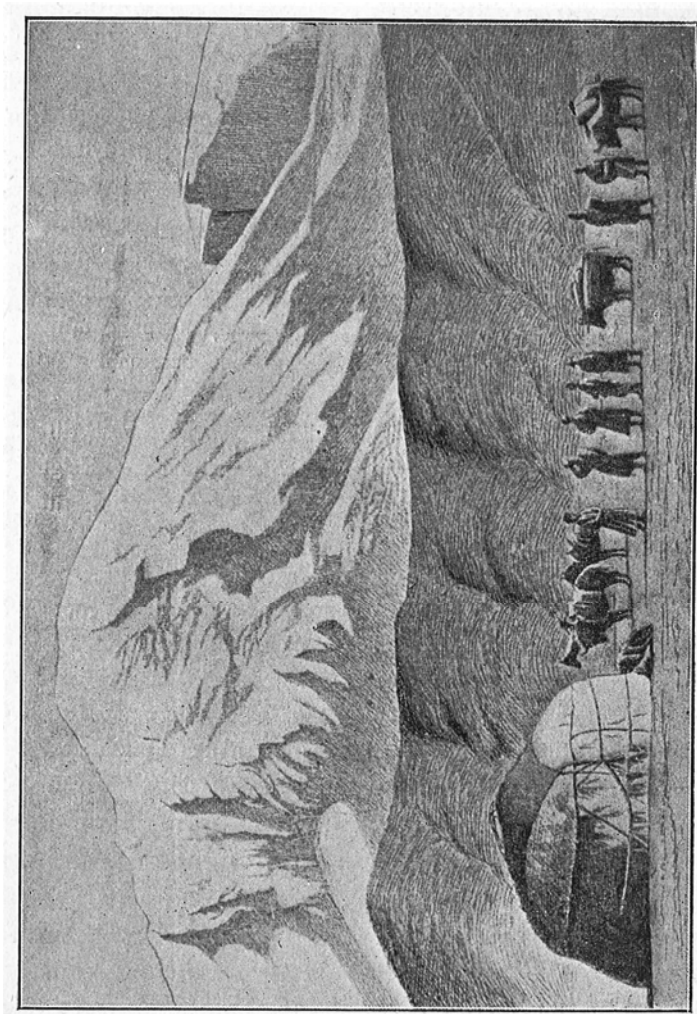
Наконецъ, мы достигли правой боковой морены; тутъ мы нашли на льду много маленькихъ озеръ. Обѣ боковыя морены заходятъ за середину ледяного потока, такъ какъ прикрываемый ими ледъ, защищенный отъ растопляющихъ лучей солнца, дольше не таетъ. Внизу у края ледника намъ предстояло пересѣчь цѣлый рядъ старыхъ конечныхъ моренъ, напоминающихъ крѣпостные валы и прорѣзанныхъ рѣкой.

Стало темно, и мнѣ приходилось слѣдовать по пятамъ за однимъ изъ киргизовъ, чтобы видѣть, куда ступаю. Другой киргизъ подгонялъ яковъ, а третій розыскивалъ одного изъ нихъ, отставшаго и заблудившагося между моренами; нашли его, однако, только на слѣдующій день. Послѣ многихъ мытарствъ и усилій мы таки счастливо добрались до лагеря.

Между прочимъ, въ лѣтнюю программу входила и экскурсія на Памиръ, и такъ какъ теперь нѣкоторые продукты продовольствія, главнымъ образомъ, чай и сахаръ подходили къ концу, то мы и рѣшили соединить научную экскурсію съ фуражировкой и заглянуть на Памирскій постъ. На такую экскурсію должно было пойти не меньше мѣсяца, такъ что раньше

осени намъ не удалось-бы вернуться назадъ къ Мустагъ-атѢ, поэтому мы и задумали предварительно сдѣлать еще одну попытку достигнуть вершины въ два дневныхъ перехода.

15 августа мы отправились по хорошо знакомому пути

Высочайшая вершина Мустагъ-агы; видъ съ запада.
(Съ плоскогорья агора).

къ мѣсту старой нашей стоянки и, прибывъ туда, несмотря на сильный градъ и вѣтеръ, занялись приготовленіями къ выступленію на слѣдующее утро.

Взявъ съ собою все нужное на два дня, десять яковъ и шестерыхъ киргизовъ, не считая моего вѣрнаго Исламъ-бая, я

16 августа въ четвертый разъ попытался взойти на Мустагъ-ату, по тому-же склону, по которому мы поднимались 18 апрѣля и 6 августа. Достигнувъ снѣговой линіи, мы отправились по старымъ нашимъ слѣдамъ, служившимъ намъ нѣкоторой гарантіей противъ несчастныхъ случаевъ. Тропу было ясно видно. Она шла зигзагами круто вверхъ, по краю правой стѣны ледниковаго ущелья.

Такъ какъ снѣговой покровъ былъ вначалѣ тонокъ, то наши старые слѣды обратились въ круглыя проталины, въ которыхъ проглядывалъ щебень. Повыше, каждый слѣдъ былъ затянута голубовато-зеленымъ ледкомъ, а еще выше послѣдній былъ запорошенъ снѣжною пылью. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и тропа оказывалась заметной, но различить ее всетаки было можно. Во все эти десять дней снѣгу здѣсь, слѣдовательно, не выпадало.

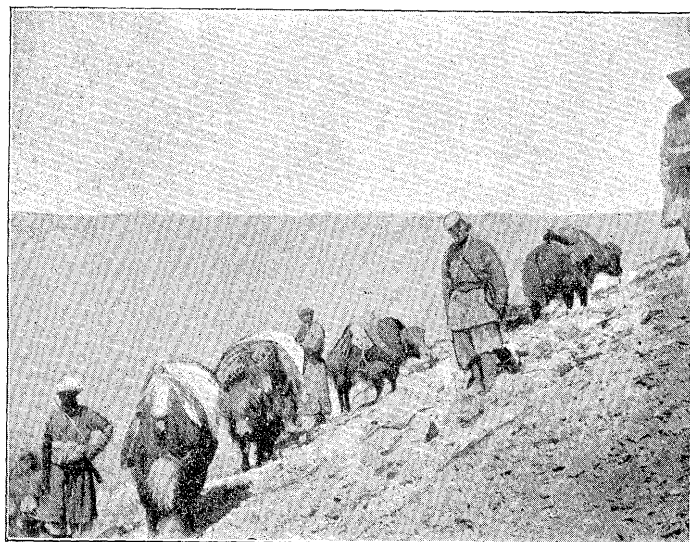
Съ Исламъ-баемъ и однимъ изъ киргизовъ достигъ я того мѣста, гдѣ мы остановились 6-го августа. Остальные потихоньку тащились сзади съ Тохимъ-баемъ во главѣ. Когда все были въ сборѣ, мы посоветовались и рѣшили заночевать тутъ, около выглядывавшихъ изъ снѣгу небольшихъ каменистыхъ островковъ. Яковъ привязали къ сланцевымъ глыбамъ и затѣмъ киргизы расчистили, насколько было возможно, отъ щебня, повсюду покрытаго снѣгомъ, мѣстечко для юрты. Послѣдняя была очень миниатюрна; мѣста для спанья въ ней хватало всего на троихъ, дымоваго отверстія вовсе не было, конусообразный остовъ ея состоялъ попросту изъ жердей, связанныхъ верхними концами вмѣстѣ.

Какъ мы ни старались уравнивать лопатами почву, юрта всетаки очутилась на покатоности, и ее пришлось прикрѣпить арканами къ двумъ глыбамъ сланца. Вечеромъ въ теченіе часа дулъ слабый вѣтеръ, время отъ времени обдававшій юрту облаками крутящейся снѣжной пыли, набивавшейся во все щели и отверстія нашего убѣжища. Киргизы поэтому обнесли юрту валомъ изъ снѣга.

Сначала мы чувствовали себя хорошо; мы развели большой костеръ изъ терескена и яковаго помета; огонь отлично согрѣлъ насъ, и наши застывшіе члены отошли. Зато юрта наполнилась удушливымъ дымомъ, который ѣлъ глаза и очень медленно выходилъ въ открытое входное отверстіе. Снѣгъ на

полу въ юртѣ растаялъ, но когда костеръ погасъ, все покрылось ледяной корой.

Киргизы начали жаловаться на головную боль, и двое стали проситься назадъ; я разрѣшилъ имъ это тѣмъ охотнѣе, что они, очевидно, не годились для дальнѣйшаго труднаго странствованія. Изъ другихъ болѣзненныхъ симптомовъ, надо отмѣтить неумолчный звонъ въ ушахъ, нѣкоторую глухоту, ускоренный пульсъ, пониженіе температуры тѣла, полную бессонницу (вызванную, вѣроятно, головной болью, которая подъ утро стала нестерпимой) и, наконецъ, приступы одышки.

Отдыхъ яковъ при восхожденіи на Мустагъ-ату.
(Съ фотографіи автора).

Киргизы стонали всю ночь. Тулупы казались страшно тяжелыми, дышать въ лежачемъ положеніи становилось затруднительно, сердце билось неровными сильными толчками. На чай и хлѣбъ охотниковъ не нашлось, и когда насъ сразу охватилъ мракъ ночи, въ киргизахъ стало замѣтно глухое неудовольствіе. Они, вѣдь, не больше моего привыкли проводить ночи на высотѣ 20,000 ф., въ 21 разъ превосходящей высоту Эйфелевой башни.

Болѣе величественнаго мѣста стоянки у меня, однако, никогда не было; мы находились на покрытомъ снѣгомъ склонѣ одной изъ высочайшихъ горъ въ свѣтѣ, у подножія

которой лежали окутанные покрываломъ ночи ледниковые мысы, ручьи и озера, и вмѣстѣ съ тѣмъ на порогѣ одного изъ самыхъ фантастическихъ ледяныхъ царствъ. Стоило сдѣлать нѣсколько шаговъ, чтобы свалиться въ зіяющую голубую ледяную пропасть, глубиною въ 400 м.

Я ожидалъ живописнаго заката солнца, но онъ не представилъ ничего особеннаго. Солнце сѣло въ облакахъ, озаренныхъ оранжевымъ сіяньемъ, которое горѣло и долго спустя послѣ захода солнца; на этомъ фонѣ горы Памира рисовались рѣзкими темными тѣнями. Вся долина Сары-коль давно лежала окутанная тѣнями, когда солнце еще обливало прощальными лучами вершину Мустагъ-аты.

Скоро и нашъ лагерь погрузился въ темноту; вершина горы еще горѣла съ минуту, словно огненный конусъ вулкана, затѣмъ померкла и она.

Я вышелъ ночью изъ юрты прогуляться и полюбоваться восхожденіемъ полной луны. Мы были недалеко отъ царства безконечнаго простора, начинающагося за вершинами высочайшихъ горъ, и царица ночи сіяла здѣсь такимъ ослѣпительнымъ блескомъ, что съ трудомъ можно было глядѣть на нее. Тихо, величественно плыла она надъ темными крутыми уступами скалъ на противоположномъ берегу ледника. Послѣдній лежалъ въ тѣни, глубоко въ пропасти. Время отъ времени слышался словно глухой выстрѣлъ трескавшагося льда или грохотъ оторвавшейся отъ края ледяного покрова глыбы.

Луна лила серебряный свѣтъ на нашъ лагерь и производила чисто фантастическій эффектъ. Черные силуэты яковъ, съ понуренными головами, рѣзко выдѣлялись на бѣломъ снѣгу, неподвижные и молчаливые, какъ тѣ камни, къ которымъ они были привязаны; время отъ времени слышался только лязгъ ихъ челюстей, или хрустъ снѣга подъ ихъ копытами. Трое киргизовъ, которымъ не хватило мѣста въ юртѣ, развели себѣ огонь между большими глыбами, а, когда онъ погасъ, вернулись въ тулупы и прикурнули вокругъ, подогнувъ колѣни и уткнувъ голову въ снѣгъ, напоминая летучихъ мышей въ зимнее время.

Не смотря на яркій лунный свѣтъ, ориентироваться и различить мѣста въ долинѣ Сары-коль было не легко. Съ трудомъ разглядѣлъ я темные яйлаки: Кемпиръ-кышлакъ, Ямбу-

лакъ и Су-баши, ихъ орошенные ледниковыми ручьями луга и слабо очерченные контуры озера Малаго Кара-куля. Все остальное вплоть до вершинъ горъ Памира сливалось въ общій хаосъ, въ которомъ нельзя было различить ничего.

Самая красивая картина рисовалась въ той сторонѣ, откуда свѣтила луна. Очарованный ею, я стоялъ, какъ прикованный. Никакое перо или кисть не въ состояніи изобразить этой волшебной картины. Самый рельефъ окружающей мѣстности дѣлаетъ ее своего рода архитектурнымъ шедевромъ. Здѣсь тянется ущемленный между покрытыми снѣгомъ и льдомъ ска-

Нашъ лагерь на самой высшей точкѣ — 6,300 м.
надъ уровнемъ моря.
(Съ фотографіи автора).

лами голубоватый ледникъ, тамъ вздымается къ небу пятиглавый великанъ-гора. Скалистая стѣна прямо передъ нами окутаны такимъ мракомъ, что съ трудомъ можно различить, гдѣ кончается свѣтлый ледяной покровъ, одѣвающій ея вершину, и гдѣ выступаютъ черныя скалы.

Надѣво, на нѣсколько сотъ метровъ выше нашего лагеря, купается въ лунномъ свѣтѣ фирновое кольцо ледника. По его темному гребню на юго-востокѣ прыгаютъ окутанныя въ бѣлую дымку горныя рѣчки. Легкія облачка, гонимыя слабымъ южнымъ вѣтромъ, группируются около луны кольцами, отли-

вающими цвѣтами радуги, вѣнцами и другими быстро смѣняющимися другъ друга фигурами.

Фантазіи не трудно превратить эти облака въ какіе угодно образы: въ призраки въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, гонящіе другъ друга, въ танцующихъ эльфовъ, играющихъ горныхъ троллей, въ свадебную процессію горныхъ духовъ, въ души умершихъ, уносящихся съ земли въ лучшіе міры. Вотъ какъ будто показался тотъ самый бѣлый верблюдъ, который, по преданію, унесъ дервиша съ вершины Мустагъ-аты, а вотъ сорокъ всадниковъ, помогавшихъ хану Ходжѣ въ битвѣ съ китайцами, вотъ счастливый сказочный городъ Джанайдаръ, основанный на вершинѣ горы еще въ золотой вѣкъ, когда люди не знавали никакого горя.

Забывая о холодѣ, стоишь, не въ силахъ оторваться отъ этой чудной фантастической вереницы мелькающихъ, смѣняющихся одинъ другой воздушныхъ образовъ.

Кругомъ тишина, эхо не откликается между скалистыми стѣнами по ту сторону. Рѣдкій воздухъ не шелохнется, нуженъ обвалъ лавины, чтобы привести его въ сотрясеніе. Виденъ паръ отъ дыханія яковъ, но самаго дыханія не слышно. Они стоятъ неподвижно, не издавая ни звука. Странное ощущеніе овладѣваетъ душой. Какъ-то трудно усвоить себѣ, что подъ твоими ногами лежатъ четыре части свѣта и, что, если-бы провести прямую линію вокругъ земного шара черезъ ту точку, на которой находишься ты, то линія эта срѣзала-бы липъ нѣкоторыя изъ высочайшихъ вершинъ Азіи и Южной Америки. Здѣсь было предверіе безмолвнаго, холоднаго, безграничнаго мірового воздушнаго океана!

Когда я вошелъ въ юрту, Исламъ-бай и Гехимъ-бай молча сидѣли, закутанные въ тулупы, возлѣ тлѣющаго костра. Мы всѣ трое стучали зубами отъ холода, снова развели костеръ, и юрта опять наполнилась ѣдкимъ дымомъ. Когда вечернія наблюденія были закончены, мы закутались въ тулупы и войлочные ковры, огонь погасъ, и только луна любопытно заглядывала во всѣ щели юрты.

Казалось, конца не будетъ этой долгой, тяжелой ночи. Какъ мы ни ежились, упираясь колѣнами въ самый подбородокъ, невозможно было сохранить теплоту тѣла. Холодъ становился все чувствительнѣе, тѣмъ болѣе, что юго-за-

падный вѣтеръ съ часу на часъ усиливался. Никто глазъ не сомкнулъ во всю ночь. Только уже подъ утро я какъ будто впалъ въ дремоту, но то и дѣло пробуждался отъ недостатка воздуха и дѣлалъ судорожныя вдыханія. Люди мои стонали, точно на ложѣ пытки, и не столько отъ холода, сколько отъ все усиливавшейся головной боли.

Наконецъ, взошло солнце, но озаренный имъ новый день оказался для насъ крайне неудачнымъ. Юго-западный вѣтеръ перешелъ почти въ ураганъ, взвивалъ густыя облака мелкаго

Фирновое поле ледника Ямбулакъ.

(Съ рисунка автора).

снѣга. Киргизы, проведеншіе ночь внѣ юрты, чуть не окоченѣли совсѣмъ и еле втащились въ юрту, гдѣ былъ разведенъ большой костеръ. Всѣ были больны, унылы, никто не говорилъ, никто не ѣлъ. Я даже едва дотронулся до чаю, котораго такъ и не удалось сдѣлать горячимъ. Яки не двигались, точно застыли на своихъ мѣстахъ съ вечера.

Вершина горы была окутана непроницаемой пеленой снѣжныхъ вихрей. Нечего было и думать продолжать сегодня подъемъ; это значило-бы искушать Бога. Намъ пришлось-бы пробираться въ ужасный буранъ по невѣдомой мѣстности,

можетъ быть, усѣянной трещинами, и, чего добраго, заблудиться и погибнуть. Я сразу убѣдился въ невозможности покорить на этотъ разъ горнаго великана, но, всетаки, хотѣлъ испытать своихъ людей, велѣвъ имъ готовиться къ подъему. Никто не вымолвилъ слова, всѣ разомъ встали и начали приготовления, но, видимо, были очень обрадованы, когда я отмѣнилъ приказъ.

Стоило кому нибудь высунуть носъ изъ юрты, чтобы тотчасъ-же живо спрятать его опять. Въ юртѣ, по крайней мѣрѣ, мы были защищены отъ вѣтра, который пронизывалъ до костей сквозь всѣ тулупы, мѣховыя шапки и валенки. Я, однако, крѣпко надѣялся, что вьюга уляжется къ полудню, и можно будетъ продолжать подъемъ. Увы! она все усиливалась, и въ полдень стало ясно, что день пропалъ. Три киргиза должны были заняться уборкой палатки и навьючиваньемъ яковъ, а я, Исламъ и Техимъ, напяливъ на себя все, что только нашлось подъ рукой, сѣли на яковъ и быстро покатали внизъ по сугробамъ. Яки неслись по крутизнамъ прямо безъ оглядки, ныряли, точно выдры въ сугробахъ, и, не смотря на всю свою тяжеловѣсность, ни разу не поскользнулись, не упали.

Сидя верхомъ на якѣ, чувствуешь себя ѣдущимъ въ сильныя волны въ валкой ладѣ, и надо ужъ пенять на себя, коли не твердѣ въ колѣняхъ. Часто приходится совсѣмъ опрокидываться назадъ, спиною на спину яка, и балансировать всѣмъ корпусомъ въ тактъ неожиданнымъ, но всегда ловкимъ, увѣренными движеньями животнаго.

Какъ пріятно было, оставивъ за собою послѣднія сугробы снѣга, снова завидѣть нашъ лагерь, лежавшій внизу въ глубинѣ. Тамъ ждали насъ давно желанный обѣдъ и горячій чай, вернушіе жизнь нашимъ членамъ; затѣмъ мы улеглись каждый въ своемъ углу и заснули крѣпкимъ сномъ. Весь слѣдующій день мы, однако, чувствовали себя, точно выздоравливающіе послѣ продолжительной болѣзни.

Итакъ, я четыре раза неудачно пытался взойти на вершину Мустагъ-агы, но не могу сказать, чтобы это было абсолютно невозможно. Совершить этотъ подъемъ съ того склона, съ котораго пытались мы 11 августа, дѣйствительно невозможно безъ особыхъ приспособленій. Но за крутымъ выступомъ, котораго мы достигли 18 апрѣля, 6 и 16 августа,

не видѣлось — насколько я могъ различить въ бинокль — никакихъ непреодолимыхъ препятствій къ подъему. Оттуда, имѣя здоровыя легкія, можно добраться до сѣверной вершины, однако, не самой высокой въ группѣ Мустагъ-аты, но соединяющейся съ таковой отлогимъ гребнемъ. Между этими вершинами и подъ ними простирается огромное фирновое поле ледника Ямбулака. Насколько доступна для перехода эта область — другой вопросъ. По всей вѣроятности, она изрѣзана трещинами, а самый фирнъ образуетъ такой мощный покровъ, что переходъ черезъ него занялъ-бы нѣсколько дней. Счастливые обитатели сказочнаго Джанайдара отгородились отъ остального міра неприступными укрѣпленіями.

Чтобы прослѣдить вліяніе разрѣженнаго воздуха на функции человѣческаго организма, я измѣрялъ на различныхъ высотахъ температуру тѣла и пульсъ у самого себя (29 лѣтъ отъ роду), у сарга Исламъ-бая (43 года) и у кипчакъ-киргиза Гехимъ-бая (40 лѣтъ). Вотъ нѣкоторые результаты этихъ измѣреній:

		Температура.	Пульсъ.	
28 іюня, въ 10 ч. вечера.	{ я	36°С.	98	} 4,100 м.
	{ Исламъ.	36.4°	92	
	{ Гехимъ .	35.6°	66	
29 іюня, въ 10 ч. вечера.	{ я	35.5°	88	} 4,400 м.
	{ Исламъ.	36.3°	92	
	{ Гехимъ .	35.3°	74	
5 августа, въ 9 ч. вечера.	{ я	36°	88	} 4,400 м.
	{ Исламъ.	36.4°	90	
	{ Гехимъ .	36.6°	84	
6 августа, въ 12 ч. пополу- дню	{ я	35.5°	86	} 5,300 м.
	{ Гехимъ .	35.6°	82	
	{ Исламъ.	35.6°	82	
11 августа, въ 2 ч. пополу- дню	{ я	36.2°	94	} 5,700 м.
	{ Исламъ.	35.6°	86	
	{ Гехимъ .	35.9°	84	
16 августа, въ 8 ч. вечера.	{ я	35.35°	106	} 6,300 м.
	{ Исламъ.	36.62°	98	
	{ Гехимъ .	36.65°	116	
17 августа, въ 9 ч. вечера.	{ я	36.12°	102	} 4,400 м.
	{ Исламъ.	36.6°	82	
	{ Гехимъ .	36.72°	84	

Хотя таблица эта страдаетъ неполнотой, можно принять за правило, что температура тѣла падаетъ, а пульсъ усиливается по мѣрѣ подъема. Усталость дѣйствуетъ, однако, такъ, что и по переходѣ изъ высшихъ поясовъ въ низшіе пульсъ нѣкоторое время продолжаетъ биться ускоренно.

У меня колебанья температуры тѣла не превышали обыкновенно $\frac{1}{2}^{\circ}\text{C}$, а пульсъ продолжалъ биться довольно ровно; вѣроятно, зависѣло это отъ того, что я тщательно избѣгалъ всякаго лишняго усилія. Люди-же мои, напротивъ, шли иногда пѣшкомъ. Самыя сильныя колебанія замѣчались у киргиза Техимъ-бая. На высотѣ 4,100 м. число ударовъ пульса достигало у него 66, на высотѣ 6,300 м. 116, т. е. на 2,200 м. разницы въ высотѣ явилась разница въ 50 ударовъ.

Неправильные скачки въ таблицѣ объясняются многими побочными обстоятельствами, какъ-то: болѣе или менѣе усиленными движеніями, большею или меньшею чувствительностью къ разрѣженности воздуха, случайнымъ нездоровьемъ и т. п. Я, впрочемъ, всегда производилъ измѣренія послѣ довольно продолжительнаго отдыха, когда одышка, усиленное выдѣленіе пота, ускоренное дыханье и сердцебіеніе, а также усталость уже имѣли время улечься.

Опытъ научилъ насъ, что невозможно въ одинъ день совершить подъемъ на вершину, но мы убѣдились также и въ томъ, что крайне непрактично ночевать на высотѣ 20,000 ф.—такая ночь сильно отзывается на физическомъ и нравственномъ самочувствіи.

Лучшимъ средствомъ достигнуть вершины было бы, безъ сомнѣнія, отправиться яснымъ тихимъ утромъ въ началѣ іюля изъ лагеря на 5,000 м. высоты и совершить подъемъ въ одинъ день. Яками слѣдуетъ пользоваться до послѣдней возможности, а, когда они откажутся идти, продолжать путь пѣшкомъ. Къ сожалѣнію, я не могъ больше повторять своихъ попытокъ отчасти изъ-за поздняго времени года, отчасти изъ-за дурной погоды.

Во всякомъ случаѣ, если хотятъ удачи, подъемъ долженъ начаться изъ долины Сары-коль отъ западной подошвы горы, т. е. съ высоты 12,000—13,000 футовъ; этотъ склонъ не такъ крутъ. Напротивъ, съ востока, юга и сѣвера гора прямо неприступна.

Если-бы на подъемъ отважился бывалый и хорошо подготовленный альпинистъ въ сопровожденіи закаленныхъ и опытныхъ проводниковъ-швейцарцевъ, онъ навѣрное достигъ-бы очень значительной высоты, а, можетъ быть, и сѣверной вершины. Но даже и проводникъ швейцарецъ, какъ-бы онъ ни былъ опытенъ, очутится здѣсь совершенно въ неизвѣстныхъ для него условіяхъ, такъ какъ вершина Мустагъ-аты на 9,000 ф. выше высочайшихъ вершинъ Европы.

Итакъ, прощай, отецъ ледяныхъ горъ, мощный властелинъ великановъ Памира, являющійся узломъ высочайшихъ хребтовъ свѣта и шпичемъ на „крышѣ міра“, точкой, гдѣ Кунь-лунь, Кара-корумъ, Гинду-ку и Тянь-шань протягиваютъ другъ другу руки. Продолжай сіять маякомъ для блуждающихъ по пустынѣ. Посылай освѣжающее вѣяніе съ своихъ снѣжныхъ вершинъ изнывающему отъ лѣтняго зноя въ пустынѣ страннику, и пусть оживляющіе источники, рождающіеся въ твоемъ лонѣ, журчанье которыхъ я слышу сейчасъ, продолжаютъ тысячелѣтія свою отчаянную борьбу съ все душающимъ пескомъ!

XVI.

Новое путешествіе по Памиру.

18 августа послѣдній разъ побывали на ледникѣ Ямбулакъ. Надо было провѣрить положеніе шестовъ, водруженныхъ нами въ ледъ 3 августа.

Оказалось, что они едва едва подвинулись за эти двѣ недѣли. Чѣмъ ближе къ серединѣ ледника, тѣмъ, однако, передвиженіе ихъ сказывалось замѣтнѣе, доходя даже до 0.304 м. въ день.

Интересное наблюденіе было сдѣлано по близости береговой морены. Ледникъ здѣсь расширяется, а во льду, поближе къ берегу, образуется встрѣчный потокъ, который по происхожденію и дѣятельности походитъ на прибрежный рѣчной водоворотъ; срокъ времени, нужный вообще для кон-

статированья движенія этого встрѣчнаго потока, является въ сравненіи съ его величиной, однако, очень продолжительнымъ, и нагроможденіе льда, которое должно было-бы явиться слѣдствіемъ водоворота, успѣваетъ отчасти парализоваться разрушающимъ дѣйствіемъ атмосферы.

Внѣшній видъ льда сильно измѣнился. Въ послѣднее наше посѣщеніе ледникъ былъ покрытъ снѣгомъ и крупной; теперь онъ былъ обнаженъ и выставлялъ наружу острия ребра, глубокія впадины, просверленныя всосавшимися въ ледъ камнями; идти по леднику было поэтому очень скользко и затруднительно.

На обратномъ пути мы наблюдали явленіе, котораго до сихъ поръ не замѣчали. Около правой береговой морены ледника Ямбулакъ находится глубокая разсѣлина, образовавшаяся отъ землетрясенія и простирающаяся отъ мыса ледника Большого Кемпиръ-кышлака почти до того мѣста, гдѣ были произведены нами измѣренія. Разсѣлина мѣстами ординарная, мѣстами двойная, напоминаетъ формой ровъ; глубина ея доходитъ почти до 5 м., а ширина 15—20 м. Дно разсѣлины усѣяно щебнемъ, пескомъ и землистыми частицами, обрушившимися туда съ теченіемъ времени.

Оба края разсѣлины постоянно имѣютъ одинаковый уровень. Правая-же береговая морена ледника Ямбулакъ обнаруживаетъ рѣзкое пониженіе въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта разсѣлина проходитъ подъ ней. Киргизы сообщали, что разсѣлина образовалась послѣ сильнаго землетрясенія, бывшаго 18 лѣтъ тому назадъ, еще при жизни Якубъ-бека. Землетрясеніе разразилось въ области Тагармы, Турбулюна и всей западной части группы Мустагъ-ата, но не было замѣтно около Су-баши или Кара-ташъ-давана. Въ береговой моренѣ не произошло, такимъ образомъ, никакихъ измѣненій за всѣ 18 лѣтъ.

То обстоятельство, что землетрясеніе не было замѣтно въ Су-баши, т. е. всего въ 2 часахъ разстоянія, доказываетъ, что землетрясеніе имѣло чисто мѣстный характеръ. Насколько оно отразилось на самомъ ледникѣ, киргизы не могли сказать. На самой поверхности ледника, конечно, не было замѣтно разщелинъ, такъ какъ таковыя, если и были когда, давно уже снова заполнились льдомъ. Между тѣмъ такія трещины

могли-бы доставить отличный случай для изслѣдованія толщины и структуры льда. Землетрясенія не представляютъ обычнаго явленія въ области Мустагъ-аты; лишь разъ въ 3—5 лѣтъ замѣчаются слабые толчки.

Выступая изъ Кашгара въ іюнѣ, я располагалъ посвятить изслѣдованію Мустагъ-аты только 2 мѣсяца. Такого срока оказалось, однако, недостаточно, и я наполовину не успѣлъ закончить своихъ работъ, да и продовольственныхъ запасовъ не хватило. Приходилось ѣхать въ Памирскій постъ добывать все нужное.

Зная, что китайцы зорко слѣдятъ за мной, чуть-ли не считая меня шпиономъ, я не хотѣлъ давать лишней пищи ихъ подозрѣніямъ и рѣшился перейти границу тайкомъ, ночью, въ необерегаемомъ карауломъ пунктѣ и такимъ-же путемъ вернуться обратно. Сопровождать меня должны были только Исламъ-бай, да двое киргизовъ: всѣхъ остальныхъ я отпустилъ. Съ помощью бека Тогдасына мы распространили слухъ, что я направился къ Кара-коруму, южному склону группы Мустагъ-аты.

Вечеромъ 19 августа я отправилъ всѣ свои вещи и коллекціи къ одному изъ моихъ киргизскихъ друзей, старику Техимъ-баю, который отлично спряталъ ихъ подъ коврами и кошмами. По возвращеніи изъ Памирскаго поста мы узнали, что китайцы, удивленные моимъ исчезновеніемъ, производили развѣдки по всей мѣстности. Умный Техимъ-бай счелъ за лучшее препроводить весь мой багажъ въ болѣе надежное укромное мѣстечко и скрылъ его подъ большой глыбой въ конечной моренѣ ледника Кемпиръ-кышлака, предварительно хорошенько окутавъ сундуки войлоками, чтобы предохранить отъ сырости.

Въ кибиткѣ Техимъ-бая мы сдѣлали всѣ приготовленія къ бѣгству. Добыли четверку хорошихъ лошадей, упаковали всѣ нужные приборы, кошмы и ковры и продовольствіе на три дня, такъ какъ намъ предстояло ѣхать по совершенно неизвѣстной мѣстности 130 верстъ.

Часа два мы сидѣли возлѣ огня, болтая, распивая чай съ яковыми сливками и закусывая бараниной. Потомъ, на восходѣ луны, люди навьючили лошадей, и въ 11 часовъ вечера мы, хорошенько закутавшись, такъ какъ дулъ сильный вѣтеръ,